

ISSN 2409-3793

ВЕСНІК

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя D. ЭКАНОМІКА, САЦЫЯЛОГІЯ, ПРАВА

Выходзіць два разы ў год

1 (49)
2017

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д.С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар);
д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (нам. галоўнага рэдактара);
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (нам. галоўнага рэдактара)
д-р экан. навук прафесар Н.У. Макоўская (старшыня рэдакцыйнага савета серыі D);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Эканоміка:

д-р экан. навук прафесар Л.У. Пакуш (Горкі)
д-р экан. навук прафесар С.А. Канстанцінаў (Горкі)
канд. экан. навук дацэнт Т.Ф. Балашова

Сацыялогія:

д-р сацыял. навук прафесар Ю.М. Бубнаў (Магілёў)
д-р сацыял. навук прафесар Н.М. Бемяковіч (Мінск)
д-р сацыял. навук дацэнт М.Я. Ліхачоў (Магілёў)
канд. сацыял. навук дацэнт С.М. Ліхачова (Магілёў)

Права:

д-р юрыд. навук прафесар В.М. Бібіла (Мінск)
д-р юрыд. навук прафесар А.Г. Цікавенка (Мінск)
канд. юрыд. навук дацэнт Л.Ф. Лазуціна (Магілёў)
канд. юрыд. навук дацэнт А.І. Пліско (Магілёў)

*Научно-методический журнал "Вестник Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А. А. Куляшова" включен в РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования),
лицензионный договор № 811-12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
пакой 223, т. (8-0222) 28-31-51

ЗМЕСТ

ЕНИН Ю. И., КОЗЛОВА Е. А. Организационно-экономические условия и показатели оценки перспектив выпуска инновационной продукции Китайско-Белорусского индустриального парка	4
ГНАТЮК С. Н. Институты рынка труда Республики Беларусь: закономерности развития и функционирования	11
ВЕРТАЙ С. П., ШТЕПА В. Н. Развитие венчурного финансирования в Республике Беларусь ...	16
ЗАРЕНОК М. А. Базовые методы и модели управления активами и пассивами коммерческого банка	22
F. HAMADY Examining the performance of the applied cost accounting system in the Lebanese private hospitals: survey	32
ПОСТАЛОВСКИЙ А. В. Основные этапы и новые тенденции развития информационного поля Республики Беларусь на современном этапе	42
ПОХОМОВА А. А. Влияние макдональдизации как социального процесса на феномен волонтерской деятельности	51
БАНЬКОВСКАЯ Ю. Л. Понимание конфликтной ситуации как основание для трансформации социальной системы	56
ГУЛЬКО Е. Ю. Проблема несоответствия между уровнем экологических знаний и экологическим поведением студентов: региональный аспект	62
СОСНОВСКАЯ Н. А. Влияние ценностных ориентаций на семейные стратегии белорусской молодежи	68
КОРОЛЕВ М. Г. Социальные факторы здоровья	76
ВЕРЕМЕЕНКО М. Д. Уголовно-правовые проблемы крайней необходимости	85
БУРАКОВ В. Н. Историко-правовые предпосылки кодификации жилищного законодательства БССР	91
ПАНТЕЛЕЕВА Н. В. Предпосылки формирования договора пожизненного содержания с иждивением как социально-правового явления	99
РЯБЧЕНКО О. Н. К вопросу компаративных исследований преступлений против порядка управления в СНГ	105
ИВАНЕЦ К. М. Правовые основы ведения государственного учета инвазивных видов растений	112

ЭКАНОМІКА, САЦЫЯЛОГІЯ, ПРАВА

УДК 338.12.045

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ПОКАЗАТЕЛИ ОЦЕНКИ ПЕРСПЕКТИВ ВЫПУСКА ИННОВАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ КИТАЙСКО- БЕЛОРУССКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПАРКА

Ю. И. Енин

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры маркетинга,
Белорусский государственный экономический университет

Е. А. Козлова

аспирант,
Белорусский государственный экономический университет

Статья посвящена вопросам инновационного развития Китайско-Белорусского индустриального парка, в которой проанализированы структура управления Китайско-Белорусским индустриальным парком и преференции, предоставляемые резидентам Парка; механизмы и инструменты формирования инновационной структуры дальнейшего развития Парка. В работе предложены показатели оценки перспектив инновационной деятельности Парка, а также представлены рекомендации, позволяющие повысить эффективность инновационно-инвестиционной деятельности Китайско-Белорусского индустриального парка.

Ключевые слова: инновации, инвестиции, инновационный менеджмент, оценка потенциала парка, малое инновационное предприятие, технопарки, технополисы.

Введение

В соответствии с указами Президента Республики Беларусь от 5 июля 2012 г. № 253 “О Китайско-Белорусском индустриальном парке” и от 30.06.2014 г. № 326 “О деятельности Китайско-Белорусского индустриального парка” осуществляется строительство и формирование Китайско-Белорусского индустриального парка “Великий Камень” (далее – Парк), который представляет собой территориальное образование площадью около 80 кв. км с особым правовым режимом для обеспечения комфортных условий ведения международного бизнеса. Парк расположен в 25 км от столицы Республики Беларусь г. Минска в уникальном природном комплексе и в непосредственной близости от международного аэропорта, железнодорожных путей, транснациональной автомобильной магистрали Берлин–Москва. На территории Парка планируется разместить производственные и жилые зоны, офисные и торгово-развлекательные комплексы, финансовый и научно-исследовательский центры. Фактически строится современный международный эко-город с акцентом на высокотехнологичные и конкурентоспособные инновационные производства с большим экспортным потенциалом. Проект развивается в рамках межгосударственного китайско-белорусского сотрудничества и подписанных соответствующих межправительственных

© Енин Ю. И., 2017

© Козлова Е. А., 2017

документов. В качестве резидентов Парка могут выступать любые компании независимо от страны происхождения капитала. Государство для резидентов Парка создает благоприятный инвестиционный климат, гарантированный как национальным законодательством, так и специальными международными соглашениями и обязательствами, предоставило льготы и преференции, образовало отдельный и независимый орган государственного управления, осуществляющий комплексное административное обслуживание по принципу “одного окна”. Парк предложит готовую инженерную и транспортную инфраструктуру, обеспечиваемую управляющей компанией, широкие возможности 170-миллионного беспешлиного рынка стран Таможенного союза Беларуси, России и Казахстана, а также соседних европейских стран, удобное географическое расположение, оптимизирующее временные и транспортные издержки, дисциплинированные и квалифицированные белорусские кадры. Правомерно отметить, что до сих пор отсутствует комплексная Концепция функционирования индустриального парка, которая смогла бы учитывать обеспеченность Парка региональными, финансовыми и научными ресурсами, позволяющими ориентироваться на выпуск инновационной продукции и обеспечивать достижение агломерационных и синергетических эффектов.

Основная часть

Модель управления парка предусматривает трехуровневую структуру менеджмента со следующими управляющими органами:

1. Межправительственный координационный совет (высший орган) с функциями: постановка стратегических целей, координационная поддержка работы Парка, решение вопросов, требующих участия правительства двух стран.

2. Администрация Парка осуществляет текущее управление: оперативное и качественное комплексное обслуживание инвесторов (получение необходимых разрешений, согласований и других государственных услуг) по принципу “одна станция”.

3. Совместная белорусско-китайская компания по развитию Парка осуществляет строительство инфраструктуры и других объектов для развития бизнеса, поиск инвесторов.

Сегодня КНР является одним из наиболее важных торгово-экономических партнеров Республики Беларусь и входит в тройку наших основных торговых партнеров. Подробный анализ международной торговли Китая и Беларуси за последние пять лет сделан в работе [1, с. 161–167]. Поэтому, используя экономический и научно-технический потенциал, наработки торгово-экономических отношений двух стран и возможности реализации совместных договоров (и глобальных проектов) позволяют сделать следующие **выводы по основным направлениям совместной деятельности:**

1. Активное участие Беларуси в создании современной транспортно-логистической инфраструктуры, направленной на обеспечение эффективной доставки товаров из Китая в ЕС, и наоборот.

2. Создание на территории Китайско-Белорусского индустриального парка “Великий Камень” научно-производственных комплексов, наукоемких и сборочных производств, а затем экспорт инновационной продукции в другие страны и регионы мирового хозяйства.

3. Активизация поставок инновационных товаров с использованием нового транспортного коридора в Китай, ЕС, ЕАЭС.

4. Формирование в Минском регионе экспериментальной площадки (организационно-экономической модели), которая при ее успешной реализации может быть внедрена в другие регионы страны и позволит дать значительный импульс не только социально-экономическому росту, но и формированию новой экономики – экономики знаний.

В рамках данной статьи не планировалось рассмотрение всех аспектов, связанных с перспективами деятельности Парка. На наш взгляд, основополагающее значение будет иметь постановка и решение отдельного комплекса вопросов по активизации в Парке инновационной деятельности [2, с. 227].

На наш взгляд, первостепенное значение имеет привлечение инвестиций в инновации в Китайско-Белорусский индустриальный парк “Великий Камень” и в страну в целом. В мировом рейтинге инвестиционной привлекательности International Business Compass-2015 Беларусь находилась на 85 месте среди 174 стран мира. В 2014 г. Беларусь занимала 115-ю позицию. При составлении рейтинга учитывалась актуальная информация о стоимости и условиях жизни, ценах на недвижимость, о здравоохранении и преступности, о транспорте, загрязнении окружающей среды и т.д. Как свидетельствуют международные рейтинги и экспертные оценки специалистов, несмотря на прочные конкурентные позиции такой ведущей страны, какой является США в мировой экономике, нельзя отрицать значительную роль иностранного капитала в усилении этих позиций и их сохранении в списке наиболее конкурентоспособных стран мира. Как указывалось в “Докладе о глобальной конкурентоспособности”, опубликованном в сентябре 2015 г., по уровню конкурентоспособности США занимают третье место в мире после Швейцарии и Сингапура. В этом случае конкурентоспособность страны определялась на базе 12 показателей, рассчитанных на основе открытых источников, а также с учетом мнений несколько тысяч экспертов из более 100 стран мира [3]. В этой связи назрела необходимость на основе международных индикаторов (Глобальный индекс инноваций, Индекс инновационного развития ЕС, Индекс технологического развития, Индекс готовности к экономике знаний) [4, с. 31–48] разработать национальную систему планово-нормативных индикаторов, максимально совместимую с существующими международными системами. Разработанная национальная система индикаторов может быть одной из важных нормативно-оценочных показателей в регулировании инновационного развития отечественных компаний и страны в целом, которую сначала можно апробировать на работе Китайско-Белорусского индустриального парка “Великий Камень”.

Важное значение будет иметь разработка управляющей компанией Парка (например, до 2020 г.) комплексной программы “Инвестируй в Китайско-Белорусский индустриальный парк “Великий Камень”, совокупность мероприятий которой смог бы повысить привлекательность Парка для иностранных инвестиций. При этом на начальном этапе формирования Парка целесообразна разработка Совместной белорусско-китайской компанией маркетинговой стратегии, которая позволит повысить эффективность привлечения инвестиций в инновации.

В Парке создаются благоприятные условия для инвесторов, такие как льготное налогообложение, таможенный режим свободной таможенной зоны, выгодное географическое положение, доступность коммуникаций. Китайско-Белорусское совместное закрытое акционерное общество “Компания по развитию индустриального парка” основано восемью учредителями, каждый из которых входит в компанию с определенной долей в уставном фонде: Китайская национальная

машиностроительная корпорация “Синомач” с долей 32%, Минский областной исполнительный комитет – 30,86 %, Чайна Мерчантс Груп (Бейджинг) – 20%, ОАО “Китайская корпорация инжиниринга САМС” – 13,71%, Харбинская инвестиционная группа – 2,29%, Минский городской исполнительный комитет – 0,57%, Холдинг “Горизонт” – 0,57%. Для резидентов Китайско-Белорусского индустриального парка “Великий камень” определены основные сферы деятельности, среди которых: машиностроение; медицинское оборудование и материалы; биотехнологии, фармацевтика, тонкая химия; электроника и электротехника; новые материалы; оптика; другие направления. Более 30 инвесторов из различных стран мира выразили большую заинтересованность в реализации своего проекта на территории Парка.

При комплексном анализе инновационной инфраструктуры Китая и Беларуси выяснилось, что значительную роль в инновационном процессе двух стран играют малые инновационные предприятия и технопарки. Эти структуры также могут играть значительную роль в формировании научно-производственной базы Парка. В рамках технопарка инновационные фирмы активнее осваивают новые технологии, инновационные методы предпринимательства, используют маркетинговые структуры и в результате обеспечивают высокую конкурентоспособность продукции. Технопарк сможет решать важнейшие проблемы и Минского региона – создать новые высокотехнологические рабочие места, способствовать структурной перестройке и переходу традиционных производств на новые технологии. Второй из приоритетных моделей развития индустриального парка может быть технополис. В мире существуют также технополисы “размытого” типа, обычно они возникают на базе больших городов, которые располагают развитыми инновационными структурами. В состав технополиса входят технопарки, бизнес-инкубаторы, фирмы и учреждения, охватывающие полный инновационный цикл. Технополис – важнейший элемент современной рыночной системы, организационная форма сращивания инновационных фирм и компаний, высших учебных заведений, консультационных, венчурных и других предприятий сферы услуг, соответствующих подразделений государственных и муниципальных органов в единый организационно-экономический механизм. В данный комплекс с целью развития инновационной инфраструктуры могут входить свободные экономические зоны, инкубаторы малого предпринимательства, инновационные центры, центры по разработке современных технологий, центры поддержки малого предпринимательства, специализированные фонды и др. [5, с. 98]. В технополисе Минского региона на базе Китайско-Белорусского индустриального парка “Великий камень” может формироваться и новая нормативно-правовая среда для всей страны. Создание технополиса правомерно осуществлять на основе государственно-частного партнерства всех входящих в него звеньев (НИИ, вузы, малое и среднее предпринимательство, производство). Технополис может вписываться в программу развития и г. Минска, и Минского региона. Наиболее важными элементами в организационной структуре технополиса может стать университетский комплекс г. Минска (БГЭУ, БГУ, БНТУ, БГУИР, БГТУ, БГАТУ и др.) и совокупность научно-исследовательских институтов НАН Беларуси, научных организаций г. Минска; производственно-технологический комплекс республики; сектор обслуживания и др. Создание современного научно-производственно-образовательного комплекса-кластера в тесной кооперации с белорусскими и китайскими учеными, аккумуляция радикальных разработок Китая и Беларуси приведет к реализации высокотехнологичных проектов в

условиях функционирования Китайско-Белорусского индустриального парка “Великий камень”. При оценке перспектив Китайско-Белорусского индустриального парка “Великий камень” важное значение имеют критерии и показатели выпуска в нем инновационной продукции. Анализ экономической литературы показывает, что во многих моделях экономического роста, продолжающих развитие идей основоположника инновационного направления австрийского экономиста Й. Шумпетера, в качестве важнейших критериев используются следующие: капиталоемкость, капиталовооруженность, производительность труда. В современных условиях оценку уровню инновационного развития той или иной структуры позволяют дать следующие характеристики: производительность труда, наукоемкость производимой продукции (отношение затрат на НИОКР к стоимости выпускаемой продукции), доля высокотехнологичных отраслей в объеме производства; стоимость и доля высокотехнологичного экспорта, энергоемкость продукции, выпуск в промышленности на душу населения, экспорт промышленной продукции в стоимостном выражении и его индекс, коэффициент промышленной специализации – соотношение удельных весов промышленных товаров в общем объеме и в экспорте продукции [6, с. 144].

В качестве индикативных показателей инновационного развития в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг. были определены такие показатели, как: доля новой продукции в объеме промышленного производства; доля инновационной продукции в объеме отгруженной промышленной продукции; доля инновационно-активных предприятий в общем количестве предприятий промышленности; удельный вес накопленной амортизации активной части основных средств промышленных предприятий; создание и сертификация систем менеджмента качества по ИСО 9001 (с нарастающим итогом); доля затрат на приобретение машин, оборудования, транспортных средств, инструмента и инвентаря в общем объеме инвестиций в основной капитал; численность работников, выполняющих научные исследования и разработки; расходы на научную, научно-техническую и инновационную деятельность [7, с. 34]. Государственной программой инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы уточнены и определены следующие показатели инновационной деятельности: удельный вес инновационно-активных организаций (в процентах к общему количеству организаций); удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной промышленной продукции (%); численность исследователей на 10 тыс. чел. населения (чел.); доля внебюджетных источников во внутренних затратах на научные исследования и разработки, (%); внутренние затраты на научные исследования и разработки (в % к ВВП); доля экспорта высокотехнологичной и наукоемкой продукции (%); доля высокотехнологичных видов деятельности в промышленном производстве (%) [8, с. 13]. К основным показателям деятельности субъектов инновационной инфраструктуры относят: общая площадь помещений, занимаемых технопарком (включая резидентов и иных арендаторов); площадь помещений технопарка, сдаваемых в аренду; количество резидентов; объем произведенных работ (услуг); общий объем выполненных работ (услуг) для резидентов; прирост объема произведенной инновационной продукции резидентами технопарка [9, с. 60].

Таким образом, к основным показателям инновационной деятельности Китайско-Белорусского индустриального парка “Великий Камень” целесообразно относить: объем иностранных инвестиций, удельный вес инвестиций в инновации, в том числе и иностранных; рост производительности труда; доля иннова-

ционно-активных организаций в общем количестве организаций Парка; импорт высоких технологий по учредителям и в целом по Парку; доля высокотехнологичных рабочих мест в целом по Парку и по учредителям; доля высокотехнологичных видов деятельности в Парке и по его учредителям; доля коммерческих расходов учредителей Парка на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) в добавленной стоимости продукции; доля расходов учредителей на инновации, не связанные с НИОКР в общем объеме отгруженной продукции, работ, услуг; доля внебюджетных источников финансирования учредителя Парка на научные исследования и разработки к добавленной стоимости выпускаемой продукции; удельный вес отгруженной инновационной продукции, работ, услуг учредителя в общем объеме выпуска продукции, выполненных работ и услуг; доля экспорта наукоемкой и высокотехнологичной продукции учредителя, основным видом экономической деятельности которых является производство продукции и оказание работ, услуг в общем экспорте продукции, работ, услуг Парка; удельный вес МСП по учредителям, осуществляющим инновации в общем их числе; доля МСП по учредителям, участвующим в совместных международных инновационных проектах (в общем их числе по Парку); число заявок на патенты по международным стандартам и число заявок на новые промышленные образцы; создание и сертификация по учредителям систем качества по ИСО 9001.

Заключение

Таким образом, обобщая представленное выше по инновационной инфраструктуре, можно выделить следующие показатели, отражающие инновационную деятельность технопарков: общая площадь помещений, занимаемых технопарком (включая резидентов и иных арендаторов); площадь помещений технопарка, сдаваемых в аренду; количество резидентов; объем произведенных работ (услуг); общий объем выполненных работ (услуг) для резидентов; прирост объема произведенной инновационной продукции резидентами технопарка; удельный вес инновационно-активных организаций (в процентах к общему количеству организаций); удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной промышленной продукции (%); доля внебюджетных источников во внутренних затратах на научные исследования и разработки (%); внутренние затраты на научные исследования и разработки (в % к добавленной стоимости); доля экспорта высокотехнологичной и наукоемкой продукции (%).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Томкович, М. П.** Перспективы и возможные направления участия Беларуси в проекте Китая “Экономический пояс Шелкового пути” / М. П. Томкович // Экономика, право и проблемы управления. – Минск : Частный институт управления и предпринимательства. – 2016. – № 6. – С. 161–167.
2. **Енин, Ю. И.** Основы инновационного менеджмента и управления инвестиционной деятельностью организации / Ю. И. Енин. – Минск : МИУ, 2012. – С. 227.
3. Всемирный экономический форум 2015. <https://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2015>.
4. **Богдан, Н. И.** Международные индикаторы инноваций: оценка сильных и слабых сторон Национальной инновационной системы Беларусь / Н. И. Богдан // Белорусский экономический журнал. – 2013. – № 4. – С. 31–48.
5. **Енин, Ю. И.** Инновационный менеджмент / Ю. И. Енин, Н. А. Подобед. – Минск : БНТУ, 2015. – С. 98.

6. **Макаревич, Е. Е.** Система показателей для оценки уровня промышленного развития стран и регионов / Е. Е. Макаревич // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы IX Международной научно-практической конференции, Минск, 19–20 мая 2016 г. / БГЭУ – Минск. – Т. 1. – С. 143–144.
7. Концепция Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы. – Минск, 2010. – С. 184.
8. **Шумилин, А. Г.** О концепции государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг. / А. Г. Шумилин // Новости науки и технологий. – 2015. – № 2(33). – С. 6–15.
9. **Шумилин, А. Г.** Государственное стимулирование развития инновационной деятельности в Беларуси и роль технопарков в поддержке инноваций / А. Г. Шумилин // Проблемы управления. – 2015. – № 2(55). – С. 57–61.

Поступила в редакцию 26.12.2016 г.

Контакты: ugn.enin-2009@tut.by (Енин Юрий Иванович)

Yenin Y.I., Kozlova Y.A. ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC CONDITIONS AND PARAMETERS IN ASSESSING PERSPECTIVES OF THE CHINA-BELARUS INDUSTRIAL PARK INNOVATIVE PRODUCTION.

The article deals with the issues of the innovative development of the China-Belarus Industrial Park and provides the analysis of its management structure and preferences provided for the Park residents taking part in the global project “The Silk Road Economic Belt”. The mechanisms and tools of the formation of the innovative structure of the Park for its further development are revealed. Special recommendations to improve the efficiency and investment activities of the China-Belarus Industrial Park are given.

Keywords: innovations, investments, innovative management, the evaluation of the China-Belarus Industrial Park potential, small innovative enterprise, industrial parks, technopolis.

УДК 331.1

ИНСТИТУТЫ РЫНКА ТРУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

С. Н. Гнатюк

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусско-Российский университет (г. Могилев, РБ)

В статье рассмотрены закономерности формирования и развития институтов рынка труда, соответствующих социально ориентированной рыночной экономике. Выявлены особенности функционирования рынка труда Республики Беларусь.

Ключевые слова: рынок труда, формальные институты, неформальные институты, институты рынка труда, экономические институты.

Введение

Рынок труда представляет собой сложную систему социально-экономических отношений по согласованию интересов работодателей и наемной рабочей силы. Он функционирует как совокупность политических, правовых, социальных, экономических институтов, обеспечивающих воспроизводство и эффективное использование труда при соответствующем вознаграждении. Институты рынка труда определяют общепризнанную, стандартную модель поведения субъектов. Тем самым реализуются взаимные ожидания и субъекты рынка труда способны к долговременному сотрудничеству [1, с. 16–17]. В Республике Беларусь существует ряд институтов рынка труда: службы занятости населения, профсоюзы, союзы предпринимателей, центры подготовки кадров, органы по урегулированию трудовых споров и т. д., соответствующие органы управления. Но комплекс институтов рынка труда социально ориентированной рыночной экономики полностью не сформирован, не все существующие институты действуют эффективно, что приводит к противоречивым тенденциям на рынке труда и в экономике страны. Поэтому необходимо исследовать закономерности формирования и развития этих институтов, их воздействие на рынок труда и поведение хозяйствующих субъектов.

Основная часть

Институты рынка труда – устойчивая система правил, принципов, норм, установок, учреждений и механизмов, определяющих поведение субъектов данного сегмента рынка. Они формируют границы, задают систему ограничений, обязательных для субъектов рынка труда, стандартизируют поведение субъектов, делают их поведение предсказуемым. Институты рынка труда отличаются от институтов других сегментов экономики, так как выполняют функцию социально-экономического взаимодействия, в том числе и между домохозяйствами, их интеграции в экономическую систему. Они функционируют на основе таких принципов, как максимизация индивидом своей выгоды от участия в производ-

стве, рациональное поведение, доверие в деперсонифицированной форме, свобода выбора модели поведения, уважение законов и прав собственности [2].

Институты рынка труда можно разделить на формальные и неформальные. Формальные институты представлены, как правило, законами и нормативными актами, специально созданными организациями. Неформальные институты – это этические нормы, традиции, религиозные предписания, привычки и стереотипы и т. д. На рынке труда они играют доминирующую роль и в силу своей инерционности достаточно медленно, спонтанно трансформируются, подстраиваются к создаваемым формальным правилам, возникающим противоречиям в нормативных документах. Неформальные и формальные институты рынка труда могут вступать в конфликт между собой. Д. Норт отмечал, что “формальные правила меняются, а неформальные ограничения – нет. Вследствие этого развивается устойчивый конфликт между неформальными ограничениями и новыми формальными правилами, поскольку те и другие часто несовместимы друг с другом. Неформальные ограничения постепенно складываются в предшествующий период как продолжение прежних формальных правил” [3, с. 118]. Если экономическая система развивается эволюционно, то неформальные нормы служат основой для создания формальных правил, законов, правовых норм. Если формальные правила становятся неэффективными, то они заменяются неформальными, которые со временем могут принять форму формальных институтов.

Для эффективного рынка труда социально ориентированной рыночной экономики необходима совокупность всех институтов, определяющих поведение субъектов. Поэтому в республике необходимо создать соответствующие политические, правовые, социальные и экономические институты. Политические институты рынка труда, как правило, следуют за развитием неформальных институтов. Возможные скачки в развитии приводят к резкому противоречию формальных и неформальных институтов, что требует системной трансформации институтов рынка труда. Эволюционное развитие политической системы приводит к равновесному сочетанию институтов. Следует учитывать, что политическая среда достаточно подвижна, активно влияет на поведение экономических субъектов, так как они реагируют на изменение внешних условий своей деятельности.

Правовые институты относятся к формальным институтам, превращаются во внутреннюю сторону институциональной системы и выполняют функцию интеграции.

Социальные институты могут быть как формальными, так и неформальными и выполняют функцию социализации (передача индивидам установленных в данной институциональной среде образцов поведения и способов деятельности), воспроизводства структуры общества.

Политические, правовые, социальные институты формируют институциональную среду рынка труда, ядром которой является система экономических институтов. Экономические институты рынка труда – это отношения между рыночными субъектами посредством разного рода правил, норм с целью минимизации трансакционных издержек. Они являются исторически сложившимися устойчивыми формами организации экономической активности работодателей и наемных работников, ищущих или желающих сменить работу, и проявляются в способе организации и регуляции экономической активности субъектов в определенных границах, ограниченном временем, пространством и кругом лиц. Экономические институты выполняют регулятивную функцию для субъектов

хозяйствования и трудовых отношений, связанных с организацией и управлением процессами жизнедеятельности, материального и социального воспроизводства рабочей силы. Они представляют собой самоорганизующиеся самостоятельные социально-экономические структуры, которые имеют свои принципы и тенденции развития и которым свойственна определенная устойчивость структуры, взаимозависимость элементов и изменчивость функций. Роль экономических институтов заключается в том, что они обеспечивают возможность удовлетворения потребностей членов общества, социально-экономическую интеграцию субъектов, устойчивость общественной жизни экономических субъектов. Таким образом, они играют ключевую роль в функционировании рынка труда и деятельности экономических субъектов.

На рынке труда существуют такие типы экономических институтов, как определения и распределения прав собственности на услуги труда; поиска контрагента, сбора информации, отбора; ведения переговоров и заключения контрактов; контроля за соблюдением контрактов, защиты прав собственности; обуславливающие мобильность и транзакционные барьеры на рынке труда; государственного регулирования рынка труда; внутрифирменного распределения трудовых ресурсов.

В трансформационной экономике необходимо ускорить процесс становления институтов рынка труда, соответствующих социально ориентированной рыночной экономике. Формирование институтов рынка труда в Беларуси осуществляется под воздействием следующих факторов:

- сложная демографическая ситуация (процесс старения населения, особенно в сельской местности);
- снижение потребности в рабочей силе под воздействием инновационной модели развития, перехода на постиндустриальную стадию развития;
- возрастание роли человеческого капитала в обеспечении устойчивости развития экономики, возрастание роли знаний, качества рабочей силы, приводящее к формированию института социальной ответственности бизнеса;
- сохранение негативных тенденций в использовании трудового потенциала (в условиях формирования постиндустриальной экономики необходимо перераспределить трудовые ресурсы в сферу услуг);
- утечка квалифицированной рабочей силы в Россию и другие страны как результат невысокого размера зарплаты и пособий по безработице, государственной политики сохранения уровня занятости;
- важнейшие компоненты самонастройки рынка труда (зарплата, уровень духовных потребностей) не приведены в соответствие со стоимостью рабочей силы, что изначально деформирует его.

Рассматривая рынок труда Республики Беларусь, можно выделить следующие тенденции, которые определяют особенности процесса формирования институтов рынка труда.

Рынок труда характеризуется высоким уровнем занятости, который практически не связан с динамикой объема производства. В 2015 г. уровень экономической активности населения составил 82,1%. В 2016 г. падение объема производства сопровождалось сокращением уровня безработицы с 0,91% до 0,6% [4]. На конец 2015 г. официально зарегистрировано 43,3 тыс. безработных, средняя продолжительность безработицы составила 4,1 месяца, что значительно ниже, чем в других странах [4]. В то же время существует ситуация скрытой безработицы, что проявляется в распространении практики режима неполного рабочего

времени и отпусков по инициативе руководства предприятий. Ухудшение экономической ситуации в 2015 г. привело к значительному росту потерь рабочего времени: в среднем на 1 работника промышленности неотработанные дни при работе в режиме вынужденной неполной занятости составили 3,9 дня, целодневные простои – 4,5. В целом потери рабочего времени составили 13,7 дня [4].

Рынок труда республики фактически является рынком монополии, которая носит социально-экономический характер, так как преобладающую роль играет государственный сектор экономики, частные предприятия на отраслевых и региональных рынках труда нередко являются монополистами. Следует отметить, что для экономики республики характерна высокая концентрация производства (на 3 крупнейших организациях в обрабатывающей промышленности в 2015 г. создано 26,8% объема производства). Поэтому спрос на рынке труда предъявляет собственник, занимающий лидирующее положение на рынке труда.

Рынок труда республики характеризуется наличием высококвалифицированной рабочей силой, работниками с высоким человеческим потенциалом: в 2014 г. 51,9% занятых имело высшее и среднее специальное образование против 48,0% в 2010 г. [4].

Для рынка труда республики характерна низкая территориальная мобильность рабочей силы, что проявляется в неэластичном предложении и отсутствии объективных условий для перемещения рабочей силы (проблемы рынка жилья, транспортной и коммуникационной сетей). В связи с этим можно утверждать, что совокупный рынок труда республики представлен множеством относительно самостоятельных региональных рынков труда.

В республике устойчиво растет номинальная заработная плата. Соотношение среднемесячной заработной платы и минимального потребительского бюджета составило в 2015 г. 277,8% (в 2005 – 202,2%). Соотношение среднемесячной заработной платы и бюджета прожиточного минимума трудоспособного населения – 397,7% и 282,2% соответственно. Но она неоправданно дифференцирована по регионам, видам деятельности и квалификации, значительно уступает размеру заработной платы в соседних странах. В 2015 г. средняя заработная плата в Беларуси составила 413 долл., в России – 560, Казахстане – 565, Литве – 900, Польше – 1200 долл. [4]. Уровень заработной платы слабо влияет на формирование равновесия на рынке труда. Отраслевые различия в реальной зарплате практически не вызывают изменений отраслевой занятости. Сокращение объемов производства в промышленности в 2009 и 2015 гг. не сказалось на росте реальной зарплат, но привело к росту кредиторской задолженности предприятий.

Для рынка труда республики характерен интенсивный оборот рабочей силы. Предприятия активно как нанимают, так и освобождаются от работников. Коэффициент оборота работников составил в 2015 г. по приему 22,2, по увольнению – 24,8. Такую ситуацию можно объяснить тем, что предприятия действуют в условиях мягких бюджетных ограничений и задача оптимизации затрат на содержание персонала перед ними не стоит. Основной причиной увольнений работников было увольнение по собственному желанию. Так, в 2015 г. из 780 тыс. чел. уволенных только 9,7 тыс. чел. было уволено в связи с сокращением штатов или численности работников, 41,1 тыс. чел. – за прогулы и другие нарушения трудовой дисциплины [4].

Рынок труда Республики Беларусь имеет институциональную природу, определяемую выбранной перспективной моделью развития экономики, и характе-

ризуется высокой текучестью, приспособлением рынка труда к складывающимся социально-экономическим условиям и институтам. Так как институты развиваются, как правило, по траектории, которая задана предшествующими социально-экономическими процессами, то институциональное развитие рынка труда требует активного участия государства, которое должно санкционировать социально целесообразные самовозникающие неформальные институты, наделяя их статусом государственных законов, и выступать в качестве источника институционального развития рынка труда.

Заключение

Состояние рынка труда в республике определяется взаимодействием общих и специфических институтов. Социально-экономические отношения по поводу использования совокупности трудовых ресурсов на рынке труда республики происходят на конкурентной основе, но имеют свои особенности. Развитие институтов рынка труда проявляется в согласованном взаимодействии всех субъектов рынка, подчинении их экономических интересов эффективной реализации функций каждого института, достижении стратегических целей и решении задач тактического характера в сфере занятости и устойчивого экономического развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Ашмаров, И. А.** Современные рынки труда: их особенности и классификации / И. А. Ашмаров // Вестник РУДН. Серия, Экономика. – 2010. – № 2. – С. 16–20.
2. **Попов, Ю. Н.** Введение в социологию труда и занятости / Ю. Н. Попов, А. В. Шевчук. – М.: Дело, 2005. – 200 с.
3. **Норт, Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. – 180 с.
4. Труд и занятость в Республике Беларусь: статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016. [Электронный ресурс]. – Минск, 2016. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 12.11.2016.

Поступила в редакцию 02.12.2016 г.

Контакты: viclav@tut.by (Гнатюк Сергей Николаевич)

Hnatsiuk S. N. LABOUR MARKET INSTITUTIONS IN THE REPUBLIC OF BELARUS: REGULARITIES OF DEVELOPMENT AND FUNCTIONING.

The article highlights the formation and development of labour market institutions relevant to a socially oriented market economy. Peculiarities of the labour market functioning in the Republic of Belarus are revealed.

Keywords: labour market, formal institutions, informal institutions, labour market institutions, economic institutions.

УДК 330:339.138:336.581

РАЗВИТИЕ ВЕНЧУРНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

С. П. Вертай

кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой менеджмента и маркетинга,
Полесский государственный университет

В. Н. Штепа

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры высшей математики и
информационных технологий,
Полесский государственный университет

Рассматривается актуальность формирования в Республике Беларусь целостной инновационной системы. Обосновывается роль венчурного инвестирования на этапе вывода нового продукта на рынок. Проанализированы доступные для малого и среднего бизнеса источники финансирования инновационных проектов и условия их получения. Сформулированы ведущие механизмы функционирования венчурного рынка. Аргументированы основные приоритеты в формировании рынка венчурных инвестиций. Систематизированы важнейшие источники инвестиций на разных этапах реализации инновационного проекта.

Ключевые слова: инновации, инновационная политика, инвестиции, венчурный капитал, проект, риск, эффективность.

Введение

Результаты анализа статистических данных разных стран в области инновационного развития и структуры финансовых затрат на инновационные разработки свидетельствуют о том, что в настоящее время вопросы научно-технического развития являются приоритетными. Наблюдается увеличение затрат на инновационные разработки не только со стороны частных компаний, но и государства. Это связано с тем, что идет поиск ведущей технологии в рамках формируемого нового технологического уклада: инновации являются важнейшим фактором экономического роста и обеспечивают конкурентоспособность страны. В этой связи для Республики Беларусь является актуальной проблема создания не отдельных элементов, а целостной инновационной экосистемы, обеспечивающей генерирование новых технологий, необходимых объемов финансирования инновационных разработок, механизма их коммерциализации. Формирование инновационной экосистемы осуществляется через решение следующих задач:

- создание необходимой инфраструктуры и институциональной базы;
- стимулирование инновационной активности частного сектора;
- государственная поддержка научно-технического развития.

Основная часть

Вопросам прямого и косвенного регулирования инновационной деятельности в Республике Беларусь уделяется большое внимание: формируется инновационная инфраструктура, обеспечивающая баланс интересов представителей на-

© С. П. Вертай, 2017

© В. Н. Штепа, 2017

уки и бизнеса [1]. Правительством Республики Беларусь утверждены Государственная программа инновационного развития на 2016–2020 гг., Перечень государственных программ научных исследований, а также Перечни государственных и региональных научно-технических программ на 2016–2020 гг. [2]. Стимулируется предпринимательская активность, а также создаются условия для создания высокотехнологичных компаний в рамках существующей инновационной инфраструктуры и в структуре вузов, через научно-технологические парки.

Анализ основных показателей инновационной деятельности Республики Беларусь за 2012–2015 гг. не отражает положительной динамики в направлении роста государственных и коммерческих расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские (НИОКР) и увеличения доли новых для фирм и рынка инноваций (таблица 1). Отрицательная динамика прослеживается и по таким показателям, как востребованность инновационной продукции организаций промышленности на внутреннем и внешнем рынках.

Таблица 1 – Основные показатели инновационной деятельности в Республике Беларусь с 2012 по 2015 г. [3]

Показатель	2012	2013	2014	2015
1. Доля государственных расходов на НИОКР в ВВП, %	0,21	0,23	0,20	0,18
2. Доля венчурного капитала в ВВП, %	–	–	–	–
3. Доля коммерческих расходов на НИОКР в ВВП, %	0,46	0,44	0,32	0,34
4. Доля экспорта средне- и высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта товаров, %	34,6	28,5	27,3	30,3
5. Доля экспорта наукоемких услуг в общем объеме экспорта услуг, %	27,8	26,8	29,6	33,4
6. Продажа новых для рынка и новых для фирмы инноваций в общем товарообороте, %	17,45	17,28	13,33	12,34

Примечание – Источник [5]

Это может быть обусловлено объективными факторами, т. к. обеспечение коммерциализации новых разработок возможно в случае признания инновационных результатов рынком: около 33% новых промышленных продуктов терпят неудачу, только 1/5 инновационных фирм приносят в конечном итоге прибыль и получают дальнейшее развитие [4, с. 43]. Также важным фактором с точки зрения коммерциализации результатов научных разработок является активное формирование рынка венчурного инвестирования.

В мировой практике объекты венчурного финансирования – это инновационные компании, находящиеся на ранних стадиях развития, реализующие идею или технологию, которые ранее не были реализованы. На долю мелких и средних фирм в мире приходится более 85% объема средств рискованного финансирования [5].

Венчурный капитал – это специфическая форма финансирования, основная идея которого сводится к ограниченному участию в собственном капитале компании в течение определенного периода, который обычно составляет от 3 до 5 лет [6]. В частности, Европейская ассоциация прямого и венчурного инвестирования (EVCA) определяет венчурное финансирование как “акционерный капитал, предоставляемый профессиональными фирмами, которые инвестируют, одновременно принимая участие в управлении, в частные предприятия, демон-

стрирующие значительный потенциал роста, в фазах их начального развития, расширения и преобразования” [7].

Венчурное финансирование имеет ряд особенностей:

- размещение средств осуществляется в качестве вклада в уставный капитал. Средства могут размещаться и в виде кредита, но сроки кредитования составляют в среднем 3–7 лет, а ставка по кредиту нулевая либо равна средней по рынку (плюс 2–4%);

- инвестирование осуществляется в частные фирмы, акции которых не котируются на фондовом рынке;

- средства вкладываются без обеспечения и гарантий, поэтому инвесторы снижают риск вложений за счет участия в управлении фирмой. В отличие от стратегических инвесторов венчурный инвестор не стремится к покупке контрольного пакета акций, но может потребовать вхождение в состав совета директоров одного или нескольких своих представителей;

- венчурные инвесторы не требуют выплаты дивидендов, а основной доход получают от капитализации компании путем продажи своей доли [8]. В этой связи венчурные фонды обычно налагают ограничения на распределение прибыли, требуют ее обязательного реинвестирования, поскольку это позволяет быстрее увеличить стоимость бизнеса и получить доход от продажи своей доли.

В российской практике венчурными часто называют фонды прямых инвестиций, однако такое отождествление не корректно, т. к. в отличие от венчурных фондов фонды прямых инвестиций берут на себя контроль над управлением компаний.

В организационном плане венчурные фонды представляют собой командитные товарищества, т. е. управляют фондом юридические лица – полные товарищи. Их доля капитала составляет 1%, а 99% капитала – командитные товарищи, которые рискуют только своим вкладом (банки, страховые организации, паевые фонды, корпорации, частные инвесторы).

Ожидания венчурных инвесторов в отношении компаний потенциальных объектов для инвестирования следующие: темпы роста продаж превышают темпы роста рынка; высокая доходность (от 50 до 100% годовых); быстрый рост; быстрая окупаемость; возможность выхода из инвестиционного проекта до окончания финансового цикла или при неблагоприятном сценарии реализации проекта; наличие уникальной идеи; наличие прав интеллектуальной собственности; возможность масштабирования бизнеса.

Возврат венчурных инвестиций происходит в форме “выхода” из инвестиционного проекта, основными формами которого являются: IPO, SPO, продажа акций на бирже, продажа стратегическому инвестору, продажа финансовому инвестору (другому фонду), выкуп менеджерами, обратный выкуп акций, полная или частичная продажа активов, списание. Выход инвестора определяется через реальные опционы.

В Республике Беларусь доля организаций малого и среднего бизнеса, осуществлявших в 2015 г. инновации, составила 3,49% по продуктовым, или процессным, инновациям, 1,54% – по маркетинговым, или организационным, инновациям (таблица 2), т. е. при создании соответствующих условий и обеспечении среды, позволяющей получить доступ к финансовым ресурсам, возможен рост их инновационной активности.

Таблица 2 – Показатели инновационной активности малых и средних предприятий (МСП) с 2012 по 2015 г. [3]

Показатель	2012	2013	2014	2015
Доля МСП, осуществляющих внутренние инновации, в общем числе МСП, %	4,70	3,99	3,77	4,41
Доля МСП, участвующих в совместных инновационных проектах, в общем числе обследованных организаций, %	0,69	0,52	0,41	0,48
Доля МСП, внедряющих продуктовые или процессные инновации, в общем числе МСП, %	4,21	3,47	3,07	3,49
Доля МСП, внедряющих маркетинговые или организационные инновации, в общем числе МСП, %	0,99	1,19	1,08	1,54

Примечание – Источник [5]

Создание венчурной компании планируется в Республике Беларусь в текущем в 2016 г., а к 2020 г. будет создано два венчурных фонда, что обеспечит формирование венчурной системы финансирования [2].

В настоящее же время для субъектов малого предпринимательства, находящихся на начальной стадии своего развития, на безвозвратной основе доступны два инструмента финансирования:

1) инновационный ваучер – при реализации подготовительного или конструкторско-технологического этапа (до 25 тыс. долл. США);

2) грант – при реализации конструкторско-технологического этапа (до 100 тыс. долл. США).

Доступны для субъектов малого и среднего бизнеса и инструменты зарубежных финансовых институтов. При этом кредиты и гранты от иностранных финансовых институтов характеризуются более низкими процентными ставками (ниже среднерыночных на 2–4%), более длительным периодом кредитования и гибкими требованиями к залогам. Банки охотнее выдают кредиты через целевые кредитные линии. Основные игроки, на которых следует обратить внимание белорусскому бизнесу, Евразийский банк развития (ЕАБР), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Шведское Агентство Международного Развития (SIDA), Северная экологическая финансовая корпорация (НЕФКО), Международная финансовая корпорация (МФК), Северный инвестиционный банк (СИБ) [9].

В отличие от венчурных компаний различные фонды прямых инвестиций (Horizon Capital, RUSSIA PARTNERS, Euroventures Capital Ltd, Alfa Group (А1 Групп), BaltCap, Зубр капитал и др.) предлагают инвестиции в капитал с передачей контроля управления компанией, в которую направляются инвестиции.

Еще одним инструментом финансирования, доступным для организаций из Беларуси, являются внутренние программы Европейского Союза [10]. В настоящее время предлагается около 16 программ, в которых организации Республики Беларусь могут выступать в качестве партнера или участника мероприятий:

1. Партнер – “Горизонт 2020”, “Эразмус +”, COSME: конкурентоспособность малых и средних предприятий, Европейская исследовательская программа в области метрологии, “Жизнь” – Программа по защите окружающей среды и деятельность в области климата, “Здоровье для роста”, SESAR – Единое исследование по управлению воздушным движением в небе Европы.

2. Участник в мероприятиях проекта: “Фискал 2020” – Таможенная и налоговая программы ЕС, “Периклес 2020” – Программа по обмену, помощи и обучению для защиты от подделывания валюты (евро), “Геркулес III”, Европейская программа по статистике, COST – Европейское сотрудничество в области научных исследований и технологий, “Коперник” – Программа наблюдения за поверхностью Европы.

3. Финансирования программы трансграничного сотрудничества Европейский инструмент добрососедства – Территориальное сотрудничество в Европе, Фонд миграции и предоставления убежища, Финансовый инструмент гражданской защиты и центр реагирования на чрезвычайные ситуации.

На рынке финансовых ресурсов представлены источники не только под реализацию проектов, но и под их подготовительный этап. Например, Северный проектный фонд предоставляет беспроцентные целевые займы в размере до 40% утвержденных расходов на сумму, не превышающую 50 000 евро, для софинансирования технико-экономического обоснования и создания бизнес-планов новых предприятий, проектов выхода на рынки стран, не входящих в ЕС и ЕАСТ.

Заключение

Проведенный анализ показал, что предпринимаются значительные усилия со стороны государства в создании условий для генерирования инноваций. Однако для активизации механизма генерирования технологических инноваций и их отбора на этапе проектов или разработки идеи для их последующего приоритетного финансирования необходимо формирование целостной инновационной системы (экосистемы), включающей механизм финансирования. Это связано с тем, что развитие венчурных инвестиций предполагает развитие наукоемких производств, переход от финансирования отдельных точечных высокотехнологичных проектов к формированию проектов, финансирующих различные виды промышленной деятельности, проекты длинной волны, направленные на повышение уровня межотраслевого инновационного потенциала. На финансовом рынке Республики Беларусь представлено достаточно возможностей для привлечения финансовых ресурсов, но условия привлечения и сами источники довольно разрозненны. Кроме того, источники и инструменты финансирования, при помощи которых можно привлечь средства на развитие бизнеса или реализацию проекта, отличаются для частных и государственных компаний по требованиям к содержанию проектов и схемам финансирования. Создание консультационных агентств на базе имеющейся инновационной инфраструктуры, включение их в общую систему финансирования инновационных проектов, предполагающую их отбор и, при необходимости, доработку в бизнес-инкубаторах и акселераторах, позволит активизировать деятельность малых и средних предприятий по внедрению инноваций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Шебеко, К. К.** Концепция создания инновационного научно-промышленного кластера в Полесском регионе / К. К. Шебеко, В. Н. Штепа, С. П. Вертай // Экономика и банки. – № 2. – 2015. – С. 8–15.
2. На заседании Президиума СМ РБ рассмотрен вопрос об итогах реализации Государственной программы инновационного развития на 2011–2015 годы и проекте аналогичной программы на 2016–2020 годы / Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belisa.org.by/ru/news/stnews/innovative/d937e7b495743af9.html>. – Дата доступа: 22.04.2016.

3. Наука и инновации / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/nauka-i-innovatsii/osnovnye-pokazateli-za-period-s-pogody/osnovnye-pokazateli-innovatsionnoi-deyatelnosti-organizatsii-promyshlennosti/index.php?sphrase_id=118278. – Дата доступа: 15.10.2016.
4. **Быков, А. А.** Инновационные факторы обеспечения устойчивости предприятий / А. А. Быков, С. П. Вертай, О. Д. Колб // Инновационное развитие звеньев экономики / А. А. Быков [и др.] ; под ред. А. А. Быкова, М. И. Ноздрин-Плотницкого. – Минск, 2009. – Раздел. 2.1. – С. 43–55.
5. **Грицунова, С. В.** Формирование венчурных инновационных систем в России / С. В. Грицунова, А. В. Косолапова // Интернет-журнал “Мир науки” ISSN 2309-4265 <http://mir-nauki.com/> Вып. 2 – 2015 апрель – июнь <http://mir-nauki.com/issue-2-2015.html>. – Дата доступа: 15.09.2016.
6. **Frohlich, E. A.** et al. (1994). Manual for Small Industrial Businesses: Project Design and Appraisal. UNIDO, Vienna.
7. **Родионов, И., Никконен, А.** Венчурный капитал и прямые инвестиции в инновационной экономике : курс лекций [Электронный ресурс]: Российская ассоциация венчурного инвестирования – Режим доступа: <http://www.rvca.ru/rus/resource/library/RVCA-Course-2011>. – Дата доступа: 10.09.2016.
8. **Легостаева, С. А.** Роль венчурного бизнеса в становлении инновационной экономики России / С. А. Легостаева, Е. В. Трошина, Н. Н. Соколова // Фундаментальные исследования. – № 8. – 2016. – С. 346–350.
9. Международные финансовые институты и инвестиционные фонды в Беларуси // ЗАО “ИНВЕСТИЦИОННАЯ КОМПАНИЯ “ЮНИТЕР” [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.uniter.by/upload/iblock/ddb/ddbf323463b06540ff976f165c6d0177.pdf>. – Дата доступа : 16.11.2016.
10. Центр международной технической помощи Европейского союза в Республике Беларусь // Официальный сайт [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://cu4eu.by>. – Дата доступа: 16.11.2016.

Поступила в редакцию 25.11.2016 г.

Контакты: shns1981@gmail.com (Штепа Владимир Николаевич)

Vertai S.P., Shtepa V.N. VENTURE FINANCING DEVELOPMENT IN BELARUS.

The importance to form a comprehensive innovation system in the Republic of Belarus is viewed in the article. The role of venture investments at the point of introducing a new product to the market is substantiated. Available for small and medium business, the sources of financing of innovative projects and the conditions for their receipt are analyzed. The main mechanisms of venture market functioning are represented. The key priorities in the formation of venture investment market are defined. The major sources of investment at different stages of an innovation project are systematized.

Keywords: innovation, innovation policy, investment, venture capital, project, risk, efficiency.

УДК 336.71.078.3

БАЗОВЫЕ МЕТОДЫ И МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ АКТИВАМИ И ПАССИВАМИ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

М. А. Заренок

кандидат физ.-мат. наук, аспирант,
Белорусский государственный экономический университет

Статья содержит анализ и систематизацию базовых методов и моделей управления активами и пассивами коммерческого банка. Проведенные модели, начиная с простейших, легли в основу последующей разработки теорий управления активами и управления пассивами, которые на сегодняшний день используются в банках. Описание каждой из моделей включает в себя историческую и теоретическую составляющие, анализ достоинств и недостатков, а также возможные методы преодоления выделенных недостатков. Приведенная систематизация дает понимание основ методов, их достоинств и недостатков, без которых невозможно создание новых, более сложных моделей, отвечающих потребностям современных коммерческих банков.

Ключевые слова: управление активами и пассивами, управление активами, управление пассивами, метод общего фонда, метод распределения активов, управление процентной маржей.

Введение

Одной из характерных черт развития банковской системы Республики Беларусь в новейшей истории является возникновение большого количества коммерческих банков и активизация их деятельности на банковском рынке. Центральное место в управлении коммерческим банком занимает проблема управления активами и пассивами, без правильного решения которой невозможно добиться прибыльной работы банка.

Несмотря на принципиальную важность проблемы управления активами и пассивами, количество публикаций на эту тему крайне ограничено. Причина ограниченности публикаций по вопросам управления активами и пассивами, кроме объективной сложности самой проблемы, кроется еще в коммерческой тайне. Для любого банка крайне важно применять эффективный метод управления активами и пассивами (и здесь главное – закрыть доступ к этому методу конкурентам). Увеличение даже на доли процента отношения процентной прибыли к активам коммерческого банка всегда отмечается в его отчетах как большое достижение в управлении, что еще раз подтверждает высокую значимость исследований методов управления активами и пассивами.

Очевидным является тот факт, что без знания истории возникновения системы управления активами и пассивами, а также понимания основ методов, их достоинств и недостатков невозможно создание новых, более сложных моделей, отвечающих потребностям современных коммерческих банков.

Основная часть

Придавать значение проблеме управления активами и пассивами в банковской деятельности западные ученые-финансисты стали в 40–50-х гг. прошлого века. Первая научная работа, относящаяся к теории банковской фирмы и посвященная моделям формирования банковского портфеля, была опубликована Р. Портером в 1961 г. Позже для управления банковскими активами (К. Дж. Коен, Ф. С. Хаммер) и управления банковским портфелем в целом (А. Броддус) было предложено использовать метод линейного программирования. В 1968 г. У. Пул предложил стохастическую модель управления резервами коммерческого банка. Дж. Прингл разработал модели, ориентированные на минимизацию рисков снижения стоимости капитала банка в условиях несовершенных рынков. В свою очередь, Ф. Блэк опубликовал анализ методов управления средствами банка в условиях эффективного рынка. В 1979 г. Была разработана теория портфельной диверсификации. В дальнейшем данные теории оказали сильное влияние на формирование современных методов управления активами и пассивами.

До 60-х гг. XX в. основным источником формирования ресурсной базы коммерческих банков были вклады населения, долгосрочные кредиты и эмиссия акций. В этот период банки имели в достаточном количестве дешевые пассивы в форме депозитов до востребования и сберегательных вкладов. В таких условиях не требовалось большого искусства для управления пассивами. Как отмечает в своей монографии Дж.Ф. Синки, основное внимание уделялось тогда управлению активами [1]. В сложившихся на тот момент экономических условиях потребности банка в ликвидности удовлетворялись за счет управления кредитами. Стратегия управления активам в первую очередь основывалась на том, что большую часть своих потребностей в ликвидных активах банк покрывал за счет конвертации активов в наличность.

В 60-х гг. источники финансирования существенно сократились при устойчивом спросе на ссуды. Спрос на деньги со стороны клиентов превысил возможности традиционных источников финансирования, что обусловило возникновение конкуренции в борьбе за источники ресурсов, особенно в тех случаях, когда требовались большие суммы. Это повлекло за собой значительные изменения в способах управления активами и пассивами. Как отмечает П.С. Роуз [2, с. 478], банки начали реструктуризовать источники средств в соответствии с двумя определенными, четко заданными целями:

- использовать те источники, которые минимизируют издержки привлечения средств;
- выбирать оптимальные пропорции между величинами депозитов, заемных средств и капитала, которые обеспечивают желаемый уровень стабильности фондов.

Таким образом, для этого периода доминирующим является управление пассивами, которое заключается в покупке банком средств для обеспечения прибыльных кредитных вложений. Главным в управлении пассивами стала их стоимость, т. е. процентные ставки и другие условия, которые банк предлагал депозиторам, чтобы обеспечить необходимые структуру и стоимость пассивов.

Сложились четыре особые теории: *коммерческих ссуд, перемещения, ожидаемого дохода* (они связаны с теорией управления активами), аналогично построена и *теория управления пассивами* [3, с. 547; 4, с. 307]. Первоначально вопрос о банковской ликвидности имел два подхода.

Первый подход был основан на том, что структура активов банка по срокам должна точно соответствовать структуре его пассивов, а это практически исключало возможность проведения коммерческими банками активной политики управления своей ликвидностью. На основе данного подхода было выработано так называемое “золотое банковское правило”, состоящее в том, что величина и сроки финансовых требований банка должны соответствовать размерам и срокам его обязательств.

Второй подход базировался на возможности реального несоответствия структуры активов и структуры пассивов баланса, поскольку ни один, даже самый мощный, коммерческий банк не застрахован от кредитных рисков, вызванных экономическими кризисами, неплатежами по ссудам, изменениями конъюнктуры спроса и предложения на рынках денежных средств, ценных бумаг и других проявлений несбалансированности финансовых рынков. Такие явления особо характерны для стран с переходной экономикой. Обеспечение условия устойчивой деятельности коммерческого банка вызвало объективную необходимость решать проблему ликвидности через возможность управления структурой баланса, т. е. возможность одновременного управления активами и пассивами коммерческих банков.

Однако рассмотрим сначала традиционные подходы, основанные на раздельном управлении активами и пассивами.

Теория коммерческих ссуд уходит корнями в английскую банковскую практику XVIII в. Защитники этой теории утверждают, что коммерческий банк сохраняет свою ликвидность, пока его активы размещены в краткосрочные ссуды, своевременно погашаемые при нормальном состоянии деловой активности. Иными словами, банкам следует финансировать последовательные стадии движения товаров от производства к потреблению. Теория коммерческих ссуд была ведущей банковской теорией в США с колониальных времен до конца 30-х гг. прошлого столетия. Основным недостатком теории было то, что она не учитывала кредитных потребностей развивающейся экономики. Строгое соблюдение теории запрещало банкам финансировать расширение предприятий, приобретение домов, скота, земли. Эта теория также не учитывала относительную стабильность банковских вкладов: несмотря на то что банковские вклады могут быть изъяты по требованию, все вкладчики одновременно не снимут свои средства. Далее, теория исходила из того, что при нормальном ходе дел все ссуды будут погашены своевременно. Однако в периоды экономического спада или финансовой паники фирме становится затруднительно, а порой и невозможно погасить банковскую ссуду [4, с. 307].

Теория перемещения впервые была опубликована в 1918 г. американским ученым Х. Дж. Моултоном. Она гласит, что ликвидность можно обеспечить, если определенная доля депозитов будет направлена на приобретение таких активов, для которых существует вторичный рынок. То есть если банку потребуется дополнительная наличность, чтобы удовлетворить требования вкладчиков, желающих забрать свои деньги, или возросший спрос на кредит, то именно такие высоколиквидные активы могут быть проданы [3]. Это означает, что сохранение ликвидности возможно при условии, что активы можно трансформировать из менее в более и абсолютно ликвидную форму – наличность. У данного метода есть ряд недостатков. Во-первых, реализация многих видов активов связана с выплатой комиссионного вознаграждения посредникам, а во-вторых, при срочной реализации возможна вынужденная продажа активов ниже действи-

тельной стоимости. Таким образом, использование теории перемещения в практике управления банковской ликвидностью эффективно в случае достаточно стабильной обстановки на финансовых рынках, сбалансированности спроса и предложения. В противном случае для поддержания ликвидности банковской системы, как и для применения теории коммерческих ссуд, необходимо существование центрального банка с неограниченными возможностями по покупке финансовых инструментов, относящихся к вторичным резервам.

В 1950-е гг. как реакция на недостаточный уровень ликвидности была разработана альтернативная теория управления активами – *теория ожидаемых доходов*. Согласно этой теории банковскую ликвидность можно планировать, если в основу графика платежей в погашение кредитов положить будущие доходы кредитополучателя. Она не отрицает описанных выше теорий, но подчеркивает, что связь доходов кредитополучателя с погашением кредита предпочтительнее, чем акцент на обеспечении кредита. Данная теория утверждает, что на банковскую ликвидность можно воздействовать, изменяя структуру сроков погашения кредитов и инвестиций [5]. Портфель, значительную часть которого составляют кредиты, предусматривающие ежемесячные или ежеквартальные платежи в счет погашения основного долга и процентов, ликвиден, поскольку регулярные потоки наличных средств легко планировать [4]. Теория ожидаемого дохода содействовала тому, что многие банки положили в основу формирования портфеля инвестиций эффект ступенчатости: ценные бумаги подбираются по срокам погашения так, чтобы поступления были регулярными и предсказуемыми.

Теория управления пассивами утверждает, что банки могут решить проблему ликвидности путем привлечения дополнительных средств с рынка. Согласно этой теории следует размещать большую часть ресурсов на более длительные сроки, чем они были привлечены, обеспечив возвратность кредитов за счет залогов, а потребность в средствах для выплаты по неожиданно возникающим обязательствам – за счет таких источников, как межбанковские кредиты и т. д. [3, с. 554]. Теория управления пассивами основывается на следующих двух утверждениях. Первое – коммерческий банк может решать проблему ликвидности путем привлечения дополнительных денежных средств, покупая их на рынке капитала. Второе – коммерческий банк может обеспечить свою ликвидность, прибегая к обширным займам денежных средств в Центральном (Национальном) банке, либо у банков-корреспондентов. В широком смысле управление пассивными операциями представляет собой деятельность, связанную с привлечением средств вкладчиков и других кредиторов и определением соответствующей комбинации источников средств для данного банка. В более узком смысле под управлением пассивными операциями стали понимать действия, направленные на удовлетворение нужд в ликвидности путем активного изыскания заемных средств по мере необходимости [6, с. 148].

Каждая из приведенных выше теорий имеет как ряд преимуществ, так и ряд недостатков. Однако стоит отметить, что данные теории являются базовыми, или основополагающими, и служат отправной точкой для формирования политики управления ликвидностью коммерческих банков. Теории коммерческих ссуд, перемещения, ожидаемого дохода на сегодняшний день стали историей и легли в основу разработки теорий управления активами и управления пассивами. Для обеспечения условий устойчивой деятельности коммерческого банка необходимо решать проблему управления активами и пассивами через одновременное управление требованиями и обязательствами банка.

Существует взаимозависимость между активными операциями и операциями пассивными. Ликвидность можно обеспечить, поддерживая высокий уровень кассовой наличности или помещая средства в высоколиквидные активы, а также гарантировав банку возможность привлекать дополнительные вклады и занимать деньги из других источников. Большая изменчивость суммы вкладов, требования досрочного погашения долгов также обуславливают необходимость увеличения ликвидных активов. К тому же имеется прямая связь между издержками банка по вкладам и другим заемным средствам и доходами от различных активных операций. Повышать прибыльность банковских операций, не выходя за границы ликвидности, помогает тщательное сопоставление предельных издержек по привлеченным средствам и предельных доходов от кредитов и инвестиций. Таким образом, коммерческие банки должны распределять привлеченные средства в различные виды активных операций, не снижая прибыльность и ликвидность. Приведенные ниже методы являются базовыми и несколько упрощенными. Их следует рассматривать не как комплекс нормативных указаний, дающий основу для принятия решений, а как общую схему, в рамках которой руководство банка может определить подход к решению проблемы управления активами.

В основе метода общего фонда средств лежит идея объединения всех ресурсов. Привлеченные средства поступают из различных источников, включая вклады до востребования, срочные вклады, а также собственный капитал банка. Затем совокупные средства распределяются между теми видами активов, которые считаются подходящими. В модели общего фонда средств для осуществления конкретной активной операции не имеет значения, из какого источника поступили средства [3, с. 552; 7, с. 309]. Схематически этот метод представлен на рисунке 1.

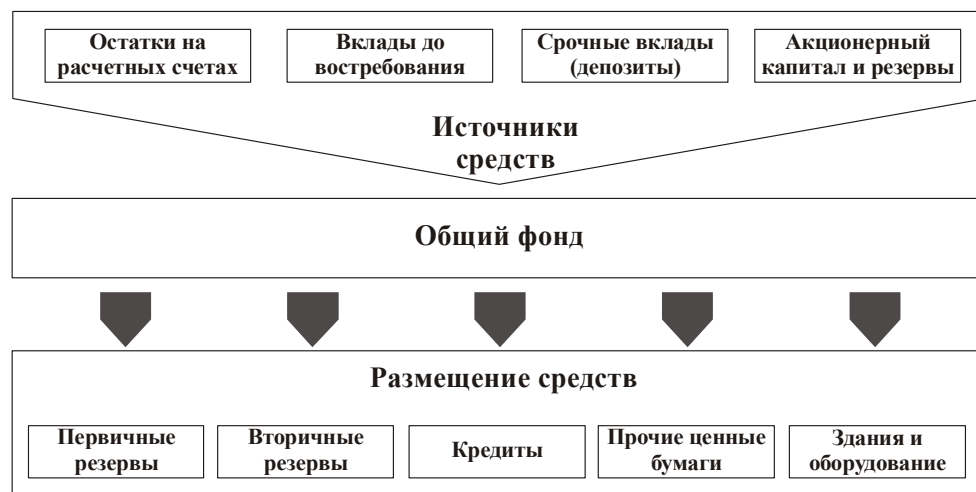

Рисунок 1. Метод распределения общего фонда средств

Задачей номер один при определении структуры размещения средств является установление их доли, выделяемой в качестве первичного резерва. В первичные резервы включаются те активы, которые могут быть немедленно использованы для выплаты изымаемых вкладов. Необходимо отметить, что резервы первой очереди включают как обязательные резервы, служащие обеспечением

обязательств по вкладам, так и остатки наличных денег, достаточные для повседневных расчетов. Задачей номер два при размещении средств будет создание “некассовых” ликвидных активов, которые приносят определенный доход. Эти резервы включают высоколиквидные доходные активы, которые с минимальной задержкой и незначительным риском потерь можно превратить в наличные средства. Основное назначение резервов второй очереди – служить источником пополнения первичных резервов. Третий этап размещения средств по методу общего фонда средств – формирование портфеля кредитов. И, наконец, в последнюю очередь при размещении средств определяется состав портфеля ценных бумаг. Средства, остающиеся после удовлетворения обоснованных потребностей клиентов в кредитах, могут быть помещены в сравнительно долгосрочные первоклассные ценные бумаги и иные способы инвестирования [3; 5; 8].

При подходе к размещению средств с позиций общего фонда средств излишне много внимания уделяется ликвидности, и не учитываются различия требований ликвидности по отношению к вкладам до востребования, срочным вкладам, основному капиталу. Метод распределения активов, известный также как метод конверсии средств, позволяет преодолеть недостатки метода общего фонда средств. Модель распределения активов устанавливает, что размер необходимых банку ликвидных средств зависит от источников привлечения. Этим методом делается попытка разграничить источники средств в соответствии с нормами обязательных резервов [7]. Например, вклады до востребования требуют более высокой нормы обязательных резервов по сравнению со срочными вкладами. Схематически модель показана на рисунке 2.

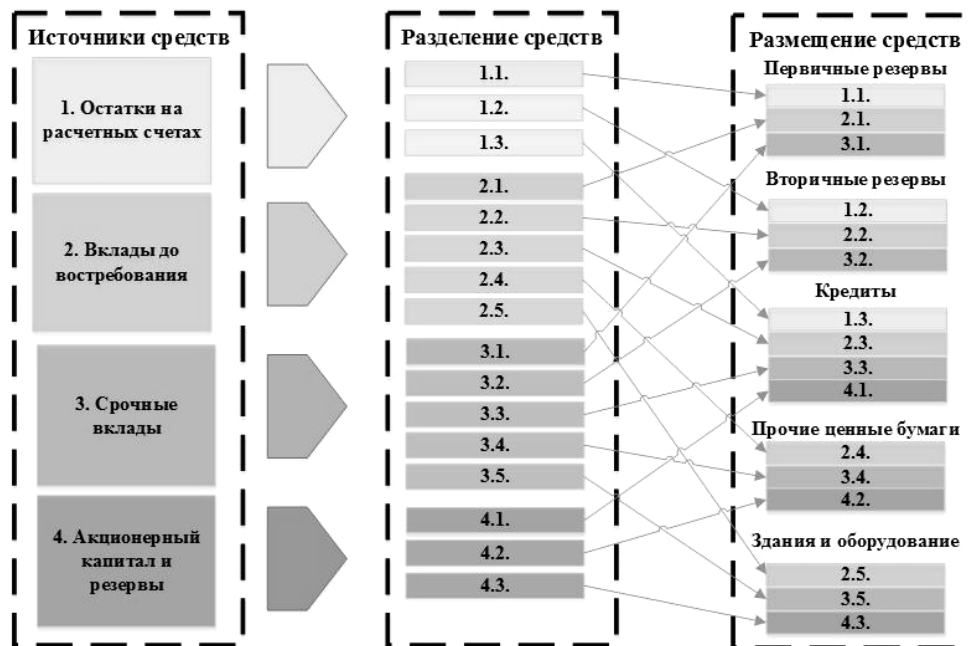

Рисунок 2. Метод распределения активов

Вклады до востребования требуют самого высокого покрытия обязательными резервами. Следовательно, значительная часть средств из вкладов до востре-

бования будет направлена в резервы первой очереди, оставшаяся часть вкладов до востребования будет размещена преимущественно во вторичные резервы и только сравнительно небольшие суммы будут предназначены для предоставления кредитов, главным образом в форме краткосрочных коммерческих кредитов. Требования ликвидности для срочных вкладов несколько ниже, поэтому данные средства будут помещены большей частью в кредиты и инвестиции. Основной капитал почти не требует покрытия ликвидными активами и используется для вложения в здания и землю, а оставшиеся средства предназначаются для долгосрочных кредитов и менее ликвидных ценных бумаг, т. е. используются для увеличения доходов банка. Главным преимуществом рассматриваемого метода является уменьшение доли ликвидных активов и вложение дополнительных средств в кредиты и инвестиции, что ведет к увеличению нормы прибыли.

Однако оба рассмотренных метода имеют существенный недостаток: они опираются на средний, а не на предельный уровень ликвидности. Например, в то время как одни клиенты изымают деньги, другие, напротив, вносят деньги в банк, остатки средств на вкладах до востребования (как и общая сумма депозитной задолженности банка) могут незначительно колебаться в течение года. Как показывает практика, часть средств, со сроком до востребования, никогда не будет изъята и с полным основанием может быть инвестирована в долгосрочные высокодоходные ценные бумаги. Более того, оба метода, делая акцент на ликвидности обязательных резервов и возможности изъятия вкладов, уделяют меньше внимания необходимости удовлетворять заявки клиентов на кредит. Между тем хорошо известно, что по мере подъема деловой активности растут объемы и вкладов, и кредитов. Сформированная банком структура пассивов не всегда соответствует определенному рынком составу активов. Следовательно, некоторые виды депозитов могут остаться не полностью инвестированными или некоторые виды кредитов могут не в полной мере соответствовать срокам, на которые привлечены пассивы.

Также при быстрой изменчивости процентных ставок использование вышеприведенных методов не способствует оптимизации прибыли. Поскольку банки рассматриваются как субъекты, покупающие денежные средства и одалживающие их исходя из прибыльной разницы между процентными ставками покупки и продажи средств, то модели управления активами и пассивами, дополнительно учитывающие чувствительность к процентным ставкам, стали наиболее популярными в банковской практике.

Первой из разработанных стратегий, ориентированной на практическое использование управления активами и пассивами с учетом чувствительности процентных ставок, была стратегия управления процентной маржей (*interest margin*) [7; 8] – разностью между процентом, получаемым от работающих активов, и процентом, выплачиваемым по обязательствам. Процентная разница может быть выражена в денежном эквиваленте и в виде процентов от работающих активов. Управление процентной маржей подвело к понятию “гэп” (англ. *gap* – разрыв) и управлению гэпом (*gap management*) [9; 10]. Получает распространение также термин “управление спрэдом” (*spread management*) (англ. *spread* – размах, расстояние от и до) [7; 11; 12]. Спрэд представляет собой разность между процентным доходом, полученным от активов, и процентным расходом, понесенным по обязательствам.

Сущность современных методов управления активами и пассивами, предназначенных для долгосрочной цели увеличения собственного капитала, заклю-

чается в эффективном управлении процентной маржей и спрэдом. Важна здесь и концепция гэпа [10]. Гэп определяют как разность в денежном выражении между объемами активов банка с плавающей процентной ставкой и его обязательств также с плавающей процентной ставкой или как разность в денежном выражении между объемами активов банка с фиксированной процентной ставкой и его обязательств также с фиксированной процентной ставкой.

Простейшей стратегией управления процентной маржей является стратегия фиксации спрэда [11; 13]. При этой стратегии банк старается зафиксировать спред, приводя в соответствие типы и сроки действия активов и пассивов. Таким образом, все активы с фиксированной ставкой будут финансироваться пассивами с фиксированной ставкой, а все активы с плавающей ставкой будут финансироваться пассивами с плавающей ставкой. Эта стратегия хотя и достаточно надежна, но не исключает риска невозврата кредитов и доходов по ценным бумагам.

Управление гэпом является более агрессивной стратегией [1; 14]. При ее использовании банк изменяет гэп в ответ на изменения ожиданий в отношении будущих процентных ставок и формы кривой доходности. С этой стратегией связано несколько проблем. Во-первых, управление гэпом подразумевает, что направление изменения процентных ставок может быть предсказано. Ошибочный прогноз приводит к неожиданному уменьшению или увеличению спрэда. Поэтому всегда возникает проблема компромисса между величиной спрэда, который может быть получен, и величиной риска, с ним связанным. Вторая проблема, связанная с управлением гэпом, заключается в том, что банку требуется много времени для изменения характера своих активов и пассивов.

Перечисленные проблемы, связанные с управлением гэпом, были успешно преодолены в 80-х гг., когда развитие получили рынки производных финансовых инструментов (форвардные контракты на ставку, фьючерсы, свопы, однопериодные и многопериодные опционы). Эти финансовые инструменты коренным образом изменили ситуацию с управлением активами и пассивами. С этого времени банки получили возможность создавать положительный гэп при растущих процентных ставках и отрицательный – при снижающихся, а затем хеджировать результирующий риск. С этого времени появилась возможность трансформировать характер активов и пассивов, заключая подходящий свопный контракт. Временные задержки, связанные с изменением характера активов и пассивов, перестали существовать. Единственная необходимость для осуществления подобных действий – наличие ликвидного рынка производных финансовых инструментов. К сожалению, в Республике Беларусь и странах СНГ это необходимое условие пока отсутствует, что существенно ограничивает возможности отечественных банков и других финансовых организаций по используемым методам управления активами и пассивами.

Существовавшая до конца 70-х гг. традиционная точка зрения, что весь доход банка возникает от инвестиций, уступила место пониманию того, что банк продает целый пакет финансовых услуг. И цена каждой из них должна покрыть издержки банка по ее представлению. Доход, полученный в результате управления пассивной частью баланса, может помочь банку в достижении его целей прибыльности точно так же, как и доходы, полученные от управления активами. Таким образом, управление активами и пассивами в современном представлении – совместное регулирование активов и пассивов.

Дж. Ф. Синки [1] определяет нынешнее существо управления активами и пассивами банковской фирмы на Западе как объединение использовавшихся в

течение трех десятилетий отдельных методов управления в один скоординированный процесс. Аналогичной точки зрения придерживается О. И. Лаврушин [7, с. 312], говоря, что смысл современного управления активами и пассивами в том, что оно объединяет использовавшиеся в течение многих десятилетий методы управления (активами, пассивами, спредом) в один скоординированный процесс.

Стоит отметить, что на сегодняшний день сильное влияние на методы управления активами и пассивами оказывает деятельность Базельского комитета и сложившаяся к настоящему моменту (во многом благодаря его деятельности) теория и практика управления банковскими рисками, которые больше известны как международные стандарты по оценке риска ликвидности (Базель 1, Базель 2, Базель 3). Пристальное внимание органов регулирования банковской системы к проблеме банковских рисков связано с реализацией одной из основных их задач – обеспечением устойчивости банков. Вместе с тем сами банки проблему управления собственными рисками рассматривают, прежде всего, с позиций собственной эффективности. В этом плане управление банковскими рисками, как и управление ликвидностью, тесно взаимосвязано с задачами управления активами и пассивами. В настоящее время никто из специалистов не подвергает сомнению, что обеспечение требований по показателям риска и показателям ликвидности является основным ограничивающим условием при решении главной задачи банка – эффективного и надежного управления активами и пассивами.

Заключение

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. Управление активами и пассивами представляет собой процесс формирования и последующего регулирования структуры активов и пассивов банка, которая обеспечивает достижение выработанных стратегий и установленных показателей.
2. Сбалансированное управление активами и пассивами позволяет оптимизировать структуру активов, обеспечивающих максимальный уровень доходности при заданном уровне риска, структуру пассивов, обеспечивающих минимизацию затрат по привлечению источников финансирования, и оптимальное соотношение активов и пассивов, обеспечивающих максимальную величину маржи.
3. Современные методы управления активами и пассивами объединяют использовавшиеся ранее методы управления (активами, пассивами, спредом) в скоординированный процесс, который является одним из важнейших процессов в системе банковского менеджмента.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Синки, Дж. Ф.** Управление финансами в коммерческих банках / Дж. Ф. Синки ; пер. с англ. – М. : Catallaxy, 1994. – 937 с.
2. **Роуз, П. С.** Банковский менеджмент: Предоставление финансовых услуг / П. С. Роуз ; пер. с англ. – М. : Дело Лтд., 1995. – 743 с.
3. Банковское дело : учебник / под ред. д-ра экон. наук, проф. Г. Г. Коробовой. – изд. с изм. – М. : Экономистъ, 2006. – 766 с.
4. **Тарасов, В. И.** Деньги, кредит, банки : курс лекций / В. И. Тарасов. Минск : Мисанта, 1998. – 344 с.
5. **Роджер Лерой Миллер.** Современные деньги и банковское дело / Роджер Лерой Миллер, Дэвид Д. Ван-Хуз ; пер. с англ. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 856 с.
6. **Вишнинская, Г. Н.** Ликвидность и платежеспособность банка / Г. Н. Вишнинская, Д. М. Ахметова // Аудит и финансовый анализ. – 2004. – № 4. – С. 139–169.

7. Основы банковского менеджмента / под ред. О. И. Лаврушина. – М. : ИНФРА-М, 1995. – 143 с.
8. Банковский менеджмент : учебник / кол. авт. под ред. О. И. Лаврушина. – 3-е изд. – М. : КНОРУС, 2010. – 560 с.
9. **Rose, Peter S.** Defensive Banking in a Volatile Economy – Hedging Loan and Deposit Interest Rates / Peter S. Rose. The Canadian Banker. – 1986. – April. – P. 52–59.
10. **Toeve, Alden L.** Gap management: Managing Interest Rate Risk in Banks and Thrifts / Toeve, Alden L // Economic Review / Federal Reserve Bank of San Francisco. – 1983. – № 2 (Spring). – P. 20–35.
11. **Бланк, И. А.** Основы финансового менеджмента / И. А. Бланк. – Киев, 1999. – Т. 1. – 268 с.
12. **Бланк, И. А.** Основы финансового менеджмента / И. А. Бланк. – Киев, 1999. – Т. 2. – 318 с.
13. **Балабанов, И. Т.** Основы финансового менеджмента. Как управлять капиталом / И. Т. Балабанов. – М. : Финансы и статистика, 1994. – 382 с.
14. **Кох, Тимоти У.** Управление банком / Тимоти У. Кох ; пер. с англ. : в 5 кн., в 6 ч. – Уфа : Спектр, 1993. – Ч. 2. – 164 с.

Поступила в редакцию 15.08.2016 г.

Контакты: zarenokma@gmail.com (Заренок Максим Александрович)

Zarenok M.A. KEY METHODS AND MODELS OF ASSET-LIABILITY MANAGEMENT IN COMMERCIAL BANKS.

The article contains the analysis and systematization of the basic methods and models of asset and liability management of commercial banks. Applied models, starting with the simplest, formed the basis for the subsequent development of the theories of asset management and liability management used in banks today. The description of each model includes historical and theoretical components, the analysis of strengths and weaknesses as well as possible ways to overcome the identified shortcomings. The systematization gives a basic understanding of the methods, their advantages and disadvantages which are indispensable for the creation of more sophisticated models meeting the needs of modern commercial banks.

Keywords: asset-liability management, asset management, liability management, general fund method, the method of asset distribution, interest margin management.

УДК (657:614.2)(569.3)

EXAMINING THE PERFORMANCE OF THE APPLIED COST ACCOUNTING SYSTEM IN THE LEBANESE PRIVATE HOSPITALS: SURVEY

F. Hamady,

PhD student, Minsk Innovation University

In the recent years a lot of research has been done on the most appropriate cost accounting system for healthcare institutions indicating that the traditional cost accounting systems may have lost their relevance to management and other information users.

The article aims to analyze how users of cost accounting information view the relevancy of the current cost accounting systems in the Lebanese private hospitals in achieving the objective of modern managerial accounting according to Berliner and Brimson. Moreover, the paper examines the satisfaction level of the users from the indirect cost allocation to the provided services in these hospitals. Finally the author examines the relation between the two mentioned issues and the satisfaction level for the users of cost accounting information in the Lebanese private hospitals.

The article includes a survey that used the descriptive methods of statistical analysis and techniques to analyze the collected data.

Keywords: healthcare institutions, ABC, cost accounting information system, cost management system, traditional cost accounting systems, performance indicators.

Background

Since cooper (Cooper, 1988a) highlighted the limitations of traditional cost accounting systems in overheads cost allocation in a situation of product diversity in terms of volume and complexity, and introduced ABC costing system as recommended solution. There has been substantial degree of research interest in the changing function of management accounting, the role of management accounting in organizations, the required innovation in cost accounting systems for such organizations.

Consistent with research, Cooper (Cooper, 1988b) found that the firms facing high level of competition and having diverse product mix are more likely to benefit from precise costing formation and the introduction no factivity-based cost systems. Brian (Brian, 1996) discussed that in order to improve quality and cost control, managers require information suitable for their decision making needs. Berliner and Brimson (Berliner, et al., 1988) discussed that the cost management system is a management planning and control system with many objectives basically:

- Measuring the cost of the resources consumed in performing the organization's significant activities.
- Identifying and eliminating non-value-added costs, which are costs of activities that can be eliminated with no deterioration of product quality, performance, or perceived value.
- Determining the efficiency and effectiveness of all major activities performed in the organization.
- Identifying and evaluating new activities that can improve the future performance of the organization.

Hospitals and other healthcare organizations increasingly are confronted by a challenging and competitive environment. Greater focus on the quality of patient care, the high cost of new technology and increased competition are among the factors forcing these organizations to re-examine the manner in which they provide service to their patients, as well as the cost of these services.

This paper takes a more exploratory approach with the intention of establishing how management accounting information users in Lebanese private hospitals, view the relevancy of the current applied cost accounting systems in achieving the modern management accounting objectives. The objectives of this paper are:

- To examine the satisfaction level of managerial accounting information users at the Lebanese private hospitals, from the applied cost accounting systems role in achieving modern management accounting objectives according to Berliner and Brimson.

- To examine the accuracy level of indirect cost allocation between provided services in the Lebanese private hospitals.

- To examine the effect of achieving cost accounting objectives and indirect cost allocation on the overall satisfaction level for the applied cost accounting systems.

For the aim of this paper, a questionnaire was conducted on random sample of management accounting information users in Lebanese private hospitals. The collected data was analyzed using descriptive statistics techniques.

Finally, this paper includes a conclusion driven from the results of data analysis.

Literature review

The healthcare sector has been a subject to profound transformation in the recent decades, both in organizational and financial terms. The reduction of public funding and the emphasis on performance measurement in public services have influenced the management and accounting practices of healthcare systems, as a result healthcare; internationally; face pressures to deliver cost efficient care in the face of escalating demands. These pressures have led to many initiatives to improve the management and efficiency of healthcare delivery (Michela, et al., 2005).

Regarding weaknesses in tariff method in the late 1980s, most hospitals made their tariffs calculating method based on Diagnosis Related Groups (DRG). In this method, instead of fixed tariffs, cost price of hospital services was calculated based on opinion of experts (West, et al., 1998). In the recent decade, by increasing activities and the importance of cost price in hospitals for managers and governments, understanding these changes and evaluating their effects on cost price is very important, traditional costing methods cannot practically meet these expectations (Rajabi, 2005).

Gering (Gering, 1999) saw that traditional accounting has a tendency to provide information which though accurate is often late, irrelevant, and misleading; also it is complex to the uninitiated with its double entries, accruals and provisions. Wang and others (Wang, et al., 2010) argue that traditional cost accounting, which mainly uses one single cost driver such as direct labor or output volume to allocate the overhead costs, systemically distorts product costs in modern manufacturing and service environments in which overhead costs are a significant portion of product costs.

Research Method

This paper takes a more exploratory approach with the intention of establishing how management accounting information users in Lebanese private hospitals, view the relevancy of cost accounting systems with modern managerial accounting objectives.

Hypothesis

– H_{01} : The applied cost accounting systems in Lebanese private support effectively, the objectives of management accounting according to Berliner and Brimson.

– H_{02} : The applied cost accounting system provides accurate allocation of indirect cost allocation for the provided services in the Lebanese private hospitals.

– H_{03} : The decision makers in the Lebanese private hospitals are satisfied by the applied cost accounting system.

For the aim of this paper, a survey was conducted on random sample of Lebanese private hospitals. A questionnaire was distributed on the chief executive officer, chief financial officer, senior accountant, medical director, nursing director and quality director in each hospital.

The total number of general hospitals in Lebanon is 141 private hospitals and 25 public hospitals. Table 1 represents the distribution of hospitals in Lebanon according to area and type, considering the hospitals number and capacity which is represented by beds number. The population of the study is the general private hospitals in Lebanon which are classified by the ministry of public health over the levels A, B and C which are 54 hospitals. Table1 represents the distribution of population hospitals based on level and area.

Table 1 –Distribution of private hospitals in Lebanon based on accreditation level

Area	Level			Total	Rate of private hospitals in Area
	A	B	C		
BEIRUT	4	4	2	10	90.91%
BEQAA	0	2	4	6	26.09%
MOUNT LEBANON	1	6	7	14	24.56%
NORTH LEBANON	0	2	8	10	37.04%
SOUTH LEBANON	1	2	11	14	87.50%
Total	6	16	32	54	40.30%
Rate of private Hospitals in Lebanon	40.48%	11.94%	23.88%	40.30%	

The sample was randomly chosen from private hospitals in Lebanon;with a required confidence level 95%, and confidence interval of ± 5 the sample size is calculated as follows:

$$\text{Sample size} = 1 + \frac{z^2 * p * (1 - p)}{c^2} = 1 + \frac{1,96^2 * .5 * (1 - .5)}{.05^2} = 384 \text{ Hospitals}$$

$$\text{finite sample size} = \frac{s}{\left(\frac{n + (s - 1)}{n}\right)} = \frac{384.16}{\left(\frac{54 + (384.16 - 1)}{54}\right)} = 47 \text{ Hospitals}$$

Where:

- Z= 1.96 for 95% confidence interval
- P= 0.5 standard deviation which is the safest level.
- C= confidence interval which is ± 5
- N= 54 which is the population of the study
- S=Sample size for infinite population

Results

The sample size, which is the number of distributed questionnaires, was 47 hospitals, with 5 questionnaires for each hospital. The job title was the same for every hospital excluding one hospital where the medical director of one hospital in south Lebanon classified B didn't response. The answered and returned questionnaires were 199 with a response rate of 84.68% as follows:

Table 2 – Survey response details according to hospitals classification

Beds Number			Hospital Area					Total
			BEIRUT	BEQAA	MOUNT LEBANON	NORTH LEBANON	SOUTH LEBANON	
BEDS LESS OR EQUAL 100	Hospital Level Total	B C		5 0	0 10	0 20	0 29	5 59 64
BEDS GREATER HAN 100 LESS OR EQUAL TO 200	Hospital Level Total	B C	5 0	5 0	10 15	0 5	0 20	20 40 60
BEDS GREATER OR EQUAL TO 200	Hospital Level Total	A B C	25 10 0	0 5 0	0 15 0	0 0 10	0 0 10	25 30 20 75
Total	<i>Hospital</i>	<i>A</i>	25	0	0	0	0	25
	<i>Level</i>	<i>B</i>	15	15	25	0	0	55
	Total	<i>C</i>	0	0	25	35	59	119
Total			40	15	50	35	59	199

The survey basic analysis showed that 91% of the sample is not satisfied with the applied cost accounting system applied in the Lebanese private hospitals. Moreover, 91% of the sample considers that the allocation of the indirect costs in the Lebanese private hospitals is not satisfactory. In addition, 90.9% considered that the applied cost accounting in the Lebanese private hospitals needs to be modified. The mean of each of the dependent variables is shown in table 3 as follows:

Table 3 – Descriptive Statistics analysis for the dependent variables of the study

	N	Min	max	Mean	Std. Dev.
Are you satisfied with the applied cost accounting system?	199	1	4	1.78	0.822
The allocation of indirect cost between services is satisfactory	199	1	4	1.96	0.737
Applied cost accounting system needs to be modified?	199	2	5	4.04	0.748
Valid N (list wise)	199				

Moreover, the variables matched to the satisfaction level of indirect cost allocation in the Lebanese private hospitals explain the main reasons of the low satisfaction level for indirect cost allocation where. Table 4 present detailed descriptive analyses for examined factors:

Table 4 – Descriptive Statistics for variables describing the factors related to the satisfactory level of indirect cost allocation

Factor	N		Mean	Std. Dev.	Var.	Min	Max
	Valid	Missing					
Room and Bed service is a non-profitable service in the hospital?	199	0	3.64	1.163	1.35	2	5
Rate of occupancy effects the allocation of indirect costs between different departments?	199	0	2.85	0.936	0.88	2	4
Indirect cost allocation reflects the interrelation between diverse services?	199	0	2.39	0.875	0.77	1	4
Indirect costs are the major portion of services total cost?	199	0	4.48	0.61	0.37	3	5
Medical staff is involved in cost allocation decisions?	199	0	3.08	0.987	0.97	2	4
Nursing salaries in bed and rom departments should be considered in direct cost?	199	0	3.83	0.746	0.56	2	5
Cost drivers used to allocate in direct costs could explain cause and effect relationship between revenues and costs?	199	0	3.59	0.995	0.99	2	5
Nursing salaries considered the major cost of Room and Bed service?	199	0	4.78	0.448	0.2	3	5

Moreover, the factors causing the high percentage of unsatisfactory level from the applied cost accounting in the Lebanese private hospitals, based on the modern management accounting objectives. Table 5 presents the descriptive analyzes of the variables related to the satisfactory level of users from the applied cost accounting system.

Table 5 – Descriptive Statistics for variables describing the satisfactory level relevant to modern cost accounting objectives

Variable	N	Min	Max	Mean	Std. Dev.
Computing accurate costs for services helps in optimizing profitability?	199	2	5	4.34	0.83
Cost of each service provided by the hospital is accurately computed?	199	1	4	1.9	1.06
Investment decisions are supported by cost accounting information?	199	1	5	3.26	1.27
Cost accounting information helps in cutting non-efficient activities?	199	1	4	2.21	0.79
The market competitively affects deeply the profitability of the hospital?	199	2	5	4.24	0.71
Profitability of each provider contract is accurately computed?	199	1	5	2.44	1.02
The applied cost accounting system helps in measuring The cost of the resources consumed by each activity.	199	1	4	1.93	0.7
The applied cost accounting system support the process of revision for the operations flowchart	199	1	4	2.03	0.75
Change in operational procedures effect the indirect cost allocation between diverse services?	199	1	4	2.67	1.03
Valid N (list wise)	199				

Hypotheses were tested using chi square analysis for the dependent variables in the survey and the following results were interpreted as follows:

H₀₁: The applied cost accounting systems in Lebanese private support effectively, the objectives of management accounting according to Berliner and Brimson.

Are you satisfied with the applied cost accounting system?

	Observed N	Expected N	Residual
Strongly Disagree	77	49.8	27.3
Somewhat disagree	104	49.8	54.3
Neither agree nor disagree	2	49.8	-47.8
SOMEWHAT AGREE	16	49.8	-33.8
Total	199		

Test Statistics

Test Statistics	Are you satisfied with the applied cost accounting system?
Chi-Square	142.809 ^a
df	3
Asymp. Sig.	0.000

a. 0 cells (0.0%) have expected frequencies less than 5. The minimum expected cell frequency is 49.8.

The Pearson Chi-Square test statistic basically expresses the total difference between the 199 observed cases. The P-value is less than 0.001 which is less than the significant rate $\alpha=0.05$, with an $\chi^2(3) = 142.809$, $P=.000$, H_{01} should be rejected.

H_{02} : The applied cost accounting system provides accurate allocation of indirect cost allocation for the provided services in the Lebanese private hospitals.

The allocation of indirect cost between services is satisfactory

	Observed N	Expected N	Residual
Strongly Disagree	42	49.8	-7.8
Somewhat disagree	139	49.8	89.3
Neither agree nor disagree	2	49.8	-47.8
SOMEWHAT AGREE	16	49.8	-33.8
Total	199		

Test Statistics

The allocation of indirect cost between services is satisfactory	
Chi-Square	230.045 ^a
df	3
Asymp. Sig.	0.000

a. 0 cells (0.0%) have expected frequencies less than 5. The minimum expected cell frequency is 49.8.

The Pearson Chi-Square test statistic basically expresses the total difference between the 199 observed cases. The P-value is less than 0.001 which is less than the significant rate $\alpha=0.05$, with an $\chi^2(3) = 230.045$, $P=.000$, H_{02} should be rejected.

H_{03} : The decision makers in the Lebanese private hospitals are satisfied by the applied cost accounting system.

Applied cost accounting system needs to be modified?

	Observed N	Expected N	Residual
Somewhat disagree	17	49.8	-32.8
Neither agree nor disagree	1	49.8	-48.8
SOMEWHAT AGREE	139	49.8	89.3
STRONGLY AGREE	42	49.8	-7.8
Total	199		

Test Statistics

Applied cost accounting system needs to be modified?	
Chi-Square	230.648 ^a
df	3
Asymp. Sig.	.000

a. 0 cells (0.0%) have expected frequencies less than 5. The minimum expected cell frequency is 49.8.

The Pearson Chi-Square test statistic basically expresses the total difference between the 199 observed cases. The P-value is less than 0.001 which is less than the significant rate $\alpha=0.05$, with an $\chi^2(3) = 230.648$, $P=.000$, H_{03} should be rejected.

Conclusion

This study illustrated the need to improve the applied cost accounting system in the Lebanese private hospitals due to its shortage in achieving the modern objectives of managerial accounting. The main shortage of the applied cost accounting systems was in its poor role in cutting non-efficient activities, shortage in measuring the cost of the resources consumed by each activity and lack in ability to compute the accurate cost of each services and profitability of each contract provided by the hospital.

Moreover, the methodological approach of applied cost accounting systems in allocating the indirect cost for the Lebanese private hospitals appeared to be not

satisfactory. The main reason for this non satisfactory was related to the low involvement of the medical staff in cost allocation process.

The two discussed points supported a trend of the cost accounting users to modify the applied cost accounting systems in the Lebanese private hospitals.

Based on the statistical analysis the null hypotheses of the study were rejected and the following statements were supported:

– The applied cost accounting systems in Lebanese private does not support effectively, the objectives of management accounting according to Berliner and Brimson.

– The applied cost accounting system does not provide an accurate allocation of indirect cost allocation in Lebanese private hospitals.

– The decision makers in Lebanese hospitals are not satisfied by the applied cost accounting system in Lebanese private hospitals.

Further studies should be considered to examine the drivers and barriers of ABC system implementation in the Lebanese private hospitals. Moreover, case studies about actual implementation of ABC should be done to examine its effect on the role of managerial accounting in Lebanese private hospitals.

BIBLIOGRAPHY

1. **Anderson, S.** A framework for assessing cost management systems changes: the case of activity based costing implementation at general motors [Journal]. – [s.l.] : Journal of management accounting research. – 1995. – Vol. 7. – Pp. 1–51.
2. **Arnaboldi, M and Lapsley, I.** Modern costing innovations and legitimation: a healthcare study [Journal]. – [s.l.] : Abacus, 2004. – 1 : Vol. 40. – Pp. 1–20.
3. **Berliner, C and Brimson, J.** Cost management for today's advanced manufacturing [Report]. – Boston : Harvard Business School Press, 1988.
4. **Brian, A.** Activity-based cost management in healthcare- another fad? [Journal]. – [s.l.] : International Journal of healthcare and quality assurance. – 1996. – 4 : Vol. 9. – Pp. 16–19.
5. **Cooper, R and Zmud, R.** Information technology implementation research: A technological diffusion approach [Journal]. – [s.l.] : Management Science Journal, 1990. – 2 : Vol. 36. – Pp. 123–139.
6. **Cooper, R.** The rise of activity-based costing part one: What is an activity based costing system? [Journal]. – Boston : Journal of Cost Management, 1988a. – Summer : Vol. 2. – Pp. 45–54.
7. **Cooper, R.** The rise of activity-based costing-part two: when do i need an activity-based cost systems? [Journal]. – Boston : Journal of Cost Management, 1988b. – Fall : Vol. 2. – Pp. 41–48.
8. **Gering, M.** Activity based costing and performance improvement [Journal]. – [s.l.] : Management Accounting, 1999. – 3 : Vol. 77. – Pp. 24–26.
9. **Hubbell, W.** a case study in economic value added and activity-based management [Journal]. – New york : Journal of Accounting Research, 1996. – 2 : Vol. 32. – Pp. 21–29.
10. **King, M.** Activity Based Costing in Hospitals: A Case Study Investigation [Report]. – New York : CIMA, 2007. – Pp. 41–98.
11. **Kinsella, S.** Activity based costing: does it warrant inclusion in a guide to the project management body of knowledge [Journal]. – [s.l.] : Project Management Journal, 2002. – 2 : Vol. 33. – Pp. 49–56.
12. **Lee, W and Mathenthiran, S.** Managing healthcare costs through structural rearrangement of hospitals: An activity based management perspective [Journal]. – [s.l.] : Journal of management systems, 1994. – 3 : Vol. 6. – Pp. 22–38.
13. **Malmi, T.** Activity-based costing diffusion across organizations: an exploratory empirical analysis of Finnish firms [Journal]. – [s.l.] : Journal of Accounting Organizations & Sectors, 1999. – 8 : Vol. 24. – Pp. 57–75.

14. **Michela, Arnaboldi and Irvine, Lapsley.** Activity Based Costing in Healthcare: A UK Case Study [Journal]. – Edinburgh : Research in healthcare financial management, 2005. – 1 : Vol. 10. – Pp. 61–75.
15. **Narong, D. K.** Activity based costing and management solutions to traditional shortcomings of cost accounting [Journal]. – [s.l.] : Cost Engineering, 2009. – 8 : Vol. 51. – Pp. 11–18.
16. **Paulus A, Van Raak A and Keijzer, F.** ABC: the pathway to comparison of the costs of integrated care [Journal]. – [s.l.] : Public money and management, 2002. – 3 : Vol. 22. – Pp. 25–32.
17. **Rajabi, A.** Applying ABC System for Calculating Cost Price of Hospital Services Case Study: Shahid Faghihi Hospital of shiraz [Report]. – Persian : National Project Ministry of Health and Medical Education, 2005.
18. **Shepard, D.S, Hodgkin, D and Anthony, Y.** An analysis of hospital costs: a manual for managers [Book]. – Geneva : World Health Organization: HSD Programme, 1998.
19. **Sheu C, Chen M and Kovar S.** Integrating ABC and TOC for better manufacturing decision making [Journal]. – [s.l.] : Integrated Manufacturing Systems, 2003. – 5 : Vol. 14. – Pp. 433–441.
20. **Shield, M and Mcween, M.** Implementing activity-based costing systems successfully [Journal]. – [s.l.] : Journal of Cost Management, 1996. – Vol. 17. – Pp. 15–22.
21. **Shields, M.** An empirical analysis of firms implementation experiences with the activity based costing [Journal]. – [s.l.] : Journal of management accounting research, 1995. – Vol. 7. – Pp. 148–166.
22. **Susmita, Chatterjee, Carol, Levin and Laxminarayan, Ramanan.** Unit Cost of Medical Services at Different Hospitals in India [Journal]. – New Delhi : Plos One, 2013. – 7 : Vol. 8. – P. 1.
23. **Swenson, D.** The benefits of activity based cost management to the manufacturing industry [Journal]. – [s.l.] : Journal of management accounting research, 1995. – Vol. 7. – Pp. 167–180.
24. **Turner, P.** Common cents: the activity based costing and activity based management performance breakthrough [Book]. – New York : McGraw Hill, 2005.
25. **Vincent, K. Omachonu and Norman G.** Einspurch Innovation in Healthcare Delivery Systems: A Conceptual Framework [Journal]. – Florida : The Innovation Journal, 2010. – 1 : Vol. 15. – P. 2.
26. **Wang, P., Du F and Lin, T. W.** The choice of cost drivers in activity-based-costing: application at a chinese oil well cementing company [Journal]. – [s.l.] : International Journal of Management, 2010. – 2 : Vol. 27. – Pp. 367–373.
27. **West, T. and West, D.** Applying ABC to Healthcare [Book]. – New York : Management Accounting, 1998. – Pp. 22–33.

Поступила в редакцию 29.11.2016 г.

Контакты: +375 017 291-23-72 (Желиба Борис Николаевич)

Фарадж Х. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ УЧЕТА РАСХОДОВ В ЧАСТНЫХ КЛИНИКАХ ЛИВАНА: НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

В последние годы появились различные исследования, касающиеся систем учета расходов применительно к учреждениям здравоохранения. Это свидетельствует о том, что традиционно применяемые системы учета затрат уже не удовлетворяют менеджмент и других пользователей информации. Многие исследователи предлагали внести изменения в системы учета, в основном с использованием рекомендуемой системы ABC в качестве решения этой актуальной проблемы.

Задачей данной статьи является анализ степени удовлетворенности пользователей бухгалтерской информацией о расходах в медицинских учреждениях Ливана с тем, чтобы установить, как эти пользователи видят существующие системы учета в соответствии с исследованиями Berliner и Brimson. Кроме того, в статье рассматривается степень удов-

ответственности пользователей порядком распределения косвенных затрат по предоставляемым услугам в этих клиниках.

Статья включает исследования, в которых использовались описательные методы статистического анализа и технику анализа собранных данных.

Ключевые слова: учреждения здравоохранения, АВС, информационные системы учета расходов, система управления затратами, традиционные системы учета расходов, показатели деятельности.

УДК 316.77 (476)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

А. В. Посталовский

научный сотрудник Центра социологических
и политических исследований БГУ

Современные тенденции развития информатизации социума приводят к существенному повышению роли национальной системы массмедиа как комплексного источника социально значимой информации, а также актуализируют социальную роль средств массовой информации. При этом процессы информатизации требуют не только производственно-технического и социально-экономического осмысления, но и регулярного социологического изучения и анализа его последствий, целью которого является постоянное повышение эффективности самой стратегии информационного обеспечения населения.

Ключевые слова статьи: информация, национальное информационное поле, телевидение, радио, печатные СМИ, Интернет, социальные медиа.

Введение

Методология структурно-функционального анализа в интерпретации Т. Парсонса предполагает изучение адаптивных свойств каждого интегративного элемента современных социальных систем. В данном контексте, применяя теорию структурного функционализма к проблемам социологического изучения национального информационного поля (НИП), представляется необходимым рассмотрение структуры поля, которую составляют традиционные СМИ (радио, газеты, телевидение) и Интернет в целом (включая социальные медиа). Поскольку данные сегменты выступают системообразующими (интегративными подсистемами) элементами информационного поля, на наш взгляд, необходимо рассматривать каждый из них в отдельности, определив степень информационного воздействия и влияния на аудиторию.

Вместе с тем необходимо отметить, что процессы взаимного медиазамещения средств массовой информации выступают на сегодняшний день объективным результатом развития информатизации и научно-технического прогресса. Например, с номером периодического печатного издания можно ознакомиться в сети Интернет, равно как и осуществить просмотр телевизионного сюжета. Трансляция радиосигнала может осуществляться посредством мобильного телефонного устройства, не прибегая при этом к помощи классического в этом плане радиоприемника. Цифровое телевидение видоизменило привычные формы повседневного просмотра телевизионного контента. Медиазамещение, частичное структурное дублирование функций и каналов донесения информации до заинтересованной аудитории привели к структурной трансформации традиционных средств массовой информации.

Основная часть

Телевидение, газеты, радио и Интернет выступают как “воспроизведенный телевизионный образ повседневности, ограниченный экраном и пределами объектива камеры” (телевизионный канал усвоения информации), “связанный логически и структурно печатный текст” (чтение газет), “управляющий психоэмоциональным состоянием транслируемый звуковой сигнал” (прослушивание радио) и “пространственный онлайн-гипертекст” (нахождение в сети Интернет). Выбирая тот или иной сегмент информационного поля, потребитель контента не просто предпочитает условные радио или газеты как тип СМИ. Он выбирает соответствующий его внутреннему миру и ценностным ориентациям канал получения информации, причем в структурном плане этот канал может отличаться от своего классического содержания и предназначения. Например, просмотр новостного телесюжета в Интернете – это просмотр телевидения, хоть и посредством включения в сетевое онлайн-пространство, поскольку в данном случае на первый план выходит не внешняя форма (браузер Всемирной паутины), а внутреннее содержание (телевизионная картинка). Поэтому при изучении структуры информационного поля Республики Беларусь необходимо учитывать, что сегменты поля принимают амбивалентный характер, выступая в качестве типа СМИ и канала донесения и усвоения массовой информации.

Согласно данным социологического мониторинга 2003–2015 гг. телевидение традиционно является наиболее популярным и востребованным средством массовой информации. Именно оно во многом определяет направленность развития информационного поля (см. рисунок 1).

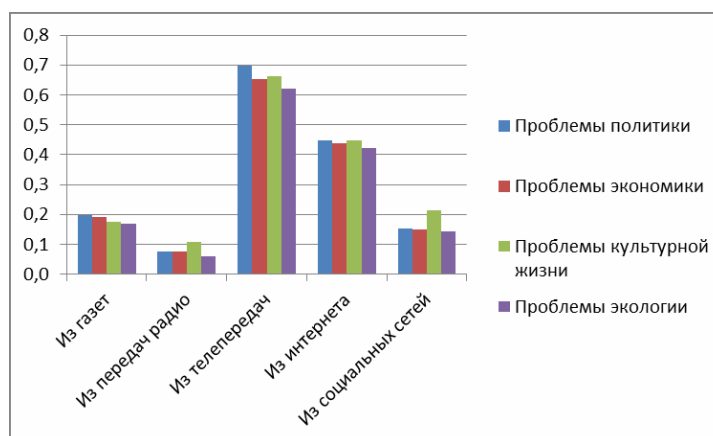

Рисунок 1 – Приоритеты белорусской аудитории СМИ в выборе основных источников получения массово-политической информации в 2015 г. (в %)

Телевидение традиционно выступает наиболее востребованным источником получения информации по проблемам политики, экономики, культурной жизни и экологии. Второе место в структуре национального информационного поля принадлежит Интернет-ресурсам (сайты, новостные порталы). Отметим, что рассматриваемый в качестве обособленного сегмента информационного поля Интернет (социальные сети, блогосфера) пользуется популярностью у населения как источник получения информации больше, чем радио, которое принадлежит к традиционным СМИ. Информационное воздействие радио представляется минимальным ввиду наименьшей востребованности у населения Беларуси среди других видов СМИ (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Приоритеты белорусской аудитории СМИ в выборе основных источников получения массово-политической информации в 2015 году (в %)

Тематическое поле	К газетам	К радио	К телевидению	К Интернет-ресурсам (сайты, новостные порталы)	К Интернет-ресурсам (социальные сети)
Политики	19,6	7,7	69,9	44,9	15,2
Экономики	19,0	7,6	65,4	43,9	14,9
Культурной жизни	17,6	10,8	66,4	44,9	21,4
Экологии	16,7	5,8	62,2	42,2	14,3

Как показывает анализ полученных данных, телевидение по своей популярности значительно превосходит радио, печатные СМИ, Интернет-ресурсы и социальные медиа. На наш взгляд, данная тенденция обусловлена простотой восприятия телевизионной информации, высоким уровнем визуальной коммуникации, а также феноменом воспроизводимой информации, максимально приближенной технологиями ТВ к естественному общению. Именно телевидение, в отличие от других традиционных видов СМИ, создает “эффект присутствия зрителя”, непосредственного участия в рассматриваемых событиях. Телезритель в данном случае невольно становится актором и свидетелем воспроизводимого телевидением действия. Как отмечает Е.В. Петрова, огромный массив транслируемых телевидением фактов не способен оказать существенное влияние на процессы жизнедеятельности человека, при этом “масса сообщений бесконечным потоком вливается в сознание человека, вызывая в нем в нем чувство сопричастности тем или иным явлениям...” [1, с. 269]. Телевидение формирует визуальные образы, которые телезритель интуитивно “примеряет” на себя, трансформируясь в роли воспроизводимых на экране телевизионных героев. “Образность” мышления и восприятия телевизионного продукта обуславливают влияние и значимость телевидения как традиционного вида СМИ. Воспроизводимое телевидением социальное действие (телешоу, художественные фильмы) предоставило возможность находящемуся по ту сторону экрана зрителю самому быть участником действия, “примерив на себя” сформированные телевидением образы.

Также необходимо отметить, что процесс восприятия телевизионной информации у индивида происходит значительно легче в отличие от воспроизводства информационного контента иными традиционными СМИ (радио, газета). Телевизионный материал предлагает зрителю интерпретацию события, визуальную картину и звуковое сопровождение, в то время как другие СМИ ввиду своей специфики не могут продемонстрировать потребителю информационного контента визуальный образ (к примеру, газета) либо могут воздействовать только на слух аудитории (радио). Кроме того, к преимуществам телевидения следует отнести возможность оперативной “живой” передачи, идущей прямо в эфир с места события (прямая трансляция, телемост).

Само использование телевидения довольно прочно вошло в повседневную жизнь человека. Просмотр информационно-аналитических программ, художественных фильмов, а также иной информации стал привычной необходимостью потребителей информационного контента. Данное обстоятельство позволило в свое время П. Бурдые констатировать, что “<...> значительная часть населения не читает газет и предана душой и телом телевидению как единственному источнику информации” [2, с. 32].

В информационно-аналитическом контексте телевидение представляется удобным для восприятия аудиторией ввиду сформированного продукта, который по-

Окончание таблицы 2

Из каких источников Вы чаще всего получаете информацию по проблемам? (в %)														
Тема-тика	СМИ	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Э К О Л О Г И Я	Газеты	–	–	–	33,3	27,4	29,6	27,5	25,0	20,6	25,3	22,3	17,4	16,7
	Радио	–	–	–	13,4	10,2	9,1	9,4	9,9	8,2	11,3	6,1	8,4	5,8
	ТВ	–	–	–	77,4	74,8	74,3	69,6	72,8	69,4	67,5	58,8	64,0	62,2
	Интернет	–	–	–	6,8	10,2	14,3	18,3	19,8	26,2	32,1	42,1	40,1	42,2
	Интернет (соц. сети)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	14,3

Эмпирические данные многолетнего социологического мониторинга позволяют сформировать следующие периоды трансформации информационного поля Республики Беларусь:

1) **Период 2003–2005 гг.** характеризуется доминантно-монопольным положением в национальном информационном поле телевидения и существенным влиянием печатных СМИ (см. таблицу 2). Позиции радиовещания как сегмента национального информационного поля не представлялись значительными. Уже в 2003 г. для радиовещания было характерно кризисное состояние, обусловленное невысокой популярностью радио в качестве источника получения массово-политической информации. В свою очередь, Интернет-ресурсы (новостные порталы, сайты) как источник получения массовой информации в указанные временные контексты не пользовались спросом у аудитории национального информационного поля.

Данный временной период отмечается формированием в национальном информационном поле отечественных телеканалов, которые функционировали прежде на частотах российских (ранее – советских) телевизионных брендов. Так, телеканал «Общенациональное телевидение» (ОНТ) начал вещание 25 июня 2002 г. на частоте канала популярного российского канала ОРТ. Содержание сетки вещания новообразованного телеканала составляли преимущественно рейтинговые телепрограммы ОРТ и собственные авторские телепроекты, включая выпуски информационно-аналитических программ. Телеканал ОНТ сразу же стал доминирующим телеканалом в телевизионном сегменте национального информационного поля. Во многом этому способствовала сформированная ранее многочисленная аудитория телеканала ОРТ, которая просто стала смотреть новый канал, привычно ассоциируя его с «Общероссийским телевидением». 18 октября 2003 г. начал вещание белорусский телеканал ЛАД на частоте, которую ранее занимали российские каналы «ГТРК Петербург 5-й канал» и СТС. Также необходимо отметить, что в 2004 г. была начата эксплуатация цифрового вещания, которая стала отправной точкой формирования нового формата трансляции телевизионных программ.

В радиовещательном сегменте национального информационного поля в 2004 г. на законодательном уровне была принята квота об обязательном наличии в сетке вещания радиостанции отечественной музыкальной продукции, которая должна составлять 75% эфирного времени в сутки.

Резюмируя итоги первого этапа трансформации информационного поля Республики Беларусь, необходимо отметить, что именно в данный временной отрезок был полностью завершен транзитивный этап перехода из советского

информационного поля в национальное. Белорусское информационное поле приобрело индивидуальные черты и особенности, которые позволяют говорить о нем как о сформировавшейся субстанции, функционирующей в территориальных пределах конкретного государства.

2) **Период 2006–2010 гг.** – необходимо отметить тенденцию постепенного снижения аудитории печатных СМИ (см. таблицу 2). Телевидение по-прежнему сохраняет доминирующее положение в информационном поле, причем именно в данном временном отрезке телевизионное вещание достигло наибольших показателей своей востребованности как источника получения информации за все время проведения социологического мониторинга (2003–2015 гг.). Радиовещание по-прежнему теряет свои позиции в поле, в то время как Интернет с каждым годом стремительно увеличивает показатели своей аудитории, являясь наиболее динамично развивающимся сегментом национального информационного поля.

3) **Период 2011–2015 гг.** – телевидение по-прежнему лидирующий в плане показателей сегмент национального информационного поля, хотя, начиная с 2010 г., телевизионное вещание постепенно начинает терять свою аудиторию (см. таблицу 2). Наиболее развивающийся в этом плане сегмент информационного поля Интернет (сайты, новостные порталы) выходит на второе место по востребованности в качестве источника получения массовой информации у аудитории. При этом в структуре самого Интернета в результате трансформации информационного поля сформировался принципиально новый сегмент – социальные медиа (социальные сети, блогосфера, форумы), которые по популярности к 2016 г. уже превосходят радиовещание, принадлежащее к традиционным (классическим) средствам массовой информации.

Печатные СМИ стремительно теряют свою аудиторию во многом за счет прогрессирующей популярности и востребованности Интернета и новых коммуникационных онлайн-технологий, которые позволяют мгновенно воспроизводить и распространять массовую информацию. В 2011 г. Белтелерадиокомпанией (НГТРК) был произведен ребрендинг белорусских телеканалов, входящих в ее состав. В результате ребрендинга структура ТВ-пакета НГТРК стала напоминать структуру телевизионного сегмента российского ВГТРК в контексте названий телеканалов (Россия-1, Россия-2, Россия-24 – ВГТРК; Беларусь-1, Беларусь-2, Беларусь-3, Беларусь-4, Беларусь-5, Беларусь-24 – НГТРК). В 2015 г. был полностью завершен переход на цифровое телевизионное вещание.

В сегменте печатных средств массовой информации необходимо отметить тенденцию формирования крупных медиахолдингов путем фактического объединения ведущих печатных СМИ, в процессе которого СБ-Беларусь Сегодня, “Знамя юности”, “Рэспубліка”, “Народная газета” и “Белорусская нива” де-факто стали одним изданием (2013 г.).

Рассмотрев этапы трансформации национального информационного поля (НИП), необходимо констатировать, что результатом трансформационных процессов выступило образование в структуре НИП самостоятельного сегмента поля (социальные медиа). Традиционные сегменты поля видоизменяют свой формат (цифровое телевидение, медиахолдинги печатных СМИ), при этом необходимо отметить частичное уменьшение показателей телеаудитории и снижение интереса к печатным СМИ и радио. Информационное поле Беларуси обрело свою национальную специфику и территориальные особенности функционирования в связи со сформировавшейся системой белорусских СМИ, которые полностью доминируют в поле.

Э. Тоффлер, говоря о современных тенденциях развития информационной среды, утверждал, что “вместо культурного доминирования нескольких средств массовой коммуникации в цивилизации Третьей волны начнут преобладать интерактивные, демассированные средства, обеспечивающие максимальное разнообразие и даже персональные информационные запросы” [4, с. 512]. Американский социолог справедливо, на наш взгляд, подчеркивает возрастающую значимость интерактивных коммуникационных онлайн-технологий, развитие которых обусловило возникновение социальных медиа. В данном информационном сегменте любой активный пользователь может быть источником возникновения и распространения информационного контента и, в частности, социальных сетей, позволяющих в максимально минимальные сроки выстроить межличностные коммуникационные связи без отсутствия телесного и визуального контакта “лицом к лицу”. Вместе с тем, несмотря на снижение интереса со стороны массовой аудитории, говорить о полном замещении Интернетом традиционных СМИ не приходится.

Как отмечает М.Н. Назаров, современные тенденции развития информационной среды “отражают глобальный коммуникационный тренд конвергенции медиа” [5, с. 125]. Конвергентные медиа представляют собой “сближение различных ранее отграниченных между собой средств массовой коммуникации” [5, с. 123]. В социологической теории конвергентная медийная парадигма была провозглашена М. Кастельсом еще в 2011 г., когда в национальном информационном поле еще не сформировался сегмент Интернета в качестве полноценного субъекта поля, а печатные СМИ и радио обладали высокой степенью влияния. М. Кастельс отмечал, что “мир медиа сейчас претерпевает грандиозную трансформацию, становясь глокальным (одновременно глобализируясь и практикуя адресное вещание) и используя эффект масштаба и синергизм различных способов выражения” [6, с. 223]. В работах испанского социолога подчеркивается, что еще в 2000 г. показатели аудитории кабельного телевидения сравнивались с аудиторией традиционного сетевого ТВ, а в молодежной среде уже отмечается устойчивая тенденция ухода в Интернет-пространство.

Впервые гипотеза конвергентного состояния традиционных СМИ была предложена В.С. Хелемендиком еще в 1977 г. в работе “Союз пера, микрофона и телекамеры (Опыт системного исследования)” [7], где отмечается среднесрочная перспектива стирания границ между звуковым сигналом, телевизионным сюжетом и печатным текстом. Конвергенция сегментов информационной среды должна содержательно видоизменить работу современной редакции. И.В. Дзялошинский в контексте теории конвергенции традиционных СМИ говорит о “мобильной редакции” [8, с. 195] как форме функционирования изменяющихся средств массовой информации. А.И. Каптерев определяет конвергентное состояние современной информационной среды дефиницией “мультимедийное пространство” [9], в которой традиционные средства массовой информации и Интернет представлены в форме монолитного источника воспроизводства информационного контента.

Говоря о тенденциях развития национального информационного поля Республики Беларусь, А.В. Данильченко отмечает, что происходит эволюция “от традиционных к конвергентным СМИ, которая связана с продолжающейся глобальной технологической эволюцией” [10, с. 268]. Соглашаясь, в целом с позицией автора относительно эволюции национального информационного поля, отметим, что в настоящее время говорить о приближающейся медиаконвергенции пока еще рано.

Заключение

В национальном информационном поле отчетливо прослеживается ситуация доминирования телевидения (наиболее популярный источник информации, принадлежащий к традиционным СМИ) и Интернета, включая социальные медиа. Указанное обстоятельство позволяет говорить о высокой степени влияния электронных СМИ и снижении интереса к классическим формам донесения информации до аудитории. В данном случае, на наш взгляд, представляется уместным говорить о медиазамещении Интернетом (включая социальные медиа) в национальном информационном поле традиционных СМИ (радио, газета) с сохранением доминирования телевидения как наиболее простого, доступного и максимально понятного аудитории визуального транслятора социальных действий на телеэкране посредством создания “эффекта присутствия”. В указанных контекстах необходимо отметить, что результатом трансформации информационного поля Республики Беларусь выступает медиаконвергенция его структурных сегментов. Медиаконвергенция СМИ предполагает универсальность всех сегментов национального информационного поля, в то время как мы, согласно эмпирическим данным по состоянию на 2015 год, можем наблюдать информационное замещение с сохранением доминирования телевизионного вещания, которое выступает парадигмальной фазой нынешнего развития НИП в современных условиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Информационная эпоха: вызовы человеку / под ред. И. Ю. Алексеевой и А. Ю. Сидорова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 335 с.
2. **Бурдые, П.** О телевидении и журналистике / П. Бурдые ; пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой ; отв. ред., предисл. Н. Шматко. – М. : Фонд научных исследований “Прагматика культуры”, Институт экспериментальной социологии, 2002. – 160 с.
3. **Маклюэн, М.** Понимание Медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн ; пер. с англ. В. Николаева ; закл. ст. М. Вавилова. – 3-е изд. – М. : Кучково поле, 2011. – 464 с.
4. **Тоффлер, Э.** Третья волна / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2010. – 784 с.
5. **Назаров, М. Н.** Телевидение и Интернет: типология российского медиапотребления / М. Н. Назаров // Социологические исследования. – 2014. – № 6. – С. 116–126
6. **Кастельс, М.** Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс ; пер. с англ. А. Матвеева ; под ред. В. Харитоновой. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 328 с.
7. **Хелемендик, В. С.** Союз пера, микрофона и телекамеры (Опыт системного исследования) / В. С. Хелемендик. – М. : Мысль, 1977. – 315 с.
8. **Дзялошинский, И. М.** Медиапространство России: пробуждение Соляриса : монография / И. М. Дзялошинский. – М. : АПК и ППРО, 2012. – 442 с.
9. **Каптерев, А. И.** Информатизация социокультурного пространства / А. И. Каптерев. – М. : ФАИР-Пресс, 2004. – 512 с.
10. **Данильченко, А. В.** Информационный рынок и единое информационное пространство: мировой контекст и белорусский опыт / А. В. Данильченко, К. В. Якушенко, А. В. Потребин. – Минск : БГУ, 2015 – 343 с.

Поступила в редакцию 12.12.2016 г.

Контакты: postalnio@tut.by (Посталовский Александр Владимирович)

Postalovsky A.V. MILESTONES AND NEW TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE INFORMATION FIELD OF THE REPUBLIC OF BELARUS AT THE PRESENT STAGE.

Modern trends in the development of information society lead to a significant increase in the importance of a national system of mass media as a comprehensive source of socially significant information, and actualize the social role of mass media. This informatization processes require not only the production, technical and socio-economic understanding, but also a sociological study and regular analysis of its consequences, the purpose of which is the continuous improvement of the information support strategy. The article focuses on the sociological study of modern trends in the development of the national information space.

Keywords: media, information field, information, sociology, transformation.

УДК 364-3:004.738.5+316.2

ВЛИЯНИЕ МАКДОНАЛЬДИЗАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ПРОЦЕССА НА ФЕНОМЕН ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. А. Похомова

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии,
Белорусский государственный университет

В статье анализируется влияние современных социальных процессов, таких как глобализация и макдональдизация, на феномен волонтерства. В качестве результата такого влияния автор рассматривает возникновение новых форм волонтерской деятельности. Особое внимание уделяется онлайн-волонтерству как форме волонтерской деятельности, наиболее полно отвечающей требованиям процесса рационализации.

Ключевые слова: макдональдизация, рационализация, онлайн-волонтерство.

Введение

Современное общество стремится ко все большей рационализации во всех сферах жизни. Все ускоряющийся ритм жизни требует минимизации затрачиваемого времени на все привычные человеку действия: от повседневных домашних занятий до профессиональных обязанностей, от процесса производства до процесса потребления. Даже туристический отдых может превратиться в краткосрочную погоню за множеством калейдоскопичных впечатлений и ощущений. В нынешнем глобализационном мире человек должен уметь быстро жить, быстро работать, быстро отдыхать, чтобы не потерять ускользающую связь с “современностью”.

Основная часть

О неизбежной рационализации капиталистического общества писал еще на рубеже XIX–XX вв. Макс Вебер. Рационализация охватывает все проявления социальности и подвергает каждое социальное действие расчету и контролю. М. Вебер пришел к выводу, что рационализация социального действия – это историческая закономерность. Эти идеи нашли свое выражение в его типологии социального действия, где наиболее эффективным типом, с точки зрения соотношения цели–средства, стало действие целерациональное.

Идеи немецкого социолога получили дальнейшее развитие в работах американского исследователя Дж. Ритцера, который для обозначения происходящих в обществе процессов использовал понятие “макдональдизация”. Макдональдизация, в представлении Дж. Ритцера, проявляется не просто в совокупности факторов эффективной организации труда в сети ресторанов быстрого питания Макдональдс, а в распространении и влиянии этих факторов на все сферы социальной жизни.

Исследуя проблему возрастающей рационализации в сфере производства и потребления, Дж. Ритцер пришел к выводу, что ни один социальный феномен не смог полностью избежать влияния процесса макдональдизации [1, с. 90]. В той или иной степени каждая сфера жизнедеятельности общества и практически

любое социальное явление оказались подвержены макдональдизации, которая, в свою очередь, является результатом глобализационных процессов. По мнению Дж. Ритцера, степень макдональдизации того или иного процесса или явления можно охарактеризовать как тяжелую, умеренную или легкую [1, с. 90]. В разной степени этот социальный процесс затронул сферу семьи, здравоохранения, образования, политики, правосудия, религии и многие другие. Вслед за Дж. Ритцером (“ни одна сфера жизни не защищена от макдональдизации” [1, с. 74]) мы можем предположить, что процесс макдональдизации повлиял и на такое социальное явление, как волонтерство.

Волонтерство представляет собой феномен взаимопомощи, проявляющийся на разных уровнях (индивидуальном, групповом и т. д.), целью которого является повышение благосостояния общества в целом посредством влияния на решение локальных проблем. Как самостоятельный социальный феномен волонтерство оформилось во второй половине XIX в. и к настоящему времени преобразовалось в соответствии с вызовами современного общества [2].

В разных странах и даже регионах одной страны волонтерское движение находится на разных стадиях своего развития. Если в странах Западной Европы и США исследователи отмечают высокий уровень вовлеченности населения в волонтерскую деятельность [3], то в Республике Беларусь волонтерство как достаточно новое для страны явление находится на стадии становления и популяризации [4].

За последние годы в Республике Беларусь тема волонтерского движения, в том числе и молодежного, стала достаточно актуальной, а сам феномен более востребованным в обществе. Если о росте численности волонтеров можно говорить с определенной долей субъективизма, то повышение активности государственных, коммерческих и некоммерческих организаций по привлечению волонтеров можно отметить совершенно объективно на основании анализа содержания официальных сайтов общественных объединений и государственных структур, появления новых способов рекрутинга волонтеров, расширения сферы применения волонтерского труда. Тем не менее волонтерское движение в Республике Беларусь связано преимущественно с оказанием помощи и поддержки через непосредственное личное взаимодействие волонтера и целевых групп.

Глобализационные процессы, затронувшие в том числе и волонтерство, привели к появлению новых форм организации волонтерской деятельности, в частности, это касается международного волонтерства и его разновидности онлайн-волонтерства [5]. Международное волонтерство, позволяющее добровольцам из разных стран способствовать решению социальных, экологических проблем, участвовать в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и природных катаклизмов, выполняет, помимо основной, и много других неосновных функций: коммуникативную, воспитательную, аксиологическую, мировоззренческую, образовательную, гедонистическую и ряд других. Более глубокий исследовательский интерес с позиции влияния процессов глобализации и макдональдизации вызывает онлайн-волонтерство, или виртуальное волонтерство.

Рассмотрим феномен онлайн-волонтерства на примере одной из самых крупных международных волонтерских организаций – UNV (United Nations Volunteers) [6]. Как и большинство международных волонтерских организаций, UNV стремится к популяризации волонтерского движения и привлечению новых членов в свои ряды. Отчасти с этой целью и был создан онлайн-ресурс, позволяющий организовывать и осуществлять работу волонтеров из разных стран дистанционно посредством виртуальной коммуникации [5].

Онлайн-волонтерство представляет собой осуществление волонтерской деятельности удаленно при помощи глобальной сети Интернет. Наиболее часто для контактов между координатором волонтерской деятельности и волонтерами в онлайн-проектах используются программы Skype, WhatsApp и почтовые сервисы. Подобная форма волонтерской деятельности обладает преимуществом, в особенности для тех потенциальных волонтеров, которые имеют желание и стремление действовать и оказывать посильную помощь, но ограничены в количестве свободного времени, свободе перемещения, состоянии здоровья и т. д.

Среди наиболее популярных, с одной стороны, и востребованных, с другой стороны, сфер для работы в онлайн-волонтерстве можно выделить такие как преподавание и обучение, оказание услуг в переводе текстов и редактировании, участие в исследовательских проектах в качестве ученого-специалиста, работа в сфере маркетинга и рекламы по подготовке информационных материалов для общественных организаций, фондов, проектов и обновлению контента соответствующих сайтов и интернет-страниц.

Так, например, волонтер, обладающий надлежащими знаниями и навыками, может преподавать английский язык для детей из стран с низким уровнем жизни посредством программы Skype. Как правило, в резюме вакансии указывается срок, в течение которого волонтер должен исполнять те или иные функции, приблизительная занятость волонтера в неделю, а также требования к кандидату. Вся необходимая информация находится на специализированном интернет-ресурсе, позволяющим каталогизировать и систематизировать имеющиеся потребности/вакансии волонтеров общественных организаций в онлайн-волонтерах, представить эту информацию в сжатом, упорядоченном и единообразном виде, а также значительно облегчить труд координаторов волонтерской деятельности, занимающихся рекрутингом волонтеров.

Такой подход повышает эффективность работы волонтерской организации. Во-первых, информация на ресурсе имеет целевую аудиторию: она предназначена для потенциальных и действующих волонтеров, заинтересованных в онлайн волонтерстве. Во-вторых, сокращается время, необходимое для поиска соответствующих требованиям кандидатов для работы: сами волонтеры частично осуществляют функцию рекрутинга. Так, волонтер может откликнуться на вакансию сам, если она соответствует его способностям, возможностям и ожиданиям от волонтерской работы, либо посредством социальных сетей распространить эту информацию среди своих друзей и знакомых.

Многие общественные объединения как на международном, так и на национальном уровнях используют форму онлайн-волонтерства при работе с волонтерами таких специализаций, как журналистика, перевод, редактирование, веб-дизайн. Такой подход позволяет экономить временные и физические ресурсы волонтера, повышает эффективность коммуникации между волонтерами и координаторами либо руководителями общественных объединений.

Следовательно, онлайн волонтерство позволяет привлечь к волонтерской деятельности те категории людей, которые исключали подобную занятость в силу отсутствия у них достаточного количества свободного времени: студенческая молодежь, родители, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до трех лет, работающие люди трудоспособного возраста и др.

Эффективность представляет собой один из наиболее значимых факторов рационализации и макдональдизации. Дж. Ритцер определил эффективность как «оптимальный метод обеспечения перехода от одного состояния к другому» [1, с. 76].

В случае с волонтерством эффективность выражается в минимизации времени, затрачиваемого на рекрутинг подходящего кандидата и выполнение волонтером необходимых работ (например, перевод информационных материалов, детских книг, отчетов об исследовательской работе с португальского на английский, с английского на французский, с русского на английский и другие языки). Организаторы программы онлайн-волонтерства UNV подчеркивают, что «онлайн-волонтерство – это быстро, легко и, самое главное, эффективно» [5].

Следующим фактором макдональдизации является просчитываемость. Как отмечает Дж. Ритцер, просчитываемость означает акцент на количественных аспектах [1, с. 76]. В отношении волонтерской деятельности говорить о количественных показателях затруднительно по ряду причин. С одной стороны, существуют методологические проблемы, связанные с учетом численности волонтеров, отработанных волонтерами часов, объема выполненных работ и т. д. Даже на международном уровне нет единой методологии для исследования проблем волонтерской деятельности, хотя определенные шаги в этом направлении уже сделаны [6]. В основном проблемы возникают на уровне дефиниций ключевых понятий «волонтер» и «волонтерская деятельность»: индивид является волонтером на момент участия в волонтерской акции, мероприятии, программе и перестает им быть после окончания сроков реализации проекта. Ввиду этого опыт волонтеров значительно отличается по продолжительности, частоте, характеру выполненных работ и другим аспектам.

С другой стороны, волонтерство представляет собой не обезличенный отчужденный труд, а трудовую деятельность, мотивированную бескорыстными стремлениями людей. Следовательно, использование только количественных показателей при оценке результатов волонтерского труда сужает саму суть добровольчества и препятствует целостному восприятию феномена. Тем не менее использование данных статистического учета позволяет реализовать одну из основных задач, стоящих перед волонтерским движением, – способствовать развитию волонтерства и повышению его роли в жизни отдельных сообществ и общества в целом.

Так, например, согласно статистическим данным каждый год онлайн-волонтерство охватывает около 12 тыс. человек, 60% из которых являются выходцами из развивающихся стран. Всего 187 стран по всему миру вовлечено в онлайн-волонтерство [5]. Министерство труда США в ежегодном отчете о волонтерской деятельности отмечает, что в 2015 г. около 62,6 млн человек волонтерили хотя бы один раз для общественных организаций либо при их посредничестве. Среди возрастных групп наиболее активно участвовали в волонтерской деятельности люди в возрасте 35–44 лет и 45–54 лет (28,9 и 28,0% соответственно) [3].

Также с целью фиксации и учета отработанных волонтером часов, опыта и места работы волонтера и имеющихся у него умений и навыков в практику вошло использование специального документа – паспорта волонтера, или личной книжки волонтера.

Таким образом, просчитываемость (как фактор макдональдизации) проявляется в отношении феномена волонтерства в стремлении учета лишь экономического эффекта волонтерской деятельности.

Макдональдизированные системы обладают унифицированностью и предсказуемостью, благодаря чему потребитель всегда знает ассортимент, размер порции, внешний вид упаковки, цветовое оформление интерьера и форму обслуживающего персонала вне зависимости от региона или страны, где расположено

предприятие фастфуда. Волонтерство в этом плане уникально, так как на характер волонтерской деятельности оказывают сильное влияние национальные и региональные традиции взаимопомощи, особенности культуры, менталитета. Вместе с тем, содержание таких работ как переводы, верстка, дизайн одинаково понимаются онлайн волонтерами из разных стран.

Последний фактор макдональдизации – контроль, осуществляемый как за потребителями, так и за работниками. Волонтерство сохраняет свою важную составляющую даже под давлением рационализации: волонтерский труд остается гуманным. Ответственность и чувство долга – основные регуляторы трудовой дисциплины волонтера. Координаторы волонтерской деятельности, руководители волонтерских проектов и групп осуществляют в большей степени организационные и управленческие функции, чем функцию контроля.

Заключение

Таким образом, на основании проведенного анализа мы можем сделать вывод, что современные процессы глобализации и макдональдизации затрагивают в определенной степени и феномен волонтерства. Происходящие изменения нельзя оценивать однозначно, так как, с одной стороны, повышается эффективность волонтерской деятельности, происходит вовлечение разных социальных групп в волонтерство в связи с развитием информационных технологий и доступа к сети Интернет, а с другой стороны, некоторые формы волонтерской деятельности становятся опосредованными, деиндивидуализированными и более рационализированными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Ритцер, Дж.** Макдональдизация общества 5 / Дж. Ритцер. – Москва : Праксис, 2011. – 592 с.
2. **Похомова, А. А.** Волонтерство в современном мире как социальное явление / А. А. Похомова // Философия и социальные науки. – 2012. – № 3–4. – С. 63–67.
3. Volunteering in the United States – 2015 // Bureau of Labor Statistics [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access: <http://www.bls.gov>. – Date of access: 17.11.2016.
4. **Похомова, А. А.** К вопросу о состоянии волонтерского движения в Республике Беларусь / А. А. Похомова // Гуманитарно-экономический вестник. – 2013. – № 4. – С. 51–57.
5. Change the world through online volunteering // UNV Online Volunteering [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access: <https://www.onlinevolunteering.org>. – Date of access: 17.11.2016.
6. Our impact worldwide // UN Volunteers [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access: <https://www.unv.org>. – Date of access: 10.11.2016.

Поступила в редакцию 05.12.2016 г.

Контакты: +375 29 241 19 03 (Похомова Алеся Андреевна)

Pohomova A. A. THE INFLUENCE OF MCDONALDIZATION AS A SOCIAL PROCESS ON THE PHENOMENON OF VOLUNTEERING.

The influence of modern social processes, such as globalization and McDonaldization, on the phenomenon of volunteering is analyzed in the article. As a result of this influence the author examines the emergence of new forms of volunteering. Special attention is paid to online volunteering as a form of volunteer activity that best meets the requirements of the rationalization process.

Keywords: McDonaldization, rationalization, online volunteering.

УДК 101.1:316.482(043.3)

ПОНИМАНИЕ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Ю. Л. Баньковская

кандидат философских наук, доцент

Белорусский государственный аграрный технический университет (Минск)

Социум представляет собой сложную открытую систему, устойчивость которой нарушается под действием внутренних и внешних факторов. Единственный способ предотвратить разрушающее влияние конфликта на социальную систему и способствовать ее стабилизации заключается в понимании его сущности. Важная роль в процессе понимания отводится аргументации.

Ключевые слова: социальная система, конфликт, конфликтующие стороны, коммуникация, понимание, аргументация.

К одной из ключевых тенденций развития современного общества, формирующей принципиально новые характеристики мироустройства, несомненно, относится развитие и повсеместное распространение конфликтов, которые занимают значительное место в структуре социальных отношений и оказывают существенное воздействие на все стороны жизнедеятельности, как отдельного человека, так и общества в целом, являя собой атрибут существования индивида, социальной группы, государства, международного сообщества. Анализ основных средств ликвидации конфликтов приобретает в современном обществе немалую значимость, ибо необходимость понимания и регулирования человеческих взаимоотношений и социального взаимодействия стала наиболее актуальной в условиях взаимосвязанного мира и возможности глобальных катастроф.

Человек устраняет возникший конфликт благодаря анализу и пониманию сложившейся ситуации и причин ее породивших, а также следствий, к которым она может привести, выбору некоторого варианта урегулирования противоречия. Не всегда удается точно сформулировать проблему конфликта, выявить все его стороны. В процессе его исследования возникают новые проблемы, которые могут оказать влияние на дальнейшее функционирование социальной системы, ее возможную дестабилизацию. За внешними проявлениями конфликта скрываются замыслы, планы, проекты действий, конструируемые конфликтующими сторонами. Посредством понимания конфликтной ситуации они могут осознать причины и сущность наличного противоречия, ресурсы, потребности, интересы и ценности друг друга. Ориентируясь, прежде всего, на свои личные предпочтения, субъект, тем не менее, вследствие боязни эскалации конфликта идет на некоторые уступки, учитывая потребности других людей. Понимание интересов друг друга содействует достижению взаимовыгодного соглашения, тогда как нередко оппоненты полагают, что единственным способом урегулирования конфликта является представление своего собственного решения, защита и аргументация его, критика противоположной позиции. Концентрация внимания на собственном видении проблемы, стремление принять его за основание итогового

соглашения, содействует формированию убежденности в противоположности интересов у конфликтующих сторон. Позиция часто содержит одностороннюю оценку проблемы и соответствующее видение ее решения, «позиции ограничивают спектр возможных решений, поиск путей для новых решений приводит к идее выхода из привычных рамок» [1, с. 60]. Сосредоточившись на интересах можно прийти к проблемно-ориентированному диалогу. Более того, как писал Дж. Найт «участники конфликта могут быть в состоянии неопределенности относительно вариантов, доступных им сейчас; немедленных последствий их выбора, сделанного сейчас; будущих последствиях этого выбора; о будущих вариантах, которые им будут доступны и об их будущих предпочтениях» [2, с. 45].

При разрешении противоречий можно столкнуться с проблемой непонимания сущности конфликта вследствие того фактора, что люди часто не говорят друг с другом так, чтобы быть понятыми. Кроме того, даже если они точно и ясно выражают свою позицию, их могут не услышать. Такая ситуация возможна вследствие нарушения информационно-коммуникационного обмена между конфликтующими сторонами, нежелании их выслушать аргументы друг друга. «Выслушивайте их точку зрения. Признавайте их позицию, чувства, компетенцию... Когда они перестают слушать, вам, естественно хочется сделать то же самое. Если они не желают признавать вашу точку зрения, вы не стремитесь признавать их мнение. Когда они не соглашаются ни с чем из того, что говорите вы, вам тоже становится трудно согласиться даже с одним их словом. Но такое мстительное поведение ведет в тупик» [3, с. 64]. Согласие выслушать оппонентами друг друга – это определенная уступка, которая предоставляет им возможность понять специфику противоречий. «Слушая, вы получаете возможность понимать их восприятие, ощущать их эмоции и слышать то, что вам пытаются втолковать. Активное слушание повышает ценность не только того, что вы слышите, но и того, что они говорят» [4, с. 50]. Не умея выслушать, нельзя быть уверенным в том, что правильно восприняты все факты, а, следовательно, конфликтная ситуация не будет разрешена.

Понимание сущности противоречий, приведших к дестабилизации социальной системы, связано с культурой, предполагающей наличие неразрывной связи индивида и окружающего его мира. Оно осуществляется человеком, включенным в социокультурные процессы, которые он стремится осмыслить и которые в свою очередь влияют на его разумение. Ценностные и нормативные стандарты, отстаиваемые конфликтующими сторонами, влияют на динамику развертывания конфликтной ситуации, специфику ее понимания и возможные механизмы разрешения.

Современный мир формирует коммуникационное пространство, которое характеризуется постоянными процессами трансформации, ситуациями риска. Становится все более очевидным, что процессы коммуникации являются одними из важнейших факторов регуляции взаимоотношений между субъектами социума на всех его уровнях. Суть данной тенденции состоит в том, что любая коммуникация будет иметь смысл только в том случае, если стороны, обменивающиеся информационными сообщениями, понимают их. В ином случае непонимание может привести к конфликту, проявляющемуся как внутри государства, так и на международной арене. Все трагические катаклизмы человеческой истории свидетельствуют о неспособности людей в полной мере понять друг друга, и даже не столько понять, сколько принять иную мотивацию, потребности и ценности. Участвуя в коммуникации и осуществляя коммуникативные дей-

ствия, конфликтующие стороны ориентированы на получение определенного результата. Полифункциональность диалога обусловлена его когнитивностью, прагматичностью и прогностичностью, которые проявляются в открытости коммуникантов друг к другу в контексте их понимания проблемы. Посредством коммуникации конфликтующие стороны углубляют взаимопонимание своих позиций, анализируют противоречия, возникшие между ними. Обсуждение ими интересов, потребностей, ценностей и ресурсов друг друга значимо еще и потому, что единственный способ предотвратить разрушающее влияние конфликта – это попытаться понять обоснованность позиций друг друга. Понимание как результат процесса коммуникации во многом заключается в развитии, обогащении имеющихся знаний, их углублении, проявляющемся как в узнавании новых фактов, так и в установлении новых связей между фактами уже известными. Ю. Хабермас сформулировал эту мысль следующим образом: “мы не просто говорим о том, что имеет или не имеет места, а говорим что-нибудь кому-нибудь другому, так что последний понимает то, что говорится” [5, с. 40].

В концепции коммуникативного консенсуса Ю. Хабермаса мир как совокупность возможных фактов не просто репрезентирует себя в языке, он конституирует себя с помощью языка для некоторого сообщества интерпретаторов, члены которого, в процессе коммуникации, пытаются достичь взаимопонимания и рационального согласия. “Достигнутое коммуникативными средствами согласие, обусловленное степенью готовности субъектов признать взаимные претензии на вербальное выражение, способствует сочетанию социальных интеракций и общего контекста жизненных миров” [6, с. 332]. Ю. Хабермас полагал, что взаимодействие людей в обществе основано на их языковой активности. Коммуникация выступает как форма общения, направленная на выработку новых общезначимых целей, установление общественной гармонии. Человек совершает разного рода социальные действия, ориентированные на другого человека. Благодаря коммуникации он удовлетворяет потребность в общении, передачи своих взглядов, ценностных представлений. Часто человек отклоняется от ожидаемого способа действия, что приводит к противоречиям. Общество подвержено периодическим кризисам, ибо “по мере дифференциации структур жизненного мира спектр форм проявления общественных патологий становится все более разнообразным” [6, с. 358]. Государство и экономика стремятся с ними справиться, что приводит к патологиям и обеднению жизненного мира. “Лица, принимающие участие в коммуникации, должны продолжать свою интеракцию и в конфликтных случаях, в условиях прекращения коммуникативного поведения” [7, с.68]. Причиной конфликтов является преобладание целерациональных действий, основанных на дезинтеграции человеческих отношений, росте манипулятивных тенденций, искажении коммуникации. Таким образом, противоречие между жизненным миром и системой составляет основное содержание общественного развития.

Ю. Хабермас полагал, что конфликты опасны и разрушительны для общественного строя. Они должны быть разрешены. К согласию люди приходят, используя аргументацию, как единственную альтернативу насилию. “Любой человек способен оправдать свою экспансию и максимальное напряжение собственных сил ради достижения агрессивных целей тем, что другой, делая то же самое, руководствуется аналогичными мотивами” [6, с. 375]. Дискурс является формой аргументации, с помощью которой можно проанализировать противоречивые, спорные утверждения. Используя аргументы, суды регулируют конфликты, од-

нако данные решения зависят от взаимопонимания и согласия сторон, от их понимания того факта, что вынесенные решения необходимо исполнять.

На возможностях, открывающихся в анализе аргументативного дискурса, сконцентрировал свое внимание также К.-О. Апель. Потребность в дискурсе возникает тогда, когда одного коммуникативного действия оказывается недостаточно. Аргументативный дискурс представляет собой коммуникацию об истинности выдвигаемых суждений. Он предполагает признание взаимных интересов взаимодействующих сторон и необходимость их учета для достижения консенсуса. Это совместное решение проблемы и обоюдная ответственность за его последствия. «Кто аргументирует, тот имплицитно признает всевозможные требования всех членов коммуникативного сообщества, которые можно оправдать разумными аргументами (иначе требование аргументации тематически ограничилось бы самим собой), и в то же время обязуется оправдывать аргументами все собственные требования к другим» [8, с. 325]. Дискурс не устраняет конфликтную ситуацию, он трансформирует ее в борьбу за лучший аргумент. При нарушении коммуникации человек должен попытаться разрешить возникшую проблему с целью дальнейшего продолжения общения. В ситуации возникшего конфликта интересов и различий во мнениях заинтересованность в его разрешении побуждает людей абстрагироваться от потребности в личном самоутверждении. Оппоненты стремятся объединиться для достижения высшей цели, которая соответствует общим интересам. Таким образом возможно решение многих политических и экономических проблем. К.-О. Апель полагает, что наилучший результат будет достигнут лишь в том случае, если будут учтены интересы не только участников конфликта, но и возможных заинтересованных лиц.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что любое понимание возможно только при наличии хорошо аргументированной точки зрения. Именно ее используют конфликтующие стороны для доказательства своей позиции. Аргументация представляет собой определенную совокупность суждений, предназначенных для обоснования или опровержения оппонентами своего мнения, взгляда на предмет, ставший причиной противоборства. Обращенная к человеческому разуму, она предполагает своим результатом понимание, принятие или опровержение обоснованности требований, предъявляемых конфликтующими сторонами, усиление или ослабление их убеждений благодаря формированию диалога между оппонентами, предполагающего их активную реакцию на приводимые доводы. «Аргументацию лучше всего определить, как метод анализа для принятия приемлемых средств веры и действия» [9, с. 11]. Дж.М. Бэрни и Г.Е. Миле полагают, что данное понятие предполагает встречу умов, когда один из оппонентов желает инициировать другую сторону к диалогу, а не заставлять или командовать, а она расположена слушать, «Спор – это один из наиболее употребляемых приемов аргументации. Понятие аргумент предполагает, по крайней мере, два значения, которые различаются между собой. Когда кто-то отсылает к спору или к полемике, или к диспуту как к аргументу, он использует данный термин в широком смысле слова. В более узком смысле аргумент может быть определен как способ утверждения, благодаря которому вывод исходит из посылок» [9, с. 115]. Аргументация всегда воздействует на человека, к которому она обращена, способствует формированию у него определенной точки зрения на тот или иной предмет, побуждает его к каким-то действиям. Человек должен думать о тех, кого он собирается убедить. Таким образом, условием достижения понимания, содействующего разрешению противоречий, является адаптирова-

ность аргументов к взглядам оппонента, его образу мышления. Так, те аргументы, что в одних случаях способствуют разрешению конфликта, в другой ситуации не будут иметь никакой ценности, а могут, наоборот, вызвать негативное отношение конфликтующей стороны к приводимым доводам.

Аргументация представляет собой необходимое условие и средство разрешения конфликтов, это способ убеждения, доказательства каких-либо доводов. Она является социальной деятельностью, так как человек обретает способность к ней в процессе своего становления и развития, приобщения к культуре и истории. В коммуникативном плане аргументация представляет собой процесс передачи, истолкования информации, заключенной в постулированном тезисе. Под аргументацией Г.А. Брутян понимает “способ рассуждения, в процессе которого проponent выдвигает некоторое утверждение, в реализации которого он заинтересован и хочет заинтересовать оппонента, доказывает истинность этого утверждения, убеждает оппонента в истинности и целесообразности принятия этого утверждения и добивается того, чтобы оппонент стал его единомышленником в обсуждаемом вопросе и соучастником реализации содержащегося в нем плана” [10, с. 15].

Аргументация служит обоснованию положения, которое является значимым для ее автора с целью принятия выдвинутого тезиса его оппонентом. Таким образом, данное обоснование представляет собой часть процесса коммуникации, целью которого является проведение и принятие того или иного варианта разрешения противоречия посредством оценки его позитивных или негативных сторон.

Человек не существует вне сферы взаимодействия и коммуникации с другими людьми, общаясь с которыми он стремится передать им приобретенные знания, что содействует тому, что процессы познания и передачи информации, являясь самостоятельными, тем не менее, остаются взаимосвязанными, взаимообусловленными друг другом. Именно в этом раскрывается сущность человека. История человеческой цивилизации насыщена различными конфликтами, охватывавшими как целые континенты, десятки стран, так и небольшие социальные общности. Ученые осознали неизбежность возникновения конфликтов, являющихся условием общественного развития, ибо дифференциация социальной структуры, свобода, плюрализм, огромное количество несовпадающих интересов, ценностей, потребностей представляют собой их источник. Исчерпание прежних способов социальной организации, повышение значимости человеческой субъективности, усложнение социальной структуры общества содействуют обострению противоречий между людьми.

Возросшее число конфликтов, сложное переплетение конфликтных взаимодействий снижают уровень управляемости ими. В связи с существованием множества противоречий в рамках общественной системы социальная коммуникация приобретает особое значение, так как она способствует выработке организационных, системных и технологических средств их регулирования. Анализ основных способов урегулирования конфликтов приобретает в современном обществе немалую значимость, ибо является необходимым условием устойчивого развития социальной системы. В самом основании процесса возникновения конфликтной ситуации заложена необходимость ее разрешения. Ликвидация возникших противоречий возможна благодаря преобразованию наличных условий, определенным действиям, принятию соответствующего решения. Следовательно, высоко значение понимания сущности противоречий при анализе сложившейся ситуации и причин ее породивших, а также следствий, к которым она может привести, выбору некоторого варианта их урегулирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Carpenter, S. L.** Managing public disputes : a practical guide to handling conflict and reaching agreements / S. L. Carpenter, W. J. D. Kennedy. – San Francisco : Jossey-Bass, 1988. – 293 p.
2. **Knight, J.** Institutions and social conflict / J. Knight. – Cambridge : Cambridge university press, 1992. – 234 p.
3. **Юри, У.** Преодолевая “нет”, или Переговоры с трудными людьми / У. Юри. – М. : Наука, 1993. – 126 с.
4. **Фишер, Р.** Путь к согласию, или переговоры без поражения / Р. Фишер, У. Юри. – М. : Наука, 1992. – 157 с.
5. **Хабермас, Ю.** Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука : С-Петербург. изд. фирма, 2000. – 377 с.
6. **Хабермас, Ю.** Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2003. – 414 с.
7. **Хабермас, Ю.** Будущее человеческой природы : на пути к либеральной евгенике? / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2002. – 143 с.
8. **Апель, К.-О.** Трансформация философии / К.-О. Апель. – М. : Логос, 2001. – 338 с.
9. **McVurney, J. H.** Argumentation and debate techniques of a free society / J. H. McVurney, G. E. Mills. – N. Y. : The Macmillian company, 1951. – 474 p.
10. **Брутян, Г. А.** Очерк теории аргументации / Г. А. Брутян. – Ереван : Изд-во АН Армении, 1992. – 302 с.

Поступила в редакцию 25.11.2016 г.

Контакты: ulia_bank@tut.by (Баньковская Юлия Леонидовна)

Bankovskaya Y. L. UNDERSTANDING A CONFLICT SITUATION AS THE BASIS FOR THE TRANSFORMATION OF THE SOCIAL SYSTEM.

Society is a complex open system. Its stability is violated by the action of internal and external factors. The only way to prevent the destructive influence of the conflict on the social system and to promote its stabilization is to understand its nature. An important role in the process of understanding is assigned to the argumentation.

Keywords: social system, conflict, conflicting parties, communication, comprehension, argumentation.

УДК 306.3

ПРОБЛЕМА НЕСООТВЕТСТВИЯ МЕЖДУ УРОВНЕМ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПОВЕДЕНИЕМ СТУДЕНТОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Е. Ю. Гулько

аспирант,

Белорусский государственный университет

В статье рассматриваются особенности экологического сознания и экологического поведения студенческой молодежи. В оценках студентов возрастает обеспокоенность проблемами окружающей среды, но это не находит отражения в экологических практиках. Подавляющее большинство студентов не принимает участие в конкретных экологических действиях. Слабая включенность в экологические практики свидетельствует о низком уровне экологического поведения студентов. Студенты возлагают ответственность за решение экологических проблем в первую очередь на государство. Вместе с тем возрастает чувство ответственности среди самих студентов и понимание того, что изменения должны начинаться с обычных граждан.

Ключевые слова: экологическое сознание, экологические знания, экологическое поведение, студенчество.

Одной из целей образования в рамках Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 г. является “формирование личности с системным мировоззрением, критическим, социально и экологически ориентированным мышлением и активной гражданской позицией” [1, с. 38]. Это предполагает формирование гражданина с активной позицией, в том числе и по отношению к охране окружающей среды, использованию экологических знаний в повседневной практической деятельности.

Студенчество как социальная группа является наиболее активной и восприимчивой к изменяющимся условиям жизнедеятельности. Как отмечает Р. Инглхарт, новые модели поведения берет на вооружение в первую очередь именно молодое поколение, так как людям старшего возраста труднее отказаться от глубоко усвоенных привычек [2, с. 43].

Цель прикладного социологического исследования, проведенного автором в сентябре–ноябре 2016 заключалась в определении уровня экологического сознания и экологического поведения студенческой молодежи г. Минска и г. Могилева. Это нашло отражение в основных исследовательских задачах: выделение наиболее значимых экологических проблем и уровня обеспокоенности данными проблемами; выявление уровня знаний и степени информированности по экологическим проблемам, программам по защите окружающей среды и деятельности экологических организаций; определение уровня экологического поведения и экологической активности студенческой молодежи; выявление основных барьеров на пути к переориентации поведения студентов в сторону экологически ориентированного.

В качестве объекта исследования выступили студенты 2-4 курсов Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова и студенты столичных ВУЗов (БГУ, БГЭУ, БНТУ, БГУИР). Для сбора первичной социологической информации применялся метод анкетного опроса (n=991). Исследование было проведено при поддержке кафедры социологии БГУ и кафедры социологии и политологии Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова.

Актуальные экологические проблемы. В рамках проведенного исследования мы выясняли отношение студенческой молодежи к экологическим проблемам. Среди экологических проблем, которые могилевские студенты назвали в числе наиболее актуальных, следует отметить, во-первых, загрязнение воздуха (20,7%); во-вторых, радиационное загрязнение территории (19,3%); в-третьих, изменение климата (10,6%); в-четвертых, загрязнение выхлопами городского транспорта (10,1%); в-пятых, загрязнение воды (10,8%). Отметим также, что различие в оценке актуальности экологических проблем столичными и могилевскими студентами статистически не значимо.

Общий уровень обеспокоенности (тревожности) экологическими проблемами по пятибалльной шкале составил 3,38 балла (по ответам 3,25 для столичных студентов и 3,51 для могилевских студентов). Данное различие не является статистически значимым, в целом, студенты демонстрируют средний уровень обеспокоенности экологическими проблемами.

Экологические знания. Экологические знания являются когнитивной составляющей экологического сознания и выступают в качестве его основного структурного элемента. Наличие или отсутствие знаний у человека в значительной мере определяет характер его поведения по отношению к природе [3, с. 19].

Оценка знаний проводилась по трем параметрам: оценка знаний по экологическим проблемам, знания касательно деятельности экологических организаций и реализации специальных программ, направленных на защиту окружающей среды.

Могилевские студенты склонны более высоко оценивать свои знания о проблемах окружающей среды: средний показатель по десятибалльной шкале для них составил 6,1 балла, в то время как столичные студенты, в среднем, оценивают свои знания в 5,6 балла. Данное различие в уровне знаний является статистически значимым. Однако в целом уровень знаний и столичных, и могилевских студентов можно оценить как средний.

По результатам опроса, в качестве основного источника информации по экологической проблематике студенты называют вуз (столичные студенты – 78,4%, могилевские студенты – 65,8%), Интернет (75,4% и 74,4% соответственно), телевидение (по ответам 39,2% столичных студентов и 45,8% могилевских).

При ответе на вопрос “слышали ли вы о реализации в вашем городе программ, направленных на защиту окружающей среды” 38,2% могилевских студентов отметили, что что-то слышали о таких программах, но не знают точно, на решение каких проблем они направлены. Треть респондентов ничего не слышала и не знает о таких программах (29,2%), порядка 20% затруднились с ответом на данный вопрос. И только 11,4% знают о наличии таких программ и их реализации.

Подобная ситуация касается и знаний могилевских студентов относительно деятельности экологических организаций. Ответы распределились следующим образом: такие организации есть и я знаю об их работе – 8,9%; я что-то

слышал (а) о таких организациях, но точно не знаю, чем они занимаются – 36,8%; я не слышал(а) о работе таких организаций – 35,7%; затруднились с ответом – 18,6%. Значительных различий в группах по полу и вузу в ответах на данные вопросы не было установлено. Представленные данные говорят о том, что студенты в большинстве своем не имеют четких представлений и не знают о наличии программ, направленных на защиту окружающей среды и деятельности экологических организаций. Это может быть связано со слабой информированностью по данным вопросам, а также отсутствием интереса к экологической проблематике со стороны студентов.

Экологическое поведение. Экологические знания выступают в качестве своеобразного мостика между сферой сознания и поведения. Вместе с тем, насколько не был бы высоким уровень экологического знания, его главное назначение состоит в умении использовать его в практической деятельности [4].

По самооценке студентов свой образ жизни в той или иной мере экологически ориентированным считают 75,2% столичных студентов и 82,8% – могилевских студентов. В ходе анализа данного вопроса мы объединили ответы “да” и “скорее да” в одну позицию – “да”, а также ответы “нет” и “скорее нет” позицию – “нет”. Установлена статистическая связь между оценкой своего поведения как экологически ориентированного и полом респондентов. Так, среди девушек могилевского университета больше тех, кто оценивает свое поведение как экологически ориентированное (89,2%), чем среди юношей (74%).

Однако обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство студентов (81% столичных студентов и 78% могилевских студентов) не предпринимали никаких действий, направленных на защиту и охрану окружающей среды. Это свидетельствует о слабой степени включенности студенческой молодежи в экологические практики. Анализ экологической активности могилевских студентов (среди тех, кто предпринимал какие-то действия для решения экологических проблем) показывает, что принимали участие в качестве добровольца в акции по защите окружающей среды 10,6%. Данная категория студентов в качестве таких акций отмечала, в том числе и добровольно-принудительные мероприятия, которые проводились университетом. Проголосовали за определенную кандидатуру на выборах – 6,2%, вложили деньги в ту или иную акцию по поддержке окружающей среды 3% студентов. И только 0,4% респондентов отметили, что они стали членом организации по защите окружающей среды. На основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что высокая оценка студентами своего поведения как экологически ориентированного расходится с их уровнем экологической активности, который в данной ситуации может быть охарактеризован как низкий.

Экологическое поведение, как правило, связано с выбором индивида между защитой окружающей среды и развитием экономики. Выбирая экологически ориентированный образ жизни, человек, сознательно жертвует какими-то сторонами своей жизни в пользу более дружественного отношения к окружающей среде [5, с. 162]. Респондентам предлагалось выразить согласие или несогласие с рядом суждений, характеризующих их отношение к окружающей среде. Анализ ответов на данный вопрос показал, что:

- готовы жертвовать развитием экономики, чтобы защитить окружающую среду – 51,4% столичных студентов и 45,4% могилевских студентов;
- готовы жертвовать качеством окружающей среды во имя развития экономики – 11,2% столичных и 19,5% могилевских студентов;

- нет нужды ничем жертвовать, поскольку развитие экономики не влияет на качество окружающей среды – с данным суждением согласны 37,4% минских студентов и 35,2% моголевских студентов.

Различия в ответах студентов столичных вузов и студентов Моголевского университета статистически значимы. Для сравнения, среди столичных студентов больше тех, кто готов жертвовать развитием экономики ради защиты и охраны окружающей среды, в то время как среди моголевских студентов больше тех, кто готов жертвовать качеством окружающей среды ради развития экономики.

Распределение ответов на данный вопрос позволяет говорить о том, что практически половина студентов отметила, что окружающая среда является приоритетной по отношению к экономическому развитию. Однако не может остаться без внимания тот факт, что треть студенческой молодежи не осознает взаимосвязи между развитием экономики и состоянием окружающей среды. А ведь главный стержень концепции устойчивого развития – это синтез трех основных составляющих: экономической, социальной и экологической.

Наличие условий и барьеров на пути переориентации поведения на более экологичный лад. Любое поведение, в том числе и экологическое, необходимо рассматривать в контексте наличия соответствующей инфраструктуры, т. е. условий, которые бы способствовали претворению в жизнь экологических практик граждан. Среди таких условий можно выделить следующие: оснащение дворов контейнерами для сортировки отходов, наличие вблизи дома пунктов приема макулатуры, наличие в магазинах бумажных пакетов вместо пластиковых, наличие в продаже экологически чистых продуктов и т. д. По результатам исследования, по некоторым позициям столичные студенты выше оценивают имеющиеся в городе условия, чем моголевские студенты. Мы полагаем, что это связано с тем, что большинство экологических инициатив берет начало именно в столице, а затем уже постепенно распространяется на другие города. Так, в Минске – 50,2% студентов указали на наличие рядом с домом пункта приема макулатуры, в Моголеве – 27,5%. Наличие рядом с домом контейнеров для раздельного сбора мусора отметили 69,4% столичных студентов и 61,7% – моголевских студентов. Наличие в ассортименте магазина вблизи их дома экологически чистых продуктов отметили 69,3% и 57,1% соответственно. Большинство студентов указали, что в ассортименте магазина вблизи их дома есть энергосберегающие лампочки (по ответам 83,4% столичных студентов и 76,7% моголевских студентов). Достаточно низко (порядка 10%) студенты оценили инициативу использования в магазинах бумажных пакетов вместо пластиковых.

Согласно данным опроса, в качестве ключевых факторов, которые тормозят экологическое поведение, респонденты выделяют отсутствие собственной инициативы (столичные студенты – 55,8%, моголевские студенты – 46,6%) и конкретных мер экологического характера со стороны государства (в Минске – 32,4%, в Моголеве – 25,2%). Статистически значимы различия в оценке барьеров среди юношей и девушек Моголевского университета. Так, среди юношей 23,5% считают, что не хватает научных знаний и информированности по экологической проблематике. Среди девушек в качестве барьера отсутствие собственной инициативы отметило 51,6% респондентов, в то время как среди юношей 39,2%.

Ряд вопросов, заданных респондентам в ходе исследования, был направлен на выявление их мнения относительно того, кто должен нести ответственность за решение экологических проблем и кто является наиболее эффективным в решении этих проблем.

По мнению моголевских студентов, в первую очередь ответственность за решение экологических проблем должны нести городские власти – 38,8% и городское население – 30,8%. 23,6% моголевских студентов связывают решение экологических проблем с деятельностью экологических организаций, среди минских студентов данный вариант отметили только 13,3% респондентов. Эти данные говорят о том, что с одной стороны, студенты склонны возлагать ответственность за решение экологических проблем на других (государство, экологические организации), а с другой стороны, осознают и свою ответственность в этом процессе.

Подобная ситуация касается и эффективности в решении экологических проблем и защиты окружающей среды. Среди институтов наиболее эффективным, по мнению респондентов, в решении экологических проблем опять же являются городские власти (в Минске – 43,5%, в Моголеве – 36,5%). Моголевские студенты выше оценивают эффективность экологических организаций в решении экологических проблем города (29,4%), в то время как столичные студенты эффективность простых граждан (30,6%). Данные различия являются статистически значимыми.

Анализ ответов на поставленные вопросы показывает, что, по мнению студентов, основная ответственность/эффективность за решение экологических проблем должна принадлежать государству. В качестве позитивного момента можно отметить то, что практически треть студентов осознают и свою ответственность за решение экологических проблем и отмечают эффективность простых граждан в решении данных вопросов.

Подводя итоги, отметим, что наиболее актуальными экологическими проблемами студенты считают загрязнение воздуха, радиационное загрязнение территории, изменение климата, загрязнение выхлопами городского транспорта, загрязнение воды. Интегральный показатель обеспокоенности экологическими проблемами равен 3,38 (по ответам 3,25 для столичных студентов и 3,51 для моголевских студентов), что можно интерпретировать как средний уровень обеспокоенности.

В целом студенты оценивают уровень своих знаний касательно экологических проблем как средний, но при этом моголевские студенты оценивают свой уровень знаний чуть выше, чем столичные студенты. Наблюдается низкий уровень знаний и слабая информированность о деятельности экологических организаций и проведении программ, направленных на защиту окружающей среды (различия для моголевских и столичных студентов незначительны). Студенты в большинстве своем не имеют четких представлений и не знают о наличии программ, направленных на защиту окружающей среды и деятельности экологических организаций. Это может быть связано со слабой информированностью по данным вопросам, а также отсутствием интереса к экологической проблематике со стороны самих студентов.

Результаты исследования иллюстрируют определенное противоречие: в оценках студентов возрастает обеспокоенность проблемами окружающей среды, но это не находит отражения в экологических практиках. Так, подавляющее большинство из них (это касается и моголевских, и столичных студентов) не предпринимает конкретных действий, направленных на решение экологических проблем и защиту окружающей среды. Это подтверждают и результаты проведенных ранее исследований под руководством белорусского социолога Л.Г. Титаренко в 2010–2014 гг., в том числе и среди студенческой молодежи г. Минска [6].

По результатам опроса молодежь возлагает ответственность за решение экологических проблем в первую очередь на государство. Как позитивный момент можно отметить то, что возрастает чувство ответственности среди самих студентов и понимание того, что изменения должны начинаться с обычных граждан и их повседневных практик.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Эконом. бюл. науч.-исслед. эконом. ин-та М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2015. – № 4. – 99 с.
2. **Инглхарт, Р.** Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – Москва : Новое издательство, 2011. – 464 с.
3. **Карако, П. С.** Социальная экология: экологическое сознание / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2011. – 215 с.
4. **Егорова, Л. Г.** Динамика экологического сознания горожан (на примере г. Казани) [Электронный ресурс] / Л. Г. Егорова, П. О. Ермолаева, Е. П. Носкова // Научная электронная библиотека “Киберленинка”. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-ekologicheskogo-soznaniya-gorozhan-na-primere-g-kazani>. – Дата доступа: 12.09.2016.
5. **Титаренко, Л. Г.** Экологически ориентированный образ жизни как составляющая высокого качества жизни населения и устойчивого развития общества / Л. Г. Титаренко // Социологический альманах. – 2011. – № 2. – С. 157–164.
6. **Титаренко, Л. Г.** Экологическое поведение в обществе риска: эмпирические типы (на примере города Минска) / Л. Г. Титаренко // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2014. – № 2. – С. 85–91.

Поступила в редакцию 23.12.2016 г.

Контакты: 7956612@mail.ru (Гулько Екатерина Юрьевна)

Gulko E.Y. THE PROBLEM OF DISCREPANCIES BETWEEN STUDENTS' LEVEL OF ENVIRONMENTAL KNOWLEDGE AND ENVIRONMENTAL BEHAVIOUR: REGIONAL ASPECT.

The article considers the peculiarities of students' environmental consciousness and ecological behaviour. The students' assessments show an increasing concern about environmental issues, but it is not reflected in the environmental practices. The overwhelming majority of students do not take part in any environmental actions. The weak involvement in environmental practices indicates a low level of students' ecological behaviour. The students make the government responsible for the solution of environmental problems. At the same time the sense of responsibility among the students is increasing, as well as understanding that change must begin within ordinary citizens.

Keywords: environmental consciousness, environmental values, environmental knowledge, environmental behaviour, students.

УДК 316.356.2

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НА СЕМЕЙНЫЕ СТРАТЕГИИ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

Н. А. Сосновская

научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси

В статье рассматриваются стратегии поведения молодежи в сфере брачно-семейных отношений, выделенные на основе комбинации базовых и инструментальных ценностей. Особое внимание уделено взаимосвязи семейных стратегий с востребованностью мер семейной политики.

Ключевые слова: молодежь, семья, стратегии, ценностные ориентации, семейная политика.

Введение

Ценностные трансформации современного общества, наряду с влиянием социально-экономических факторов, способствуют формированию неоднозначного отношения молодежи² к семье. Социологические исследования показывают сохранение доминирующего положения семьи в структуре ценностей молодежи. Так опрос, проведенный Институтом социологии НАН Беларуси³ зафиксировал, что семейные ценности, по сравнению с ценностями профессиональной реализации, получили более высокие рейтинговые позиции: родители – 4,74⁴; супруг(а) – 4,61; дети – 4,47. Профессионально-карьерные устремления менее значимы: интересная работа – 4,43; профессионализм – 4,34; карьера – 3,90. Женщины в большей мере ориентированы на создание семьи и рождение детей. Ценность супружества ими оценивается на уровне 4,7, а мужчинами – 4,5. Наличие детей также важнее для молодых женщин – 4,65 (у мужчин 4,3), тогда как среди мужчин ярче выражена направленность на карьеру – 4,02 (среди женщин – 3,7). С другой стороны, происходит снижение институциональной значимости семьи, которое проявляется в высоком уровне разводимости, изначальной нацеленности молодежи на профессиональную сферу, сопровождающейся откладыванием решения о создании семьи и рождении детей, разрушением потребности семьи в детях. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь средний возраст вступления в брак для девушек по сравнению с 2000 г.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Специфика молодежи как субъекта социокультурного пространства в условиях глобализации и информатизации современного общества» № Г15ЛИТ-029 при поддержке ГКНТ-БРФФИ Республики Беларусь.

² В соответствии с законодательством Республики Беларусь молодежью считаются граждане в возрасте от 14 до 31 года.

³ Анализ данных основывается на исследовании, проведенном отделом социологии культуры Института социологии НАН Беларуси в 2015 году. Выборка репрезентативна по полу, возрасту, уровню образования, региону проживания и типу населенного пункта (N = 1498). Количество представителей молодежи в выборке составляет 474 человека.

⁴ Представлены средние значения по шкале от 1 до 5, где 1 – минимальное значение ценности, 5 – максимальное значение.

увеличился с 22,8 лет до 25,5 лет в 2015, а для мужчин соответственно с 25 лет до 27,5 лет. Даже по сравнению с 2010 г. средний возраст рождения первого ребенка сдвинулся с 24 до 26 лет. Несмотря на то, что по сравнению с 2000 г. количество распадающихся семей снижается, оно остается достаточно высоким (40% от заключенных в 2015 г. браков) [1, с. 65–81]. Таким образом, наблюдающиеся поведенческие тенденции не соответствуют сохраняющимся традиционным представлениям о семье как о важнейшей жизненной ценности, что требует детального анализа происходящих процессов.

Основная часть

Обзор работ, посвященных семейным ориентациям белорусской молодежи, показывает, что при анализе особенностей поведения молодежи в сфере брачно-семейных отношений молодежь рассматривается как однородная группа. Хотя в некоторых проектах учитываются половозрастные признаки, способствующие выявлению важных характеристик, в основном молодежь позиционируется гомогенной частью общества. Но уже фиксация ценностного отношения молодежи к семье показывает разнообразие ее позиций. Приверженность различным ценностным ориентациям, конструирующим и направляющим поведенческие стратегии одно из фундаментальных оснований дифференциации. Данное соображение предполагает проведение многомерного типологизирования, позволяющего выявить различия в семейных стратегиях и более подробно проследить особенности трансформации как отношения к семье, так и внутрисемейного взаимодействия в молодежной среде.

В социологии представлены два подхода к пониманию стратегии. С.А. Шавель, учитывая положения теории стратегического управления, рассматривает стратегию как выдвижение и обоснование обобщенных, генерализованных целей и способов их достижения. При таком понимании особое значение приобретает осознание целей жизнедеятельности и целостной картины их достижения, так как “бесцельное движение лишается перспективы” [2, с. 277]. Наличие реалистичного проекта будущего позитивным образом сказывается на результативности всей стратегии. Такой “проект” должен содержать анализ и оценку имеющихся ресурсов, средств и способов реализации цели, осознание возможных ограничений. В данном случае стратегия рассматривается как исключительно рациональное поведение, направленное на достижение поставленной цели. Если цели и мотивы поведения и деятельности не осознаны, то речь не может идти о стратегическом поведении.

Другой подход основан на широкой психологической и социологической традиции изучения “жизненной стратегии” как комплексного феномена, характеризующего жизнь человека в целом” [3]. Ведущий представитель данного исследовательского направления в российской психологии К.А. Абульханова-Славская дает следующее определение: “принципиальная, реализуемая в различных жизненных условиях, обстоятельствах способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни, к ее воспроизводству и развитию” [4, с. 130]. То есть под стратегией понимается индивидуальный способ конструирования жизни. При таком понимании рациональность не акцентирована, а жизненная стратегия рассматривается как особенность, характеризующая специфику существования личности. Социологическую трактовку понятия “жизненные стратегии” дают Т.Е. Резник и Ю.М. Резник. “Стратегия жизни в ее социологическом понимании есть динамическая, саморегулирующая система социокультурных представлений личности о собственной жизни, ориентирующая и направляющая ее поведение в течение длительного времени” [5, с. 102]. Жиз-

ненная стратегия определяется особенностями осмысления событий жизни, происходящих с позиций перцептивных, смысложизненных, ценностных, нормативных либо целевых ориентаций. Она предполагает определение и принятие наиболее значимых ориентиров и приоритетов на долговременную перспективу. Таким образом, в данном подходе стратегии жизни трактуется как динамическая система представлений личности о собственной жизни, ориентирующая и направляющая ее поведение в течении длительного периода.

В проведенном исследовании семейные стратегии современной белорусской молодежи понимались как интегральные характеристики поведения в сфере семейных отношений. В основе выделения стратегий лежат базовые и инструментальные ценности, как наиболее общие механизмы регуляции поведенческой активности. В результате процедур факторного⁵ и последующего кластерного (метод k-means) анализов были выделены группы респондентов, различающихся между собой комбинацией базовых и инструментальных ценностей и, соответственно, являющиеся носителями разных жизненных стратегий поведения.

В первую, самую многочисленную группу, охватившую 54,9% распределения вошли респонденты, ориентированные на карьеру, профессиональный успех сочетающийся с расширением властных полномочий и связанный с повышением социального статуса. Они получили условное название **“Профессионально-ориентированные”**. Группа сбалансирована по половозрастному и образовательному признакам. В ней равномерно представлены женщины и мужчины, как молодежь до 24 лет, так и старше. В равной степени проживающая как в городе, так и в сельской местности. Больше половины (61,9%) не имеют семьи. Состоят в браке – 32,8%, в гражданском браке – 2,4% и столько же – разведены. Средняя продолжительность семейной жизни – 4,2 года. Показатель моды⁶ – 3 года. Детей имеют 29% опрошенных. Вошедшие в данную группу респонденты чаще считают себя хорошо материально обеспеченными, или же имеющими средний уровень достатка.

Респонденты второй группы ориентированы на гармоничную реализацию в семейной и профессиональных сферах. При сравнении с первой группой их отличительной особенностью является отсутствие стремления к власти. Своим основным ресурсом они считают личностные качества, свою профессиональную компетентность и в минимальной степени склонны полагаться на внешнюю поддержку и связи. Незначительный перевес значимости семейных ориентаций позволил дать группе условное название группы **“Семьянины” (14,7%)**. Она равнозначна по половому признаку с небольшим преобладанием женщин. Чаще в данную группу попадает молодежь до 24 лет со средним или средне-специальным образованием, проживающая в сельских населенных пунктах. Соотношение состоящих и не состоящих в браке подобно группе “Профессионально-ориентированных”: 53,6% – не имеет семьи, 34,8% – имеет, 7,2% в гражданском браке, 4,3% – разведены. Состоят в браке в среднем 3,7 лет. По показателю моды респонденты данной группы имеют минимальный стаж семейной жизни – 1 год. По количеству детей соответствуют “Профессионально-ориентированным” (29%). Хотя большая часть респондентов считает свой уровень материальной обеспеченности средним (57,1%), в данной группе достаточное число считающих себя как хорошо обеспеченными, так и с достатком ниже среднего.

⁵ Анализ методом главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлось за 5 итераций (суммарная объясняющая дисперсия – 58,2%).

⁶ Мода – наиболее часто встречающееся значение.

Для респондентов третьей группы важным ориентиром является комфорт, как душевный, так и физический. Данная группа получила название **“Ориентированные на духовное благополучие” (20%)**. Чаще это женщины. По возрастному составу преобладают респонденты 25–31 года. Высок процент респондентов с высшим образованием, проживающих в городах. Характеризуется самым большим представительством респондентов, имеющих семью – 48,9% (нет семьи у 39,1%). Еще 6,5% состоят в гражданском браке, и 5,4% разведены. Средняя продолжительность семейной жизни – 4,1 год. Несмотря на то, что многие респонденты имеют незначительный стаж семейной жизни – 1 год, другая часть группы состоит в браке 5 и более лет. Почти половина (49,5%) имеет детей. Уровень достатка чаще считают средним.

Последнюю группу составили респонденты, выразившие негативное отношение ко всем предложенным ценностям. Условно она названа **“Нигилисты” (10,3%)**. Значительная часть группы – мужчины. Много молодежи до 24 лет. Более половины с общим средним образованием, многие проживают в сельской местности. Редкие представители данной группы имеют семью (12,8%), у подавляющего большинства семья отсутствует (83%). В разводе – 4,3%. Наиболее часто упоминаемый стаж семейной жизни – 5 лет. Только 10,4% имеет детей. При самооценке своего материального положения преобладает восприятие его уровня как ниже среднего или даже на уровне бедности.

Полученные данные показали, что ориентация на разные ценностные основания сказывается на всем многообразии аспектов брачно-семейных отношений: от мотивов вступления в брак до причин конфликтов и разводов. Так, несмотря на сохранение общей мотивационной структуры в группах наблюдается различная степень выраженности мотивов (таблица 1). Первостепенной причиной брака молодежь считает взаимные чувства, но наиболее ярко этот мотив выражен среди респондентов – “Семьянины”. Также эта группа среди мотивов выделяет ожидание ребенка. “Профессионально-ориентированные” респонденты в большей мере, чем остальные, ценят возможность получить независимость от родителей. “Нигилистов” отличает желание узаконить интимную жизнь и получить независимость. Группу “Ориентированных на духовное благополучие” характеризует более сильное желание иметь детей. Представители данной группы в большей мере сохраняют приверженность традиционным семейным отношениям. Вступая в брак, они чаще учитывают желание родителей, наделяют «семейного» человека более высоким статусом, рассматривают семью с позиции ее материальных и финансовых возможностей.

Представления о мотивах вступления в брак, в зависимости от группы, %

Мотивы	Стратегии			
	“Профессионально-ориентированные”	“Семьянины”	“Нигилисты”	“Ориентированные на благополучие”
Взаимные чувства	85,4	93,6	83,2	82,4
Желание иметь детей	28,3	31,9	<i>10</i>	38,2
Ожидание ребенка	10,1	17,2	9,4	16,4
Желание иметь статус “семейного человека”	7,4	8	2,8	9,9

Окончание таблицы

Мотивы	Стратегии			
	“Профессионально-ориентированные”	“Семьянины”	“Нигилисты”	“Ориентированные на благополучие”
Получить независимость	6,7	3,5	4,7	3,9
Желание узаконить интимную жизнь	3,9	1,4	7,7	2,9
Страх одиночества	5	5,9	4,3	5,9
Решение материальных проблем	4,2	4	2,8	5,1
Желание родителей	0,4	0	2,8	3,1

Выраженные различия характеризуют стратегии респондентов относительно роли семьи в жизни человека. В большей мере восприятие семьи как препятствия для мужчин свойственно для “Нигилистов”. Практически во всех предложенных для оценки ситуациях они видят в семье препятствие для реализации своих жизненных планов. В противоположность им “Семьянины” редко проявляют подобное отношение. Оно поддерживается лишь по отношению к проведению досуга. “Профессионально-ориентированные” предполагают, что семья препятствует общению с друзьями и в решении крупных неприятностей. Роль семьи в жизни женщины также наиболее критично оценена “Нигилистами”, а позитивнее всего – “Семьяниними”.

При обсуждении возможных причин разводов респонденты выразили высокую степень согласия в том, что наиболее вероятной причиной может являться измена супруга (рисунок 1).

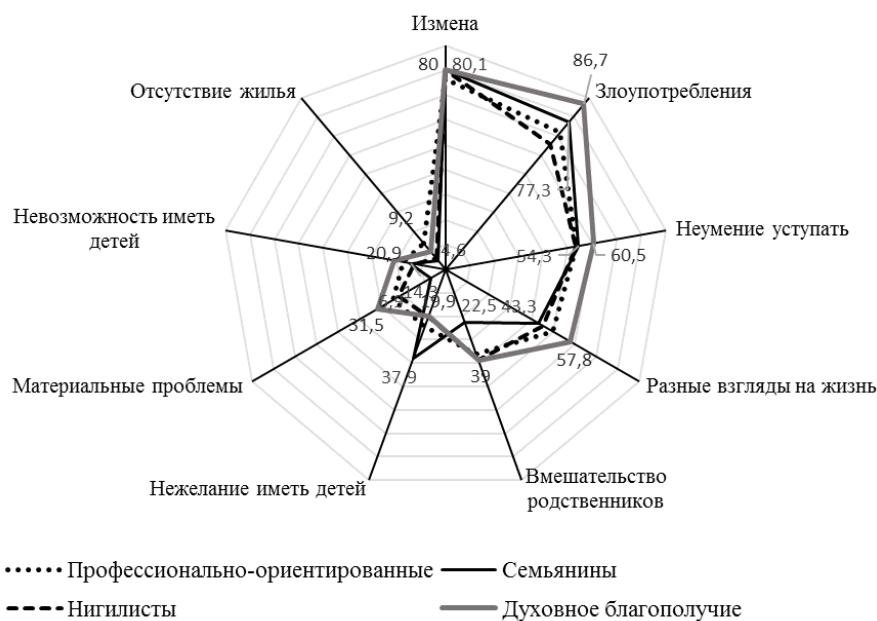

Рисунок 1 – отношение к причинам развода в зависимости от группы, %

Разница в стратегиях прослеживается в оценке злоупотреблений алкоголем или наркотиками. Наиболее существенной причиной разрыва отношений различные злоупотребления рассматриваются респондентами “Ориентированными на духовное благополучие” (86,7%). Данная группа в целом склонна проявлять меньшую лояльность по отношению к партнеру. Только отсутствие желания иметь детей расценивается ими как менее важный повод к разрыву, по сравнению с остальными группами. “Семьянины” показали наибольшую терпимость в условиях вмешательства родственников, при возникновении материальных проблем, отсутствии жилья и разных взглядов на жизнь. Их позиция значительно отличается от остальных групп в сторону меньшей лояльности по поводу “нежелания иметь детей”.

Важное практическое преломление исследование семейных стратегий молодежи находит в изучении ее отношения к проводимой государством семейной политике. Наличие широкого дискуссионного поля о целесообразности вмешательства государства в регулирование демографических процессов, которые с точки зрения акторов воспринимаются как сугубо личная проблема “родить или нет”, а также о потенциальных возможностях государства в этой сфере социальной жизни, актуализируют исследования данной проблематики. Выявление и обобщение мнений представителей различных социокультурных групп, сформированных на основании общих ценностных ориентаций, и возможных вариаций в востребованности ими социальной помощи позволит сфокусировать усилия на наиболее актуальных направлениях, что послужит повышению эффективности проводимых мероприятий.

Проведенное исследование показало, что молодежь, по сравнению с представителями старших возрастных групп в большей степени считает, что государство должно помогать семьям с детьми (58,1% молодежь, 51,2% – остальные респонденты). Среди городских респондентов убежденность в отсутствии необходимости поддержки не смогла преодолеть порог статистической значимости (4,6%), тогда как сельская молодежь чаще считает, что подобная поддержка не нужна (7,7%). Причем с ростом уровня образования респондентов возрастает убежденность как в необходимости поддержки, так и в том, что родители должны заботиться о детях самостоятельно. Этот процесс компенсируется снижением привлекательности для респондентов адресной социальной помощи. Обозначенная тенденция особенно ярко проявилась в позиции “Семьянинов”. Данное явление требует более подробного изучения, так как именно в развитии адресной направленности помощи эксперты видят возможности повышения эффективности мер социальной политики. Возможно, культурно обусловленные представления о социальной справедливости предполагают дихотомическое распределение “всем или никому” и, конечно, лучше “всем”. Наличие детей в семье не отражается на представлениях о необходимости социальной поддержки, за исключением того, что среди бездетных респондентов несколько больше затруднившихся сформулировать свое мнение.

Молодежь значительно чаще остальных респондентов нуждается в улучшении жилищных условий (55,2% и 43,3%), а также возможностях пользоваться гибким рабочим графиком (29,3% и 24,6%). Полученные данные показали, что в белорусских семьях не сформирована потребность в передаче услуг заботы коммерческому сектору. Так, несмотря на неразвитость альтернативных практик заботы, связанных с уходом за детьми, молодые люди не выразили заинтересованность в данном виде помощи (4,2%). Вероятно, в этом отношении родители

полагаются либо на собственные ресурсы (предоставляемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им трех лет), либо на традиционный для советского и постсоветского пространства “институт бабушек”.

Для молодежи, проживающей в городах актуальна высокая потребность в улучшении жилищных условий, гибком рабочем графике, местах в детских садах (рисунок 2). В свою очередь, жители сельской местности выражают заинтересованность в материальной поддержке, развитии творческих, интеллектуальных и спортивных направлений организации детского досуга.

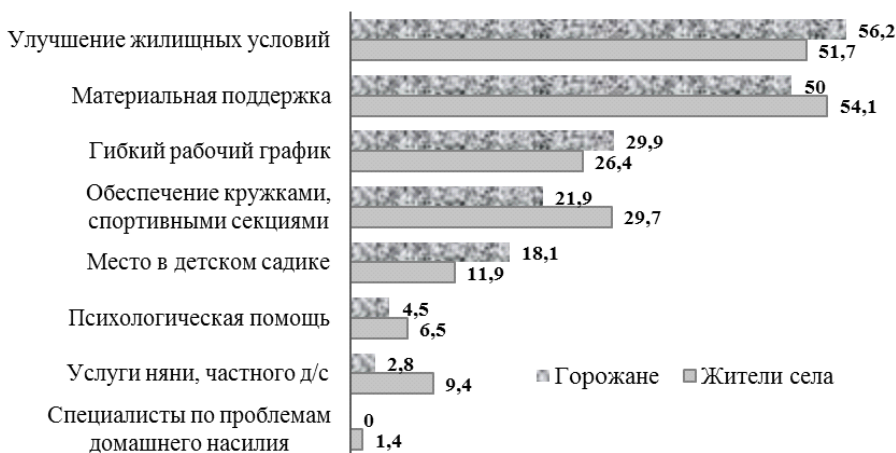

Рисунок 2 – потребность семей в различных видах социальной поддержки в зависимости от типа населенного пункта, в %

Примечательно, что сельская молодежь в большей степени заинтересована в услугах няни и создании частных детских садов. Вероятно, в малых населенных пунктах родителям было бы предпочтительнее оставлять ребенка на попечение воспитателя/няни, находящегося непосредственно в данной местности, чем возить его за несколько километров в государственный сад. Развитие коммерческого сектора услуг заботы в сельской местности помогло бы создать родителям более комфортные условия воспитания, повысило бы социальную привлекательность сельских территорий для молодежи и создало дополнительные рабочие места.

Наибольшую потребность в улучшении жилищных условий выразили “Нигилисты” – 59,8%. Эта группа реже остальных делает запрос на материальную поддержку (31,5%), но чаще обращает внимание на необходимость доступных частных услуг по уходу за детьми (7,9%). Для группы “Профессионально-ориентированных” выше актуальность возможности пользоваться гибким рабочим графиком, позволяющим сочетать карьеру и уход за детьми (30,9%). Также ими востребованы как государственные, так и частные услуги заботы.

Самую высокую заинтересованность в центрах, осуществляющих разностороннее развитие ребенка, высказали респонденты “Ориентированные на духовное благополучие” (31%). Они также нуждаются в содействии при устройстве ребенка в детский сад (21,1%). В этой группе и самый высокий запрос на психологическую поддержку (6%).

Заклучение

Выделение групп, в основе которых лежат комбинации базовых и инструментальных ценностей, позволило проследить разнообразие стратегий молодежи в сфере брачно-семейных отношений. Так, семейная стратегия профессионально-ориентированных респондентов обуславливается их нацеленностью на карьеру. Учитывая, что данная группа численно превосходит остальные и составляет более половины опрошенных, можно заключить, что для каждого второго, из числа молодежи от 18 до 31 года ценности семьи конкурируют с ценностями карьеры. Среди различных мер социальной поддержки особую актуальность имеет возможность пользоваться гибким рабочим графиком, позволяющим сочетать карьеру и уход за детьми.

Самое высокое значение семья имеет в жизни “Семьянинов” и “Ориентированных на духовное благополучие”. Представители обеих групп ориентированы на традиционную семью. Но для “Семьянинов” это скорее ориентация на формальную традицию, а для “Ориентированных на духовное благополучие” важнее содержание внутрисемейных отношений. Для последних ценна гармония различных сфер жизни. И семья, и работа для них имеют значение в неразрывном единстве, а ведущей системой координат жизнедеятельности являются этические императивы. Причем семейным ценностям в данном тандеме придается очень высокое значение. Но с другой стороны, острее воспринимаются различные проявления не благополучия и респонденты не согласны мириться с ними, вплоть до разрушения семьи.

Наиболее яркие отличия имеет стратегия “Нигилистов”. На фоне отрицания различных жизненных ценностей, в том числе и семьи фиксируется установка на профессиональную деятельность. В этой группе, единственной, профессиональные ценности доминируют над семейными. Стратегия данной группы обладает наиболее выраженными признаками либерализма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2015 [Электронный ресурс] – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2015. – С. 65–81. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 07.06.2016.
2. **Шавель, С. А.** *Общественная миссия социологии* / С. А. Шавель. – Минск : Белорусская наука, 2010. – 404 с.
3. **Лашук, И. В.** *Жизненные стратегии социокультурного поведения социально-демографических и территориальных групп белорусского общества* / И. В. Лашук // Социологический альманах. – 2014. – Вып. 5. – С. 215–231.
4. **Абульханова-Славская, К. А.** *Стратегия жизни* / К. А. Абульханова-Славская. – Москва : Мысль, 1991. – 156 с.
5. **Резник, Т. Е.** *Жизненные стратегии личности* / Т. Е. Резник, Ю. М. Резник // Социологические исследования. – 1995. – № 12. – С. 100–105.

Поступила в редакцию 08.09.2016 г.

Контакты: sosnovskaya.n@inbox.ru (Сосновская Наталья Александровна)

Sosnovskaya N. A. THE IMPACT OF VALUE ORIENTATIONS ON FAMILY STRATEGIES OF THE BELARUSIAN YOUTH.

The youth strategies of behaviour in the field of marriage and family relations identified on the basis of the combination of instrumental and basic values are considered in the article. Particular attention is paid to the correlation of family strategies with the demand for family policy measures.

Keywords: youth, family, strategies, values, family, policy.

УДК 316.344.6:613

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ЗДОРОВЬЯ

М. Г. Королев

старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук,
Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский
университет

В статье на основании ряда социологических и медицинских исследований рассматривается вопрос социальной детерминации здоровья. Автор классифицирует социальные факторы здоровья в три большие группы: обуславливающие и описывающие социально-экономические условия бытия человека (онтологический аспект); обусловленные интеллектуальным развитием человека (гносеологический аспект); составляющие образа жизни (аксиологический аспект). Подчеркивается необходимость учета социальных факторов в формировании государственной политики в сфере здравоохранения и демографии.

Ключевые слова: здоровье, социальные факторы здоровья, неравенство, условия жизни, познания в сфере медицины, социальная политика.

Введение

Здоровье представляет собой непреходящую ценность как для конкретного человека, так и для общества в целом. Однако уровень здоровья не является вечной данностью. Оно способно существенно изменяться в течении жизни человека и зависит от многих факторов (биологических, экологических, социальных). Понимание детерминированности здоровья становится необходимым условием его сохранения и воспроизводства и на личностном уровне, и на общественном. А потому исследования этой проблемы сегодня вышли далеко за пределы чисто медицинских наук. Социология также не остается в стороне и вносит свой вклад в изучение вопроса и формирование социальной политики государства.

Человек является существом социальным. Порождаемые обществом условия непосредственно влияют на состояние его здоровья. В настоящей статье мы обратимся к проблеме определения и классификации социальных факторов здоровья, так как именно они в большей степени поддаются изменению в результате целенаправленного воздействия общества и государства, а значит могут выступать объектами социального управления.

Основная часть

В отчете Всемирной организации здравоохранения “Глобальные факторы риска для здоровья” [1, с. V] приведены пять главных факторов риска для здоровья человека в современном мире: пониженная масса тела у детей, небезопасный секс, употребление алкоголя, непригодная для питья вода и низкий уровень санитарии и гигиены, а также повышенный уровень артериального давления. По оценкам ВОЗ, от этих факторов доля смертей составляет 25%, а сокращение их воздействия могло бы привести к увеличению средней продолжительности жизни в мире на 5 лет.

Анализируя перечисленные выше факторы, можно увидеть, что значительная их часть является либо чисто социальными (употребление табака, алкоголя, небезопасный секс), либо социально обусловленными (пониженная масса тела у

детей может быть вызвана бедностью, нарушением режима и рациона питания; высокий индекс массы тела становится следствием гиподинамии и опять же нарушения режима и рациона питания; непригодной для питья вода может стать вследствие антропогенного загрязнения либо нарушения правил природопользования). Здесь необходимо также учитывать и другие линии социальной детерминации. Например, несбалансированное питание может быть как результатом бедности (объективное условие жизни), так и личным выбором человека (при достаточном уровне экономической состоятельности; например, приверженность вегетарианству).

Отметим, что понятие “социальное” не является полностью тождественным понятию “общественное”, а выражает результат деятельности индивида по отношению к другим людям. Исходя из этого, под социальными факторами здоровья мы понимаем аспекты и условия совместной деятельности людей как представителей определенных групп и общностей, которые повышают либо снижают вероятность наступления негативного либо позитивного события касательно здоровья человека.

Различные ученые (В.И. Добренков, А.И. Кравченко, Н.А. Лебедева-Несевря, Ю.П. Лисицын, Ю.М. Осипов, А.В. Решетников, М.Ю. Сурмач, Р.Х. Ягудин) предлагают различные классификации социальных факторов здоровья. В русле социологической науки до сих пор не удалось выработать какого-либо универсального подхода, а потому следует согласиться со сделанными И.В. Журавлевой [2] выводами о том, что включение того или иного фактора в какую-то из групп в различных классификациях весьма субъективно и, вообще, деление факторов на группы всецело зависит от позиции исследователя, а потому не имеет унификации. В этой связи М.Ю. Сурмач считает целесообразным укрупнять группы факторов, воздействующих на здоровье, объединяя близкие по механизму и содержанию действия и явления [3, с. 5].

Часто при рассмотрении социальных явлений выделяют онтологическую, гносеологическую и аксиологическую составляющую. В некоторой степени это можно применить для разделения социальных факторов на три группы:

- Первую группу составляют факторы, обуславливающие и описывающие социально-экономические условия бытия человека. Сюда можно отнести уровень дохода, социальную изоляцию, безработицу, опасные условия труда, много часовую монотонную работу, технологизацию жизни, комфортность жилья, проживание в промышленных районах, проживание в криминализованных районах, работу транспорта, наличие условий для приемлемого досуга (парков, зон отдыха и т. п.), уровень медицинской помощи, доступность медицинских и социальных учреждений.

- Вторая группа связана с интеллектуальным развитием человека: уровень образования, познания в сфере медицины, осведомленность в отношении доступных учреждений здравоохранения, уход за детьми и их воспитание.

- В третью группу входят все составляющие образа жизни, которые на уровне ценностных ориентаций его определяют. Это отношение к курению, употреблению алкоголя, употреблению наркотических веществ, характер сексуальной жизни, рацион питания, физическая активность.

Остановимся на названных факторах более подробно.

Во второй половине XX в. в различных странах (Великобритания, Россия, США, Франция) были проведены исследования, выявившие четкую связь меж-

ду показателями заболеваемости и смертности и тем социальным классом, к которому принадлежит человек. Выводы показывали, что представители высшего класса в среднем здоровее, выше, сильнее и дольше живут, чем люди из более низких социальных слоев. Отмечается, что неквалифицированные рабочие, занимающиеся физическим трудом (принадлежащие к низшему классу), с вдвое большей вероятностью умирают до выхода на пенсию по сравнению с профессиональными служащими из высшего класса. Но даже среди служащих среднего звена лица, занимающие более низкие должности, болеют чаще и умирают раньше, чем их более высокопоставленные коллеги. В семьях неквалифицированных рабочих младенческая смертность вдвое превышает таковую в семьях профессиональных служащих [4; 5; 6].

Значимым социальным фактором здоровья является социальная изоляция. Под этим термином обычно понимается явление, при котором происходит отторжение индивида или группы от других индивидов и групп в результате резкого сокращения либо полного прекращения социальных контактов и взаимодействий. В англоязычной литературе чаще употребляется понятие социальное отчуждение (*social exclusion*), выражающее результат лишений, которые не позволяют индивидам или группам полноценно участвовать в экономической, политической и культурной жизни того общества, в котором они находятся [7, с. 286–295, 618].

Состояние социальной изоляции может быть тесно связано с распространением определенных ярлыков и стереотипов. Так, например, закрепление за индивидом ярлыка «алкоголик» вызывает отстраненное отношение соседей к его состоянию, что может послужить сопутствующей причиной преждевременной смерти.

Британские ученые (Э. Стептоу, А. Шанкар и др.) обратили внимание на одинокую старость как одно из возможных проявлений социальной изоляции. Их исследования показали, что социально изолированные пожилые люди имеют на 26% повышенный риск смерти, по сравнению с теми, кто продолжает вести социально активную жизнь [8].

Отрицательное влияние на здоровье человека оказывает безработица (особенно на тех, кто привык иметь гарантированную работу и зарплату). Ее последствия варьируются в зависимости от страны. Так, если доступ к социальным пособиям и системе здравоохранения гарантируется, то безработные могут испытывать острые финансовые трудности, но продолжать быть защищенными государством [7, с. 362], там же, где этого нет, положение безработного становится критичным. Поиск путей выхода из сложившейся ситуации вызывает продолжительный стресс, который, в свою очередь, может стать причиной повышенного артериального давления, болезней сердца, расстройств нервной системы, сахарного диабета.

Обстоятельное исследование американских ученых во главе с доктором Х. Тапиа показало, что в сравнении с занятыми людьми у безработных риск смерти значительно возрастает (почти на 73%), что потенциально сокращает их жизнь на 10 лет. Однако при этом подобный риск поражает лишь немногих, а массовая безработица, вызванная общим экономическим спадом, имеет более мягкие последствия [9].

Наличие постоянной трудовой занятости, к сожалению, не является гарантом хорошего здоровья. Некоторые работы сопряжены с вредными и опасными условиями труда. Отрицательно сказывается на состоянии здоровья и многоча-

совая монотонная работа. В организме человека это вызывает однонаправленное снижение уровня показателей сердечно-сосудистой системы и высшей нервной деятельности, обусловленное уменьшением активирующего влияния ретикулярной формации на кору больших полушарий головного мозга [10].

Влияние на здоровье человека оказывает и технологизация современной жизни. Научно-технический прогресс в корне изменил уклад жизни людей. Мы все меньше зависим от воздействия внешних факторов. Сократился удельный вес физического труда, что сказалось на внешнем виде современного человека. Произошло перетекание рабочей силы в сферы умственного труда, который в большей степени сопряжен с сидячим образом жизни. Последний же значительно повышает риск развития сердечно-сосудистых заболеваний, сахарного диабета, ожирения и некоторых видов рака (в т. ч. рака толстой кишки и рака яичников). Длительное пребывание в сидячем положении изменяет протекание обмена веществ в организме, в том числе прекращается синтез липазы, которая отвечает за поглощение жирных кислот, в результате чего жир, который мог бы быть усвоен организмом просто откладывается или забивает артерии. Этой проблеме посвящены многие исследования. Например, университет Южной Каролины и Центр биомедицинских исследований Пеннингтона обследовали мужчин, которые проводили сидя более 23 часов в неделю, и тех, кто сидел менее 11 часов. Оказалось, что риск сердечного приступа у первых выше на 64%. При этом даже посещение тренажерного зала (что практиковали многие из первой группы) не могло полностью компенсировать полученный в результате сидячей работы вред [11, с. 69, 72].

Технологизация принесла и положительный эффект. Роботы и машины стали заменять человека во вредных и опасных условиях, что позволило сократить травматизм и развитие профессиональных заболеваний. Технологии помогают поддерживать жизнь человека в таких ситуациях, когда раньше он бы неизбежно умер. Благодаря им стали возможными замена костей и суставов, стимуляции работы органов и т. п. Однако, как обратная сторона этого процесса, появились проблемы этического и биоэтического плана, связанные с эвтаназией и врачебной жестокостью, пластической хирургией тела, искусственным оплодотворением и пр. Многие технологии относительно здоровья стали применяться сравнительно недавно, а потому их долгосрочный эффект в некоторой степени непредсказуем. Созданные технологиями условия во многом отличаются от тех, в которых веками происходило развитие человека как биологического вида. Поэтому такое направление как эволюционная медицина склонна рассматривать многие заболевания как результат подобных изменений [12].

Еще одним фактором, вытекающим из социально-экономических условий бытия человека, выступает качество жилья. Исследования подтверждают, что недостаточная жилая площадь, отсутствие рациональной вентиляции повышает вероятность распространения инфекционных заболеваний и глистных инвазий. Теснота затрудняет уборку и приводит к неопрятности и распространению насекомых. Сырые и холодные помещения играют значительную роль в этиологии простудных заболеваний, ангины и ревматизма. Возникновение патологических отклонений объясняется понижением жизнедеятельности организма на почве нервно-трофических расстройств, вызываемых усиленным и неравномерным охлаждением тела [13]. Также в помещениях с повышенной влажностью и недостаточным проветриванием (ванные комнаты и кухня) фиксируется высокий уровень грибкового загрязнения.

Доказана роль плохих жилищных условий в развитии патологических явлений со стороны центральной нервной системы, которые субъективно выражаются в головной боли, плохом общем самочувствии, понижении аппетита, беспокойном сне. Причиной указанных явлений могут быть отсутствие уюта и покоя в квартирах и особенно шум, проникающий с улицы (от транспорта, промышленных и культурно-развлекательных объектов) или образующийся в самих помещениях (при этом в большей степени шумовому загрязнению подвержены жители верхних этажей высотных домов). Общеизвестно вредное влияние на здоровье темных жилищ с недостаточным естественным освещением. У детей из-за отсутствия возможности образования в коже витамина D часто развивается рахит [13].

Постоянно растущая насыщенность жилых помещений электрооборудованием вызывает опасения, связанные с влиянием электромагнитного фона. Исследования влияния беспроводных телекоммуникационных технологий (мобильной телефонной связи, wi-fi и др.) дают противоречивые выводы, а потому сохраняются опасения о негативном влиянии этих волн на здоровье человека в долгосрочной перспективе.

Как отдельный фактор выделяется проживание в промышленных районах. Хотя некоторые исследователи (Е.Н. Будрейко, Ф.Ф. Даутов и др.) рассматривают данный аспект более широко – проживание в городской среде. Города требуют аккумуляции множества ресурсов и одновременно являются сильнейшими источниками загрязнения окружающей среды. Е.Н. Будрейко отмечает, что крупный город изменяет почти все компоненты природной среды: атмосферу, растительность, почву, рельеф, грунты, подземные воды и даже климат. Перепады температур, относительной влажности, солнечной радиации между городом и его окрестностями иногда соизмеряется с весьма значительным продвижением в естественных условиях по широте, причем изменение одних условий вызывает изменение других. Горожане получают на 15% меньше солнечных лучей летом и на 30% – зимой, на 10% – больше осадков, на 10% – больше облачных дней, на 30% – больше тумана летом и на 100% – зимой. Города дают 80% всех выбросов в атмосферу и 3/4 общего объема загрязнений [14].

С медико-биологических позиций наибольшее влияние экологические факторы городской среды оказывают на следующие тенденции:

- процесс акселерации (ускорение развития отдельных органов или частей организма, а также полового созревания по сравнению с предыдущими поколениями),
- нарушение биоритмов (например, околосуточных ритмов в следствие использования электроосвещения, продлевающего световой день и ведущего к хаотизации прежних биоритмов),
- аллергияция и рост аутоиммунных заболеваний населения (как результат разбалансировки иммунной системы человека городской средой: с одной стороны, на организм стали воздействовать новые вещества (ксенобиотики), давления которых иммунная система ранее не испытывала, а с другой стороны, исчезли прежние раздражители, которые формировали устойчивость организма к определенным болезням [12, с. 30–34]),
- рост онкологической заболеваемости и смертности (в т. ч. в результате постоянного контакта с токсинами и канцерогенами, содержащимися с загрязненными промышленными выбросами в воздухе и воде),
- рост доли лиц с избыточным весом (в т. ч. под воздействием так называемого “синдрома непрекращающегося лета”),

- рождение большого количества недоношенных детей (в следствие нарушения репродуктивного здоровья женщин),
- распространение инфекционных заболеваний,
- биологические тенденции в организации жизни (например, курение, наркомания, “стерилизация” среды и др.) [15].

Таким образом, проживание в городской среде оказывает свое давление на состояние здоровья человека. Воздействие же многочисленных и интенсивных промышленных выбросов это воздействие значительно усиливает.

Негативно сказывается на состоянии здоровья проживание в криминализованных районах. Сюда, зачастую, примешиваются также факторы бедности и некачественного жилья. Постоянный стресс по причине страха стать жертвой преступления угнетающе действует на уровень здоровья человека. Такое положение вещей изменяет социальную доступность мест отдыха и рекреации, учреждений здравоохранения, социальной защиты и пр. Также в подобных районах широко распространены наркомания, проституция (в т. ч. гомосексуальная) и прочие асоциальные явления, что значительно увеличивает риск заражения определенными заболеваниями.

Работа транспорта – еще один фактор, влияющий на здоровье человека. Здесь следует иметь в виду вредные выбросы, образующиеся в результате его функционирования (углеводородные соединения, свинец и др.), шумовое загрязнение, а также воздействие электромагнитных полей. Другой полус проблемой – возможность оперативно перемещаться в пространстве. Длительные ожидания на остановках (особенно в период повышенной влажности и низких температур), проезд в переполненных салонах (где высока вероятность контакта с инфицированными людьми) – все это может послужить причиной или катализатором возникновения различных простудных заболеваний.

Проведенные в последние годы в Великобритании, Нидерландах и США исследования показывают значимость для общественного здоровья такого фактора, как наличие доступа в парки и зеленые зоны. Это способствует снижению уровня стресса и психосоматических заболеваний, улучшает общее самочувствие и повышает ощущение счастья [16]. Правда, в большей степени это касается проживающих в так называемой “шаговой доступности” от парковых зон. Однако даже те, кто регулярно проводит в парках досуг, ощущают благотворное влияние природы на свой организм. Зеленые зоны – это не только прекрасное место для спортивных тренировок (катание на велосипеде, пробежки, скандинавская ходьба и пр.), но и пространство для налаживания и поддержания социальных контактов. Проблема же многих городов (в т. ч. белорусских) – недостаточное количество парков и зеленых насаждений. Здесь также встает проблема неравномерности их распределения в городской среде.

Согласно экспертной оценке ВОЗ, от уровня развития национальной системы здравоохранения индивидуальное здоровье зависит только на 10%. Однако и это весьма значимо. Тем более, что в мире наблюдается ассиметричное обеспечение населения услугами здравоохранения. Эта тенденция известна также как закон инверсной заботы: те группы, которые обладают самым плохим здоровьем, часто живут в регионах с наименьшими ресурсами (что вытекает в низкий уровень развитости системы здравоохранения). Подобная ситуация касается не только стран Африки и Азии. Даже в условиях развитого государства отмечается неравномерное распределение медицинских учреждений. Например, в нашей стране в сельской местности большую долю населения составляют пожилые люди, кото-

рые в силу возраста нуждаются в услугах медицинских и социальных учреждений, однако сконцентрированы последние преимущественно в больших городах. Это ставит также вопрос о доступности услуг медицины и социальной защиты для различных групп населения.

Вторую группу социальных факторов образуют те, что связаны с уровнем интеллектуального развития человека. В первую очередь, это уровень образования и познания в сфере медицины.

В последнее время проведено множество исследований (Н.А. Барбараш, E.B. Schneider, S. Sur и др.), подтверждающих прямую связь уровня образования со здоровьем человека и его продолжительностью жизни. Выводы показывают, что наличие образования влияет на многие сферы жизни, преобразует личность и ее восприятие окружающего мира. Образованные люди в среднем живут дольше, менее подвержены дегенеративным заболеваниям, быстрее и лучше восстанавливаются после черепно-мозговых травм и др. Они склонны принимать более рациональные и взвешенные решения по поводу своих перспективных планов, поступков и образа жизни.

Соотносится с образованием и уровень познаний в сфере медицины. В обществе бытует огромное количество стереотипов и искаженных представлений, которые в той или иной степени оказывают влияние на здоровье человека, а также на характер обращения им за медицинской помощью (иными словами, на самосохранительное поведение). На основании подобных различий строится большинство типологий пациентов [17]. От познаний в сфере медицины зависит уровень доверия системе здравоохранения и расположенность к обращению к специалистам альтернативных практик.

К данной группе относится также характер ухода за детьми и их воспитания. Он во многом зависит от осознания природы и предназначения родительства. При этом формируются базовые основы здоровьесберегающего поведения или противоположных ему явлений. Во всяком случае, система ценностных ориентаций и развития сознания играет здесь ключевую роль.

Третью группу факторов составляют производные образа жизни. Они довольно разнообразны, а потому притягивают к себе интерес исследователей. Касательно нашей страны написано не мало обобщающих работ [18; 19; 20], а потому в рамках настоящей статьи мы не станем подробно на них останавливаться.

Заключение

Таким образом, различные проявления нашей жизни создают специфические условия, которые оказывают влияние на здоровье современного человека. Под социальными факторами здоровья следует понимать аспекты и условия совместной деятельности людей как представителей определенных групп и общностей, которые повышают либо снижают вероятность наступления негативного либо позитивного события касательно здоровья человека. Можно выделить три больших группы этих социальных факторов: обуславливающие и описывающие социально-экономические условия бытия человека (онтологический аспект); обусловленные интеллектуальным развитием человека (гносеологический аспект); составляющие образа жизни (аксиологический аспект). Их исследование помогает лучше понять феномен здоровья, что, в свою очередь, делает возможным разработку действенных мер по улучшению состояния здоровья нации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Глобальные факторы риска для здоровья: Смертность и бремя болезней, обусловленные некоторыми основными факторами риска / ВОЗ. – Женева, 2015. – 70 с.
2. **Журавлева, И. В.** Отношение к здоровью индивида и общества / И. В. Журавлева ; Ин-т социологии РАН. – М. : Наука, 2006. – 238 с.
3. **Сурмач, М. Ю.** Качество жизни подростков Республики Беларусь: связь со здоровьем : монография / М. Ю. Сурмач. – Гродно : ГрГМУ, 2013. – 228 с.
4. **Sen, A.** Economic progress and health // Poverty, inequality and health: An international perspective / A. Sen ; Ed.: P. Leon and G. Walt – Oxford : Oxford University Press, 2001. – P. 351.
5. **Падиарова, А. Б.** Социальное неравенство как фактор здоровья нового поколения россиян / А. Б. Падиарова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 1(9). – С. 2–12.
6. **Добренев, В. И.** Фундаментальная социология : в 15 т. / В. И. Добренев, А. И. Кравченко. – М. : ИНФРА-М, 2003–2007. – Т. 9 : Возрасты человеческой жизни. – М., 2005. – 1094 с.
7. **Гидденс, Э.** Социология / Э. Гидденс, при участии К. Бердсолл. – 2-е изд., полностью перераб. и доп. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.
8. **Steptoe, A.** Social isolation, loneliness, and all-cause mortality in older men and women / A. Steptoe <http://www.pnas.org/content/110/15/5797.full> – corresp-1, A. Shankar, P. Demakakos, J. Wardle // Proceedings of the National Academy of Sciences. – Vol. 110. – № 15. – P. 5797–5801.
9. **Tapia, J. A.** Individual Joblessness, Contextual Unemployment, and Mortality Risk / J. A. Tapia Granados, J. S. House, E. L. Ionides, S. Burgard, R. S. Schoeni // American Journal of Epidemiology. – 2014. – Vol. 180. – № 3. – P. 280–287.
10. Гигиена труда : учебник / под ред. Н. Ф. Измерова, В. Ф. Кириллова. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 592 с.
11. **Джейкобс, Э. Д.** До смерти здоров. Результат исследования основных идей о здоровом образе жизни / Э. Д. Джейкобс. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 368 с.
12. **Тейлор, Д.** Здоровье по Дарвину: почему мы болеем и как это связано с эволюцией / Д. Тейлор. – М. : Альпина Паблишер, 2016. – 333 с.
13. **Лакшин, А. М.** Общая гигиена с основами экологии человека [Электронный ресурс] / А. М. Лакшин, В. А. Катаева // Медпортал.com. – Режим доступа: http://xn--80ahc0abogjs.com/gigiena-sanepidkontrol_733/vliyanie-jilischnyih-usloviy-zdorove-56973.html. – Дата доступа: 21.11.2016.
14. **Будрейко, Е. Н.** Экология городов. Загрязнение почв, воды и воздуха [Электронный ресурс] / Е. Н. Будрейко // Слово : Образовательный портал. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/impressionism/41495.php>. – Дата доступа: 29.11.2016.
15. Экология человека и здоровье [Электронный ресурс] // Экологические проблемы. – Режим доступа: <http://greenconsumption.org/52-ehkologija-i-zdorove-cheloveka>. – Дата доступа: 29.11.2016.
16. **Larson, L.** New Study Shows Urban Parks Build Healthy, Happy Cities [Электронный ресурс] / L. Larson, V. Jennings, S. Cloutier // Gallup. – Режим доступа: http://www.gallup.com/opinion/thrive/191468/new-study-shows-urban-parks-build-healthy-happy-cities.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_content=heading&utm_campaign=syndication. – Дата доступа: 30.11.2016.
17. **Астафьев, Л. М.** Роль типологизации пациентов в оценке качества медицинской помощи / Л. М. Астафьев // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 136–140.
18. **Савич, Н. А.** Здоровье как ценность / Н. А. Савич // Ценностный мир современного человека: Беларусь и ее соседи в международных проектах по изучению ценностей / Д. Г. Ротман [и др.] ; под ред. Д. М. Булышко, А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. – Минск : БГУ, 2013. – С. 75–90.

19. **Соглаева, Л.** Трансформация ценностных установок и стратегий поведения населения Беларуси в сфере здоровья / Л. Соглаева, Л. Филинская, П. Бригадин, Д. Ротман // Здоровье населения и социальные перемены в постсоветских государствах / редкол.: П. Бригадин [и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2013. – С. 84–103.
20. **Бубнов, Ю. М.** Социологические очерки народного здоровья / Ю. М. Бубнов. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. – 223 с.

Поступила в редакцию 12.12.2016 г.

Контакты: max.karaliou@gmail.com (Королев Максим Геннадьевич)

Korolev M. G. SOCIAL FACTORS OF HEALTH.

In the article social and medical research on the issue of social determination of health is considered. The author classifies social factors of health in three big groups: causing and describing social and economic conditions of the human being (ontological aspect); determined by the intellectual development of the person (gnosiological aspect); constituting a lifestyle (axiological aspect). The need to consider social factors while formulating state policy for health sector and demography is emphasized.

Keywords: health, social factors of health, inequality, living conditions, knowledge of medicine, social policy.

УДК 343.226

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ

М. Д. Веремеенко

кандидат исторических наук, доцент права,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

Статья посвящена одной из важных проблем теории уголовного права – крайней необходимости. В ней исследованы теоретические подходы различных авторов к правовой природе крайней необходимости, ее сущности и назначению, а также к некоторым другим наиболее актуальным проблемам. На основе анализа юридической литературы по рассматриваемой теме и правоприменительной практики автором высказаны собственные суждения по ряду вопросов исследуемой темы.

Ключевые слова: крайняя необходимость, обстоятельства, исключающие преступность деяния, юридическая природа крайней необходимости, превышение пределов крайней необходимости.

Введение

Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния, подвергалась изучению в различные временные периоды. Значительный вклад в развитие теории и практики указанного обстоятельства внесли В.А. Блинные, В.Н. Винокуров, И.Э. Звечаровский, В.Л. Зуев, С.Г. Келина, В.Н. Козак, А.В. Наумов, В.В. Орехов, С.В. Пархоменко, А.Н. Попов, Е.В. Щелконогова и другие. Работы названных и других авторов, безусловно, имеют важное научное и практическое значение. Однако, несмотря на это, применение данного обстоятельства по-прежнему вызывает споры на практике и в теории уголовного права. Критические оценки определения юридической природы крайней необходимости, существование различных мнений по поводу тех или иных ее аспектов, ошибки по ее применению, допускаемые органами следствия и суда, и другие обстоятельства позволяют говорить о необходимости дальнейшего исследования данного обстоятельства.

Представляется, что выявление юридической природы и сущностных особенностей крайней необходимости, анализ ее других наиболее актуальных проблем позволит ответить на ряд дискуссионных вопросов и будет полезным для правоприменительной практики.

Основная часть

Одним из дискуссионных вопросов рассматриваемой темы, который долгие годы вызывал научные дискуссии и окончательно не решен до настоящего времени, является вопрос о юридической природе крайней необходимости. Решая его, целесообразно, прежде всего, обратиться к этимологическому толкованию дефиниции “природа”. В русском языке слово “природа” означает “сущность, основное свойство чего-либо” [1, с. 438]. С учетом этого есть основание говорить, что юридическая природа крайней необходимости определяет самое главное в ней, при наличии или отсутствии чего она рассматривается как обстоя-

тельство, исключаящее преступность деяния. Определяя юридическую природу крайней необходимости, одни авторы полагают, что при ее наличии отсутствует преступление, другие – состав преступления. Думается, что этот спор был разрешен законодателем, который в ст. 36 УК Республики Беларусь указал, что “не является преступлением действие, совершенное в состоянии крайней необходимости” [2, с. 23]. Следовательно, основу юридической природы крайней необходимости следует искать в исключении признаков преступления в содеянном. Как показали изучение и анализ юридической литературы по данному вопросу, авторы указывают на отсутствие различных признаков преступления при характеристике рассматриваемого деяния, благодаря чему его преступность исключается: на отсутствие общественной опасности, противоправности, виновности или наказуемости. Наиболее острую дискуссию вызвал вопрос, исключает ли крайняя необходимость общественную опасность совершаемого при ее наличии деяния или оно все же является общественно опасным. Одни авторы полагают, что при крайней необходимости, как и при других обстоятельствах, исключаящих преступность деяния, отсутствует общественная опасность [3, с. 396; 4, с. 114]. В теории уголовного права и в юридической литературе распространенной является и точка зрения, в соответствии с которой обстоятельства, предусмотренные главой 6 УК Республики Беларусь, в том числе и крайняя необходимость, не исключают общественной опасности совершенного при их наличии деяния и поэтому такие деяния являются общественно опасными [5, с. 13; 6, с. 18–19]. Обосновывая эту позицию, К.И. Попов указывает, что при наличии любого из обстоятельств, исключаящих преступность деяния, причиняется вред объекту уголовно-правовой охраны. “Фактическое причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в рамках обстоятельств, исключаящих преступность деяния, – отмечает он, – позволяет утверждать, что такой признак деяния, как его общественная опасность, никуда не исчезает” [5, с. 13].

Согласно мнению других авторов, сторонники признания общественно опасными деяний, совершенных при наличии обстоятельств, исключаящих преступность содеянного, “подходят к оценке этих деяний формально, можно сказать механистически: причинен вред охраняемым объектам – значит деяние общественно опасно. Исходя из такой логики, общественно опасными следует признавать оборонительные боевые операции против вооруженного нападения со стороны противника или операции по ликвидации террористических групп. Однако очевидно, что каждое явление не должно рассматриваться изолированно от других, а деяние человека не должно оцениваться без учета его целей, условий совершения и социальных последствий” [7, с. 27]. Действительно, при наличии крайней необходимости возможно причинение вреда, в том числе и тяжелого. Но этот вред перекрывается целями совершенного деяния в состоянии крайней необходимости и его социально-полезными последствиями.

На наш взгляд, при определении юридической природы рассматриваемого института представляется важным определиться, во-первых, с пониманием того, о чем идет речь в ст. 36 УК – об обстоятельстве, исключаящем преступность деяния, либо о деянии, преступность которого исключается в силу отсутствия каких-либо признаков и, во-вторых, какие же признаки отсутствуют в деянии лица, действовавшего в состоянии крайней необходимости. В этой связи полагаем, что в ст. 36 УК речь идет не об обстоятельстве, исключаящем преступность деяния, а о конкретной ситуации, в которой такое обстоятельство проявляет себя. И исключает преступность деяния, совершенного в состоянии крайней

необходимости, не само это деяние, а отсутствие в нем конкретных признаков преступления.

Относительно того, какие же признаки преступления при этом отсутствуют необходимо отметить следующее. Поскольку уголовный закон разрешает причинять вред при наличии такой ситуации, как крайняя необходимость, то в содеянном отсутствует прежде всего признак противоправности. Но этот признак нельзя произвольно отрывать от других признаков преступления и в первую очередь от общественной опасности, так как противоправность в уголовном праве есть юридическое выражение общественной опасности. Как известно, общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость в совокупности характеризуют преступление. Отсутствие любого из этих признаков исключает преступность содеянного. Отсутствие же события преступления исключает и наличие состава преступления в деянии.

С учетом изложенного мы приходим к выводу, что правы те авторы, которые считают, что в действиях лица, совершенных при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, отсутствуют все признаки преступления [7, с. 27; 8, с. 313].

Из диспозиции ст. 36 УК видно, что состояние крайней необходимости характеризуется столкновением двух интересов, из которых один – менее значительный – приносится в жертву другому – более важному. Как справедливо отмечает Е.В. Щелконогова, “лицо, находясь в обстоятельствах крайней необходимости, избирает для себя тот вариант поведения, который представляется ему наиболее правильным и возможным в сложившейся ситуации” [9, с. 117]. Таким образом, сущность института крайней необходимости заключается в предоставлении права любому физическому лицу на причинение вреда одним правоохраняемым интересам в целях предотвращения опасности более значительного вреда другим правоохраняемым интересам. Именно в этом смысле защита одних социальных благ за счет причинения вреда другим является необходимой, вынужденной. Однако сопоставление важности и значимости двух правоохраняемых интересов, один из которых должен быть “принесен в жертву”, иногда очень сложно осуществить.

При сравнении вреда причиненного и предотвращенного существует один теоретический вопрос, который до сих пор не нашел своего однозначного решения в уголовном праве. Это вопрос о так называемой “коллизии жизней” при крайней необходимости. Ввиду исключительной важности данной проблемы, представляется необходимым уделить ей особое внимание. Ее рассмотрение предполагает решение ряда прагматических вопросов: можно ли спасти свою жизнь, жертвуя жизнью другого человека? Допустимо ли причинять смерть одному человеку для того, чтобы спасти многих. В законодательстве и в юридической литературе нет однозначного регламентирования подобных коллизионных ситуаций. Так, одни авторы считают, что лишение жизни человека может быть признано актом крайней необходимости, если таким путем можно предотвратить смерть нескольких людей [6, с. 135; 10, с. 474–475]. В теории уголовного права существует и противоположная точка зрения, согласно которой оперировать количественным показателем и считать, что жизнь нескольких людей важнее жизни отдельного человека, недопустимо и безнравственно [11, с. 43].

На наш взгляд, при правовом регулировании подобных ситуаций следует исходить из конституционного положения о том, что жизнь человека является абсолютной ценностью. Вместе с тем полагаем заслуживающим внимания и об-

суждения мнение о том, что лишение жизни человека может быть признано актом крайней необходимости лишь в исключительных случаях, когда только таким путем можно предотвратить смерть многих людей [12, с. 57].

В связи с вышеизложенным представляется целесообразным дополнить ст. 36 УК Республики Беларусь частью 3, в которой предусмотреть правовую регламентацию ситуаций, связанных с “коллизией жизней”.

Одним из наиболее спорных вопросов института крайней необходимости является также вопрос о превышении ее пределов. Изучение и обобщение высказанных суждений на этот счет свидетельствуют, что такая ситуация обусловлена рядом факторов. Во-первых, в отечественном уголовном законодательстве вообще отсутствует данное понятие. В УК не предусмотрены привилегированные составы преступлений в случае причинения смерти или вреда здоровью граждан при превышении пределов крайней необходимости, как это сделано в случаях превышения пределов необходимой обороны. Поэтому квалификация действий виновного в этом случае проводится по обычным статьям УК, не содержащих привилегированных составов, а факт совершения преступления при нарушении условий правомерности крайней необходимости признается обстоятельством, смягчающим ответственность. Во-вторых, в науке уголовного права вопросу о превышении пределов крайней необходимости ранее уделялось недостаточно внимания. Об этом свидетельствует отсутствие в республике специальных монографических исследований по этой проблематике, а так же то, что в учебной литературе вопрос о превышении пределов крайней необходимости фактически не освещается. В-третьих, далеко не всегда на практике при рассмотрении подобных случаев удается правильно оценить обстоятельства, свидетельствующие о том, превышены ли пределы крайней необходимости. Превышением пределов крайней необходимости признается причинение вреда равного или более значительного, чем предотвращенный вред. Кроме этого, такой вред характеризуется еще и как явно не соответствующий характеру и степени угрожающей опасности и обстоятельствам, при которых эта опасность устранялась [18, с. 82; 15, с. 249]. На практике оценка соразмерности вреда представляет значительную сложность не только потому, что нужно сопоставлять фактически причиненный вред и вред, который не был реализован, но и потому, что сам вред может относиться к совершенно различным областям жизни.

В силу этого требуется тщательный анализ и учет объективных данных по делу. Вред должен оцениваться, исходя главным образом из общественной значимости спасенного блага. Думается, что при оценке правомерности деяния, совершенного в состоянии крайней необходимости, должны учитываться характер и степень предотвращенной опасности, реальность и близость ее наступления, фактическая возможность лица по ее предотвращению, его душевное состояние в сложившейся ситуации и другие обстоятельства дела.

Полагаем, что активизация теоретической разработки указанного понятия будет способствовать более правильной моральной и правовой оценке действий лица, причинившего неоправданно большой вред в состоянии крайней необходимости. В качестве одного из вариантов решения рассматриваемой проблемы, основанного на законе, заслуживает предложение об установлении в Особенной части Уголовного кодекса нормы, аналогичной тем, которые предусмотрены на случай превышения пределов необходимой обороны и мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление [13, с. 50].

Заклучение

1. Таким образом, до настоящего времени существуют различные мнения по ряду вопросов крайней необходимости. Представляется, что позиции ученых, проводивших их исследования, являются аргументированными, и, в той или иной степени, способствующими дальнейшей активизации изучения рассматриваемого обстоятельства. Вместе с тем высказанные ими мнения не исключают иных решений при определении путей и способов совершенствования крайней необходимости.

2. Как мы выяснили, одним из наиболее дискуссионных вопросов крайней необходимости является вопрос о ее юридической природе и назначении. Проведенное нами исследование свидетельствует о том, что ее социально-правовое назначение состоит в том, чтобы при коллизии охраняемых уголовным законом интересов и способов их защиты, стимулировать не безразличное отношение лица к такой ситуации, а стремление предотвратить опасность наступления более тяжких последствий, чем те, угроза наступления которых уже налицо.

3. Полагаем, что поиск решения уголовно-правовых проблем исследуемого обстоятельства должен находиться на путях активизации его теоретической разработки, а также установления в законодательстве четких и ясных критериев отграничения крайней необходимости от превышения ее пределов, регламентации правовых ситуаций, связанных с «коллизией жизнью» и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. 3 : П–Р, 1983. – 752 с.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Беларусь от 5 января 2016 г – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 320 с.
3. **Бабий, Н. А.** Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 663 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахременко [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова. – Минск : Тесей, 2003. – 1200 с.
5. **Попов, К. И.** Правовая природа обстоятельств правомерного причинения вреда / К. И. Попов // Российский следователь. – 2010. – № 5. – С. 12–14.
6. **Орехов, В. В.** Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В. В. Орехов. – СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 217 с.
7. **Журавлев, М.** К вопросу о юридической природе обстоятельств, исключающих преступность деяния / М. Журавлев, Е. Журавлева // Уголовное право. – 2012. – № 1. – С. 24–28.
8. **Наумов, А. В.** Российское уголовное право: Общая часть : курс лекций : в 2 т. / А. В. Наумов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрид. лит., 2004. – Т. 1. – 496 с.
9. **Щелконогова, Е. В.** Обстоятельства, исключающие преступность деяния: природа, система, квалификация : монография / Е. В. Щелконогова. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 176 с.
10. Курс уголовного права. Общая часть. – Т. 1 : Учение о преступлении : учебник для ВУЗов / под ред. доктора юридических наук, профессора Н. Ф. Кузнецовой и кандидата юридических наук, доцента И. М. Тяжковой. – М. : Издательство «ЗЕРЦАЛО», 1999. – 592 с.
11. **Крылова, Н.** Крайняя необходимость в медицинской деятельности: некоторые вопросы практического применения / Н. Крылова, Н. Павлова // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 41–44.

12. **Морозов, В.** Некоторые аспекты уголовной ответственности при превышении пределов крайней необходимости / В. Морозов, Г. Хаметдинова // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 55–57.
13. **Пархоменко, С.** Уголовно-правовая регламентация превышения пределов крайней необходимости / С. Пархоменко // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 49–50.
14. **Круглов, В. А.** Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / В. А. Круглов, Е. И. Климова. – Минск : Амалфея, 2015. – 1008 с.
15. **Пархоменко, С. В.** Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости / С. В. Пархоменко. – СПб. : Издательство Р. Асланова “Юридический центр Пресс”, 2004. – 267 с.

Поступила в редакцию 20.12.2016 г.

Контакты: +375 222 72-83-98 (Веремеенко Михаил Дмитриевич)

Veremeenko M. D. CRIMINAL AND LEGAL PROBLEMS OF EXTREME NECESSITY.

The article touches upon one of the important problems in the theory of criminal law – extreme necessity. The theoretical approaches of various authors to the legal nature of extreme necessity, its nature and purpose, as well as some other topical problems are considered. Having analyzed legal literature on the regarded topic and law enforcement practice, the author expresses own judgments on several issues of the research.

Keywords: extreme necessity, circumstances excluding criminality of act, legal nature of extreme necessity, exceeding the limits of extreme necessity.

УДК 347.254(476)(091)

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОДИФИКАЦИИ ЖИЛИЩНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БССР

В. Н. Бураков

кандидат исторических наук, доцент,
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье осуществлен обзор деятельности советского правительства по кодификации жилищного законодательства. Представлена характеристика проекта Жилищного кодекса БССР 1929 г., который воплотил достижения советского жилищного права и по своему содержанию был призван обеспечить системное регламентирование общественных отношений в сфере жилья.

Ключевые слова: жилищный кодекс, кодификация жилищного законодательства, систематизация права, муниципализированный жилищный фонд, частный жилищный фонд.

Введение

Развитие правовой системы определяется степенью систематизации и кодификации права. Трансформация нормативных правовых актов в единую систему происходит с развитием государства и общественных отношений. Начальный этап представлен нормативными актами различной юридической силы, закладывающих основу регулирования общественных отношений. В последующем происходит процесс инкорпорации, затем кодификации отраслей права.

В научных исследованиях период кодификации жилищного законодательства определен началом 1980-х гг. До этого основная часть жилищных отношений (по пользованию жилыми помещениями) регулировалась нормами гражданского законодательства, а также разрозненными подзаконными актами. И только 24 июня 1981 г. Верховный Совет СССР принял Основы жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик, на базе которых 22 декабря 1983 г. был принят первый Жилищный кодекс БССР [1, с. 9]. При этом отсутствуют сведения о том, что первые шаги систематизации жилищного законодательства и разработка жилищного кодекса были предприняты еще в конце 1920-х гг.

Основная часть

Октябрьская революция и установление советской власти на территории Беларуси обусловили радикальные преобразования всех сфер общественной жизни, включая жилищные и связанные с ними гражданские отношения [2, с. 133]. Провозглашение социалистического строя обусловило формирование новых принципов права, в том числе и жилищного права. На основе первых декретов советской власти уже в начале 1920-х гг. результаты систематизации права были представлены основными кодексами РСФСР, которые действовали и на территории Советской Беларуси: Уголовный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, Гражданский кодекс и другие.

Одним из первых кодифицированных актов БССР стал Земельный кодекс, который был введен в действие с апреля 1923 г. Затем в течение 1920-х гг. принимаются

© В. Н. Бураков, 2017

Лесной кодекс, Исправительно-трудовой кодекс, Кодекс законов о браке, семье и опеке, Водно-мелиоративный кодекс, Уголовный кодекс, Кодекс законов о труде.

Что касается жилищного права, то на начало XX в. оно оставалось подотраслью гражданского права. Первые декреты социалистического правительства были направлены на создание системы управления жилищным фондом, формирование государственного фонда жилья и определение механизмов его распределения. Результатом становления жилищного законодательства к началу 1920-х гг. было определение его принципов, которые соответствовали идеологии советского государства.

Источниками жилищного права являлись декреты и постановления центрального и местных исполнительных комитетов, Совета Народных Комиссаров, распоряжения, инструкции и циркуляры народных комиссариатов внутренних дел, здравоохранения, труда и финансов, статьи Гражданского кодекса. Следовательно, жилищное законодательство в 1920-е гг. было представлено нормативно-правовыми актами различных ведомств, которые регулировали жилищные отношения и строительство в пределах своих компетенций. Область жилищной политики в целом координировал Народный комиссариат внутренних дел; сферу охраны и поддержания общественной чистоты и здоровья – Народный комиссариат здравоохранения; вопросы возведения жилых строений упорядочивал Народный комиссариат труда. Гражданский кодекс БССР содержал главу “Право застройки”, статьи которой определяли область отношений государства и застройщика при возведении жилых домов [3].

Систематизированного законодательного акта, регулирующего жилищные отношения, не было. Попытки кодификации жилищно-правовых норм осуществлялись в 1920-е гг. дважды. В 1923 г. Жилищный кодекс разрабатывался Главным управлением коммунального хозяйства РСФСР, однако он не был утвержден. Его проект состоял из 4 глав: 1) общие положения; 2) государственный жилищный фонд; 3) частновладельческие строения; 4) жилищно-санитарные нормы [4, с. 70].

Необходимость кодификации жилищного законодательства признавалась советским правительством. Во второй половине 1920-х гг. данная проблема приобрела особую актуальность. В 1927 г. положение о необходимости утверждения Жилищного кодекса было принято в резолюциях VI съезда работников коммунального хозяйства БССР и VIII Всебелорусского съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов [5, с. 6]. В постановлении ЦИК и СНК СССР “О жилищной политике” от 4 января 1928 г. указывалось: “В целях упорядочения всего жилищного дела признать необходимым издание правительствами союзных республик жилищных кодексов” [6]. С инициативой разработки проекта Жилищного кодекса выступил НКВД республики. В начале 1929 г. Народным комиссариатом внутренних дел проект Жилищного кодекса БССР был направлен в различные ведомства для согласования.

Итак, проект Жилищного кодекса БССР 1929 г. состоял из 6 разделов и 535 статей (далее – ЖК 1929 г.) [7, л. 2–170]. Он представлял собой консолидированный законодательный акт, который вобрал нормативные правовые акты в жилищной сфере, принятые в 1920-е гг. Первый раздел “Основные положения” был представлен 4 статьями, которые определяли цель жилищной политики. В соответствии со ст. 3 она заключалась в развитии и сохранности жилищного фонда, при этом особая роль отводилась задаче по созданию условий для строительства домов всеми видами застройщиков.

Второй раздел ЖК 1929 г. – “Жилищный фонд” состоял из 5 глав и 190 статей, которые определяли состав и правовой статус жилых помещений по

видам и принадлежности к фондам. В соответствии со ст. 5 ЖК 1929 г. жилищный фонд подразделялся на строения: 1) национализированные, 2) муниципализированные, 3) принадлежащие на праве частной собственности, 4) возведенные на праве застройки.

Национализированный жилищный фонд слагался из жилых помещений, находящихся в собственности республиканских органов власти, и жилых помещений, находящихся в оперативном управлении предприятий и организаций республиканского значения. Муниципализированный жилищный фонд находился в оперативном управлении местных исполнительных и распорядительных органов. Он формировался из числа: 1) домов, возведенных местными Советами; 2) приобретенных государством у частных владельцев; 3) перешедших в собственность государства по договору о застройке, на основании законов о наследовании; 5) в соответствии с иными законодательными актами.

Глава 4 “Эксплуатация муниципализированного жилищного фонда” закрепляла положения о способах эксплуатации жилых строений. Согласно ст. 42 управление муниципализированными домами могло осуществляться путем: 1) закрепления за государственными организациями; 2) непосредственной эксплуатации; 3) трестирования; 4) сдачи в аренду.

При передаче дома в хозяйственное ведение государственной организации, для управления им назначалось специальное должностное лицо (завхоз, комендант, управдом). Управление жилым домом путем непосредственной эксплуатации осуществлялось эксплуатационными отделами коммунального хозяйства в лице Управления домом, Жилищного отдела. Для оптимизации эксплуатации домов, находящихся в управлении коммунальных органов, местным Советам предоставлялось право объединять их под руководством домовых трестов.

Управление муниципализированным домом через передачу в аренду могло предоставляться жилищному кооперативу, юридическим и частным лицам. Статья 86 ЖК 1929 г. закрепляла преимущественное право жилищно-арендных кооперативных товариществ аренды муниципализированных домов. Передача дома в аренду осуществлялась по договору аренды, который заключался в письменной форме, сроком до 12 лет. Обязательным приложением договора являлись технический акт о видах и сроках выполнения ремонтных работ и приемно-передаточный акт жилого дома. При этом местный исполнительный и распорядительный орган оставлял за собой право контроля за надлежащим использованием и сохранностью таких домов.

Положения о регулировании жилищных отношений в частном жилищном фонде содержала глава 5 второго раздела “Частновладельческие (немуниципализированные) строения”. В ней рассматривался институт собственности граждан на жилое помещение, ограничения права распоряжения и право застройки. В соответствии со ст. 117 устанавливалась обязательная государственная регистрация жилых помещений, принадлежащих на праве собственности, отделами коммунального хозяйства. Данные органы выдавали регистрационное удостоверение, которое служило удостоверением права собственности на недвижимое имущество. Для эксплуатации и обслуживания дома собственнику предоставлялся в пользование земельный участок, в пределах размеров, устанавливаемых местными исполнительными и распорядительными органами.

Статьи 144–147 ЖК 1929 г. закрепляли основные положения купли-продажи жилого помещения. Договор купли-продажи жилого помещения совершался в письменной форме с обязательным нотариальным удостоверением с последующей регистрацией сделки в органах коммунального хозяйства. Невыполнение

этих требований влекло недействительность сделки. Существенными условиями договора купли-продажи являлись: данные сторон, предмет, сумма сделки, данные о нотариальной конторе, удостоверявшей сделку.

Таким образом, в 1920-е гг. были заложены правовые основы договора купли-продажи недвижимого имущества, которые остаются действенными в настоящее время. Наряду с этим жилищное законодательство предусматривало ограничения купли-продажи жилого помещения: 1) чтобы в собственности покупателя не оказывалось двух и более владений; 2) продавец не мог совершать отчуждение (продажу) более одного владения в течение 3 лет. Из чего можно сделать вывод, что приобретение жилого помещения должно было выполнять задачу – удовлетворение жилищной потребности граждан для проживания в жилом помещении, то есть использование его по назначению. Согласно стст. 156–159 жилые помещения, используемые не по прямому назначению, муниципализировались.

Проект Жилищного кодекса 1929 г. содержал и другие ограничения права собственности на жилое помещение. Статьи 161–163 закрепляли обязанность собственников жилых строений общей площадью более 50 кв.м передавать от 10 до 30% жилплощади отделам коммунального хозяйства, которые предоставляли ее нуждающимся в жилье.

Право застройки регламентировали стст. 171–176 ЖК 1929 г. В соответствии с ним, физическим и юридическим лицам предоставлялись земельные участки для строительства жилого дома, с условием срочного пользования жилым строением и возмездной передачей в государственный фонд. Застройщикам государство гарантировало невыселение и беспрепятственное пользование строением в пределах установленных норм жилплощади. Основанием на право застройки являлось заключение договора с местным отделом коммунального хозяйства, который выдавал разрешение, определял место, условия, сроки и характер строительства. При возведении деревянного дома договор мог быть заключен на срок до 50 лет, при постройке каменного строения – до 65 лет. Жилые дома, возведенные на праве застройки, могли передаваться по наследству, отчуждаться, передаваться под залог.

Таким образом, второй раздел ЖК 1929 г. закреплял основные положения о порядке распоряжения и пользования жилыми помещениями государственного и частного жилищных фондов, объединив в себе почти половину статей. Их содержание отражало развитие жилищного законодательства 1920-х гг. и особенности периода новой экономической политики.

Третий раздел ЖК 1929 г. “О домовом хозяйстве” состоял из 2 глав и 35 статей. Нормы данного раздела определяли понятие домового хозяйства и способы его управления. Статья 196 трактовала домовое хозяйство как “домовладение с внешними и внутренними прикрепленными к строениям оборудованием, колодцем, водопроводом, канализацией, центральным отоплением и прилегающими к домовладению частью мостовой и тротуара”. Жилищное законодательство предусматривало способы управления домовым хозяйством в зависимости от принадлежности домовладения: 1) учреждениями государственных органов и организаций, в ведении которых находились национализированные дома; 2) отделами коммунального хозяйства в муниципализированных домах; 3) правлением и общим собранием в домах жилищной кооперации; 4) собственниками в частновладельческих домах и домах, возведенных на праве застройки.

Четвертый раздел ЖК 1929 г. “Пользование жилыми помещениями” раскрывал жилищные отношения в сфере предоставления жилых помещений, нор-

мы жилой площади, порядок предоставления и выселения из жилого помещения. Раздел состоял из 8 глав и 173 статей.

Санитарно-гигиенические нормы и технические требования к жилому помещению содержала первая глава “Нормы пользования жилыми и обслуживающими помещениями”. В частности, ст. 231 устанавливала, что жилое помещение должно иметь прямое естественное освещение; окна должны быть оборудованы приспособлениями для притока и удаления воздуха; внутренняя высота помещений не менее 2,5 м. и др. Статья 240 кодекса устанавливала санитарно-гигиеническую норму жилой площади на одного человека в размере 13,65 кв. м. При этом законодательство одновременно использовало понятие “минимальной нормы жилой площади”, которая определялась в размере 9,25 кв. м. Наниматели, занимающие жилую площадь сверх нормы, уплотнились.

Как видим, ЖК 1929 г. закрепил институт нормы жилой площади, которая впервые в истории Беларуси была введена в 1919 г. Установление нормы пользования жильем было вызвано неспособностью советского правительства в достаточной мере расширить жилищный фонд и обеспечить жильем трудящихся. Введение ограничений пользования жилплощадью и установления ее нормирования в условиях кризиса было вынужденной правительственной мерой, имевшей целью обеспечение наибольшего количества населения жильем. Норма предоставления жилого помещения государственного жилищного фонда как институт сохранился и в действующем жилищном законодательстве Республики Беларусь.

Вторая глава “Ограничение права пользования жилой площадью” содержала правовые акты, регулирующие жилищные отношения в сфере уплотнения, расторжения договора найма жилого помещения и выселения. Особенностью данной главы был выраженный классовый характер жилищного права. В соответствии со стст. 267–272 наймодатель и наниматель имели право расторгнуть договор найма в любое время, предупредив вторую сторону за 3 месяца. А в случае, если нанимателем являлся гражданин, относящийся к категории рабочих и служащих, договор найма мог быть расторгнут только по инициативе нанимателя, при окончании срока договор автоматически продлялся независимо от согласия наймодателя. А ст. 239 устанавливала запрет предоставления жилого помещения муниципализированного жилищного фонда “лицам нетрудовых категорий”.

К общим положениям о выселении граждан из жилых помещений относились основания для выселения в судебном и в административном порядке. В частности, ст. 272 определяла основания расторжения договора найма по инициативе наймодателя в судебном порядке при невыполнении нанимателем своих обязанностей: уклонение от квартирной платы и обязательного ремонта; умышленное ухудшение состояния жилого помещения; использование жилого помещения не по назначению; поведение нанимателя, делающее невозможным совместное проживание с ним других лиц.

Выселение в административном порядке, в соответствии со ст. 285, осуществлялось из домов, находящихся в хозяйственном ведении или оперативном управлении организации и предприятий, лиц, утративших связь с данным учреждением; из учебных и лечебных учреждений, лиц, завершивших обучение или лечение; из домов жилищно-арендных кооперативов при исключении из членов товарищества; из домов, угрожающих обвалом.

Нормативные акты о выселении граждан также носили классовый характер. Выселение граждан, относящихся к категории трудящиеся, осуществлялось в период с 1 апреля по 1 ноября с предоставлением другого жилого помещения и

средств для переселения. В отношении других категорий граждан данное положение не распространялось.

Регулирование жилищных отношений нанимателей по содержанию квартир и использованию вспомогательных и подсобных помещений закрепляла глава 3 четвертого раздела “Взаимоотношения между жильцами одной и той же квартиры”. Статья 303 утверждала институт Примирительно-конфликтных комиссий по жилищным делам, к полномочиям которых относились разрешение споров, возникающих из взаимоотношений между квартирантами, споров жильцов с домоуправлениями. Примирительно-конфликтные комиссии учреждались решением местных исполнительных и распорядительных органов. Их постановления были окончательными и подлежали обязательному исполнению сторонами спора.

Принципы платы за жилищно-коммунальные услуги и за пользование жилым помещением раскрывались главами 4–6 четвертого раздела. Размер квартирной платы зависел от состояния жилого помещения, уровня дохода и классовой принадлежности плательщика. Эти критерии были направлены на защиту интересов малоимущей части населения, что обусловило нерентабельность жилищного хозяйства. Принцип дифференцированного подхода к плательщику и субсидирование государством расходов на коммунальные услуги остается действенным и в современном законодательстве.

Тарифы квартирной платы утверждались местными Советами на основании постановлений ЦИК и СНК БССР. Статья 324 определяла структуру квартирной платы: 1) основная ставка за 1 кв. м жилой площади (квартплата себестоимости); 2) ставка квартплаты для нанимателей в зависимости от классовой принадлежности, рода занятий и доходов; 3) скидки или надбавки в зависимости от территориального расположения квартиры, степени благоустройства и удобств. Жилплощадь, занимаемая сверх нормы, оплачивалась в двойном размере. Размер платы за коммунальные услуги зависел от норм потребления и количества проживающих.

Плательщики из категорий “рабочие и служащие” были обязаны вносить плату до 10 числа следующего за расчетным месяца, остальные – не позднее 15 числа текущего месяца. Статья 327 характеризовала категории граждан по социальному положению, классовой принадлежности и роду занятий. В частности, к “рабочим и служащим” относились: лица, работающие по найму; военнослужащие; пенсионеры; безработные и другие. К “нетрудовым элементам” – владельцы предприятий; служители религиозных культов и другие лица, деятельность которых не была связана с работой по найму.

Глава 7 четвертого раздела “Санитарное и хозяйственное содержание жилищ” содержала положения о правилах пользования жилыми и вспомогательными помещениями. Здесь устанавливался принцип равного доступа к использованию подсобных и вспомогательных помещений (кухня, ванная, уборная, погреб и др.). К основным обязанностям нанимателя и собственника жилого помещения относилось обеспечение сохранности данного помещения (ст. 374). Также наниматель был обязан выполнять текущий ремонт, содержать в чистоте жилые и вспомогательные помещения, соблюдать правила санитарного, противопожарного и технического надзора.

Запрещалось использование жилых помещений не по назначению. Например, систематическая массовая стирка и сушка белья, колка и хранение дров, содержание домашних животных (поросят, коз, кур и др.). Если жилое помещение было занято несколькими нанимателями, из их числа назначался ответственный наниматель или квартирный староста, который следил за соблюдением правил пользования.

Пятый раздел ЖК 1929 г. “Жилищная кооперация” содержал 58 статей. Статья 404 определяла формы жилищных кооперативов: жилищно-арендные кооперативные товарищества; рабочие жилищно-строительные кооперативные товарищества; общегражданские жилищно-строительные кооперативные товарищества. Жилищные кооперативы обладали правом юридического лица, их имущество формировалось за счет вступительных, паевых, целевых взносов и для жилищно-арендных кооперативов квартирной платы.

Жилищно-арендные кооперативы, в соответствии со стст. 406–418 создавались для содержания и эксплуатации муниципализированных домов и формировались из числа граждан, проживающих в данном доме. Договор аренды муниципализированного дома мог быть заключен на срок до 12 лет, с правом последующего продления. Основной целью жилищно-арендного кооператива была эксплуатация и управление домом, поддержание его в исправном состоянии.

Рабочие и общегражданские жилищно-строительные кооперативы могли создаваться с целью возведения или восстановления жилого дома. Их деятельность регулировалась стст. 419–449 ЖК 1929 г. При этом рабочие жилищно-строительные кооперативы создавались из числа рабочих, членами общегражданских жилищно-строительных кооперативов могли выступать как физические, так и юридические лица.

Проект Жилищного кодекса определял органы управления жилищным кооперативом, которыми являлись общее собрание, правление, собрание уполномоченных и ревизионная комиссия. Статьи 450–454 устанавливали содержание и порядок регистрации устава жилищного кооператива. В соответствии со ст. 450 типовые уставы утверждались Экономическим советом при СНК. Устав должен был содержать следующую информацию: а) наименование товарищества; б) район деятельности и место правления; в) цель деятельности кооператива; г) размер взносов; д) условия принятия и исключения членов кооператива; е) состав правления; ж) общее собрание; з) порядок реорганизации и ликвидации. Жилищный кооператив считался созданным с момента регистрации устава местными исполнительными и распорядительными органами.

Особенностью ЖК 1929 г. было включение в его структуру шестого раздела “Жилищное строительство”, который состоял из 72 статей. Он определял виды застройщиков и комплекс мер по поощрению возведения жилых домов. В данном разделе были определены виды застройщиков: индивидуальные застройщики из числа рабочих и служащих; жилищно-строительные кооперативные товарищества; предприятия промышленности и транспорта; местные Советы. Статья 463 содержала положение о льготном налогообложении застройщика в течение 3 лет; ст. 467 допускала право застройщика предоставлять жилое помещение по договору найма и освобождала его от передачи части жилплощади в распоряжение коммунальных органов. Финансирование жилищного строительства и предоставление кредитов мог осуществлять Белорусский банк Коммунального хозяйства и жилищного строительства, который предоставлял кредиты индивидуальным застройщиками из числа рабочих и служащих сроком до 10 лет под 3% годовых.

Заключение

К концу 20-х гг. XX в. жилищное законодательство БССР представляло собой четко устоявшуюся систему регулирования правоотношений, связанных с жильем и его возведением. В условиях государственного регулирования жилищных отношений объективным требованием стала правотворческая деятельность

советского правительства по систематизации жилищного права. Результатом этого должен был стать Жилищный кодекс БССР. Его проект систематизировал действующее законодательство в жилищной сфере, имел четко определенную структуру и представлял кодифицированный нормативный правовой акт, обеспечивающий системное регулирование жилищных отношений.

Следует отметить завершенность и системность проекта Жилищного кодекса 1929 г., с подробным регламентированием жилищных отношений. В сравнении первый Жилищный кодекс БССР 1983 г. содержал 7 разделов и 185 статей, Жилищный кодекс Республики Беларусь 1999 г. состоял из 8 глав и 129 статей, которые более декларировали принципы жилищных правоотношений с отсылкой на подзаконные нормативные правовые акты.

По причине изменения принципов внутренней политики государства Жилищный кодекс 1929 г. так и не был утвержден. А начало кодификации белорусского жилищного законодательства связывают с «Основами жилищного законодательства СССР» 1981 г. и Жилищным кодексом БССР 1983 г. При этом в научных исследованиях отсутствуют сведения о деятельности советского правительства по кодификации жилищного законодательства в 1920-е гг., которые обеспечивают понимание тенденций в жилищном праве на современном этапе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Трамбачева, Т. Д.** Жилищное право : курс лекций : в 2 ч. / Т. Д. Трамбачева, В. Н. Бураков. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – Ч. 1. – 232 с.
2. **Бураков, В. Н.** Архитектурно-правовые основы жилищного строительства в 1920-е гг. / В. Н. Бураков // Романовские чтения – 10 : сб. статей междунар. науч. конф., Могилев, 27–28 нояб. 2014 г. / под общ. ред. И. В. Шардыко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – С. 133–135.
3. Гражданский кодекс БССР (с изменен. и дополн. по 10 июня 1927 г.). – Минск : Изд-во п/отдел законодат. предлож. НКЮ, 1927. – 113 с.
4. Жилищный вопрос // Коммунальное дело. – 1923. – № 9–10. – С. 70.
5. Резолюции VI-го Всебелорусского съезда работников коммунального хозяйства. – Минск : Центр. правление СРКХ БССР, 1927. – 23 с.
6. О жилищной политике : постановление ЦИК и СНК СССР, 4 янв. 1928 г. // Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьян. правительства СССР. – 1928. – № 6. – Ст. 40.
7. Национальный архив Республики Беларусь – Фонд 333. Оп. 1. Д. 403. Проект Жилищного кодекса Белорусской ССР.

Поступила в редакцию 17.01.2017 г.

Контакты: burvik05@yandex.by (Бураков Виктор Николаевич)

Burakov V.N. HISTORICAL AND LEGAL BACKGROUND OF HOUSING LAW CODIFICATION IN THE BSSR.

The article presents an overview of the activities of the Soviet government on the codification of housing law. The article describes the housing code draft in the BSSR in 1929, which incorporated the achievements of the Soviet housing law, and by its content was intended to provide a systemic regulation of social relations in the field of housing.

Keywords: housing code, the codification of housing law, the systematization of law, municipalized housing fund, private housing fund.

УДК 347.4

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ПОЖИЗНЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ С ИЖДИВЕНИЕМ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО ЯВЛЕНИЯ

Н. В. Пантелеева

кандидат юридических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Статья посвящена анализу конституционных прав личности применительно к заключению и исполнению договора пожизненного содержания с иждивением. Рассматриваемый договор носит социально-правовую направленность, и в этой связи содержание договора во многом перекликается с нормами Конституции Республики Беларусь, направленными на защиту прав и интересов граждан. В том числе в статье исследуется комплекс мер, ориентированных на реализацию социальной интеграции для уязвимых слоев населения.

Ключевые слова: договор ренты, договор пожизненного содержания с иждивением, социальная интеграция, конституционные права и обязанности, предмет договора, плательщик ренты, получатель ренты, государство.

Введение

Договор пожизненного содержания с иждивением является составной частью обязательного права, и нормы, его регламентирующие содержатся в Гражданском кодексе Республики Беларусь: статья 572 гласит: “По договору пожизненного содержания с иждивением получатель ренты – гражданин передает принадлежащее ему недвижимое имущество, за исключением земельного участка, в собственность плательщика ренты, который обязуется осуществлять пожизненное содержание с иждивением гражданина и (или) указанного им третьего лица (лиц). При этом земельный участок передается под выплату ренты в соответствии с законодательством об охране и использовании земель”. Иными словами – это классическая правовая конструкция гражданско-правового договора, но тем не менее он носит ярко выраженную социальную направленность, доверительную (фидуциарную) природу и в качестве предмета предполагает пакет услуг по уходу, которые плательщик рентных платежей оказывает получателю ренты [1; 4].

В этой связи договор пожизненного содержания с иждивением имеет существенное значение как сделка, отвечающая социальной политике государства, так как способствует решению задач, связанных с социальной интеграцией пожилых граждан и, в том числе инвалидов, которые по разным причинам (отсутствие родственников либо одиночество, вызванное иными обстоятельствами; преклонный возраст и слабое здоровье в силу возраста либо по причине инвалидности) не имеют возможности ухаживать за собой самостоятельно, а также не могут изыскать источники дохода, кроме пенсии по возрасту или инвалидности.

Понятие социальной интеграции относительно новое, заявленное в рамках государственной программы “Социальная интеграция инвалидов и пожилых гражд-

дан” и регламентировано в Постановлении Совета Министров Республики Беларусь “Об утверждении государственной программы о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 годы” от 30 января 2016 г.

Под социальной интеграцией понимается комплекс мер по повышению качества жизни инвалидов и пожилых граждан посредством создания им условий для независимого проживания и эффективного участия в жизни общества. Социальная интеграция объединяет такие мероприятия по медицинской, профессиональной, трудовой и социальной реабилитации инвалидов и пожилых граждан, которые актуальны в качестве существенных условий договора пожизненного содержания с иждивением. В частности, это мероприятия, включающие:

- восстановление жизнедеятельности организма человека и компенсацию его функциональных возможностей, нарушенных вследствие перенесенных заболеваний;

- создание условий по достижению инвалидами и пожилыми гражданами уровня самообслуживания, достаточного для самостоятельного проживания.

Эти меры могут осуществляться самим плательщиком рентных платежей, им может быть физическое лицо (не обязательно родственник) или юридическое лицо, уставные цели которого не противоречат подобной деятельности. Учитывая специфический характер услуг, отношения между сторонами в договоре пожизненного содержания с иждивением носят доверительный характер. Это означает, что на стороне плательщика рентных платежей, вероятнее всего, выступает лицо, находящееся с получателем рентных платежей в близком психоэмоциональном контакте. Такие отношения обусловлены дружбой или определенной степенью родства, либо это могут быть соседские отношения. И даже когда получатель рентных платежей не имеет родственников и близких, он привязывается к лицу, оказывающему услуги по уходу, и замена такого лица на стороне плательщика рентных платежей может быть проблематичной и болезненной. Наличие таких отношений между сторонами дало основание А.П. Сергееву “квалифицировать договор ... как договор доверительного (фидуциарного) характера” [5, с. 384].

Отсюда лучше, чтобы на стороне плательщика выступали изначально близкие получателю лица. Но поскольку устойчивой тенденцией последних лет стало увеличение численности пожилых граждан, возросла потребность в представителях социальных служб. Так, в соответствии с положениями “Комплексной программы развития социального обслуживания на 2011–2015 годы”, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29.07.2010 г., в настоящее время в Республике Беларусь проживает около 2,1 млн пожилых граждан (21,4 процента всего населения страны), 506,7 тыс. инвалидов, 156 тыс. одиноких пожилых граждан, 42,2 тыс. ветеранов Великой Отечественной войны, 25,8 тыс. ветеранов боевых действий на территории других государств, 51,6 тыс. человек из числа лиц, пострадавших от последствий войн. В этой связи Программой о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 гг. регламентирована система социального обслуживания, которая представлена разветвленной сетью государственных учреждений социального обслуживания, а также рядом негосударственных некоммерческих организаций, оказывающих различные социальные услуги.

Вместе с этим следует отметить, что все мероприятия социального характера, в том числе проводимые в рамках договора пожизненного содержания с иждивением, отвечают характеру социального государства, закрепленному Конституцией Республики Беларусь.

Так, согласно статье 2 Конституции Республики Беларусь (далее по тексту – Конституция) “Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства ... Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности...”. Тем самым Конституция обозначила и закрепила в своих положениях высшую ценность и цель социальной политики Республики Беларусь. Однако это положение имеет значимое и глубокое содержание, в том числе и в контексте обеспечения жизнедеятельности таких уязвимых слоев населения, как одинокие личности, престарелые граждане, инвалиды и иные лица, имеющие проблемы со здоровьем. Поскольку договор ренты позиционируется нами как часть общегосударственной социальной программы, то целесообразно исследовать содержание определенных конституционных норм с позиции обеспечения прав граждан и их связь с гражданско-правовыми институтами. В частности, с социально-правовым контекстом договора пожизненного содержания с иждивением.

По этому поводу, в комментариях к Конституции И.И. Пляхимович указывает, что права и свободы – “это юридические возможности человека, гарантируемые государством ... гарантиями прав и свобод называются разнообразные средства, условия, необходимые для реального пользования правами и свободами”.

Одной из групп гарантий И.И. Пляхимович называет материальные, т. е. деньги, иное имущество, необходимое для выплаты пенсий и пособий гражданам в связи с их правом на социальное обеспечение [6, с. 71–76]. Полагаем, что к таким материальным гарантиям можно отнести и рентные платежи, выплачиваемые плательщиком ренты ее получателю, так как помимо материального обеспечения рентные платежи в контексте пожизненного содержания с иждивением несут функцию социального обеспечения получателя ренты в форме предоставления медицинского ухода, питания и тому подобное, вплоть до последующего погребения.

Следующей группой гарантий является юридическая. Те есть гарантии, предусмотренные законодательством. Как то право на обращение в суд, обязанность уважать достоинство, права, свободы, законные интересы других лиц и т. д. Такие гарантии И.И. Пляхимович называет фактическими или юридическими феноменами. Представляется, что подобной фактической гарантией является право физического лица на совершение сделки пожизненного содержания с иждивением, которое сопровождается нотариальным оформлением, государственной регистрацией в Кадастровом агентстве по регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним [6, с. 71–76]. Учитывая особый социальный статус получателя рентных платежей, в качестве которого может выступать пожилое лицо, либо инвалид, либо иное лицо, нуждающееся в пожизненном содержании по состоянию здоровья, такому лицу в том числе может понадобиться юридическая помощь.

Помимо прочего, правовая регламентация договора ренты в целом сконструирована таким образом, что даже при незначительном нарушении существенных условий договора плательщиком рентных платежей у последнего возникает гарантированное Конституцией право обратиться в суд за расторжением договора пожизненного содержания с иждивением.

Республика Беларусь как социальное правовое государство играет первостепенную роль в обеспечении условий для свободного и достойного развития личности. При этом гарантия свободного развития личности – это воплощение либерального подхода, а достойного развития личности – воплощение принципа социального государства. Соответственно, следует придерживаться позиции

И.И. Пляхимовича в том, что право личности на достойное развитие является позитивным и означает право требовать от государства предоставления определенных благ: “Если обеспечение свободного развития человека включает невмешательство государства в его жизнь и охрану приобретенных им самим благ, то для достижения достойного развития необходима не только свобода, но и активная помощь государства своим гражданам, в том числе путем предоставления им готовых благ” [6, с. 75].

В этой связи, воплощение принципа социального государства тесно связано с экономическими условиями развития общества и государства, и в частности, помимо достойного духовного и физического развития – с достойным материальным обеспечением в повседневной, бытовой жизни. Этому отвечают положения, провозглашаемые статьей 21 Конституции “Каждый имеет право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий...”. Договор пожизненного содержания с иждивением является актуальным механизмом для реализации конституционных прав личности, предусмотренных статьей 2 Конституции и более того справедливо будет отметить, что пожизненное обеспечение по договору ренты может сводиться не только к материальной стороне.

Обозначенное в Конституции право на “...достойное развитие личности...” согласуется также со многими иными конституционными правами личности. В рамках взаимосвязи договора пожизненного содержания с иждивением с социальной программой рассмотрим некоторые из них, в частности, право на:

- жизнь (статья 24 Конституции);
- свободу, неприкосновенность и достоинство личности (статья 25 Конституции);
- на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство (статья 28 Конституции);
- неприкосновенность жилища (статья 29 Конституции);
- свободное передвижение и выбор места жительства (статья 30 Конституции);
- самостоятельное определение своего отношения к религии (статья 31 Конституции);
- свободу мнений, убеждений (статья 33 Конституции);
- на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды (статья 34 Конституции);
- участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей (статья 37 Конституции);
- право свободно избирать на основе всеобщего, равного, прямого или косвенного избирательного права при тайном голосовании (статья 38 Конституции);
- направлять личные или коллективные обращения в государственные органы (статья 40 Конституции);
- право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения (статья 44 Конституции);
- на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права (статья 46 Конституции);
- на социальное обеспечение в старости, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца и в других случаях, предусмотрен-

ных законом. Государство проявляет особую заботу о ветеранах войны и труда, а также о лицах, утративших здоровье при защите государственных и общественных интересов (статья 47 Конституции);

– на участие в культурной жизни (статья 51 Конституции) и т. д.

С другой стороны, следует согласиться с позицией И.И. Пляхимовича в том, что: “Смысл конституционных обязанностей человека состоит в конечном счете в обеспечении прав других граждан, которые, как и он являются высшей ценностью”. Отсюда, обязанность плательщика рентных платежей по пожизненному содержанию отвечает конституционной обязанности по обеспечению прав получателя рентных платежей. В этой связи отдельный интерес представляет само “пожизненное содержание” как предмет договора ренты. Официального определения этому термину не дано ни в Гражданском кодексе Республики Беларусь, ни в иных нормативных правовых актах.

Заключение

Таким образом, целесообразно отметить, что пожизненное содержание с иждивением как предмет договора – это не только материальное обеспечение получателя рентных платежей, так как этот договор имеет смысл только при наличии у получателя рентных платежей нуждаемости в уходе и оказании индивидуальных услуг, связанных с жизнедеятельностью в целом (медицинским обслуживанием, помощь в обеспечении культурной и общественной жизни в том числе). Вышеизложенное актуально еще и потому, что вопросы материального обеспечения могут быть решены в рамках договора пожизненной ренты, нормы которой в достаточной степени регулируют отношения сторон по передаче движимого и недвижимого имущества. Нормы же договора пожизненного содержания с иждивением как социально-правового явления призваны обеспечить не только свободную реализацию гражданских прав личности но и достойное ее развитие посредством социальной интеграции.

Однако, если обратиться к энциклопедическому определению понятия иждивения, то это полное содержание или помощь, являющееся постоянным основным источником средств к существованию. Следует отметить, что получатель рентных платежей по договору пожизненного содержания с иждивением статуса иждивенца не имеет, так как рассматриваемый договор является возмездной сделкой и предполагает достойное встречное удовлетворение, которое по итогу договора может значительно превысить весь пакет пожизненного содержания.

Отсюда иждивение – это процесс оказания материальной помощи, а **пожизненное содержание с иждивением** – действия, направленные на достойное развитие личности посредством оказания услуг по социальной интеграции, что предполагает и материальное обеспечение в том числе.

На основе анализа социальной направленности договора пожизненного содержания с иждивением целесообразно выработать следующие понятия:

1) **пожизненное содержание с иждивением одного гражданина другим** – это имущественные и личные неимущественные, связанные с имущественными отношениями граждан, формирующиеся в условиях правового, социального государства на основе конституционных принципов, включающее гарантии реализации гражданских прав гражданина и исполнения гражданских обязанностей по обеспечению достойного развития личности;

2) **пожизненное содержание с иждивением** – действия и услуги, осуществляемые дееспособными физическими лицами, уполномоченными и специализированными некоммерческими организациями (социальными службами), в лице

квалифицированных работников, направленные на материальное обеспечение и достойное развитие личности в двух формах:

- в порядке социальной интеграции;
- посредством заключения договора пожизненного содержания с иждивением;

3) **договор пожизненного содержания с иждивением** – это обязательство, в силу которого получателю рентных платежей, как правило, одинокому пожилому гражданину или инвалиду плательщиком ренты предоставляется пакет услуг, который может носить или носить личный характер в уходе или обеспечении в питании и медикаментах и т. д., очень схожий с характером и сущностью социальной интеграции, что придает договору социальную направленность и делает его элементом государственной политики по социальному обеспечению граждан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 года, № 218-З в редакции Кодекса от 05.01.2016, № 352-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. О налогообложении имущества, полученного по договору пожизненного содержания с иждивением : решение Конституционного суда Республики Беларусь от 23 января 2003 года // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “О подоходном налоге с физических лиц” : Закон Республики Беларусь от 9 декабря 2005 г. № 78-З // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. О некоторых вопросах уплаты подоходного налога физическими лицами : Указ Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2005 г. № 634 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
5. **Сергеев, А. П.** Гражданское право : учебник / А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. – Москва, 1998. – 784 с.
6. Об утверждении государственной программы о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 годы : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 января 2016 года, № 73 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
7. **Пляхимович, И. И.** Комментарий к Конституции Республики Беларусь : в 2 т. / И. И. Пляхимович. – Минск : Амалфея, 2015. – Т. 1. – 1224 с.

Поступила в редакцию 21.12.2016 г.

Контакты: natalivik@tut.by (Пантелеева Наталья Викторовна)

Panteleeva N.V. PREREQUISITES OF A PERPETUAL MAINTENANCE CONTRACT AS A SOCIAL AND LEGAL ACT.

The article provides the analysis of the constitutional rights relevant to signing and implementing a contract of perpetual maintenance and dependence. The contract is socially oriented, thus its content has much in common with the norms of the Constitution of the Republic of Belarus aimed at the defence of the citizens' rights and interests. The article also considers measures improving social integration of socially vulnerable groups.

Keywords: annuity contract, perpetual maintenance contract, social integration, social rights and responsibilities, subject of a contract, annuity payer, annuity beneficiary, state.

УДК 343.35

К ВОПРОСУ КОМПАРАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ В СНГ

О. Н. Рябченко

кандидат юридических наук, доцент,
Институт права, социального управления и безопасности
Удмуртского государственного университета

Во введении указан объект – институт компаративных исследований проблем группы преступлений против порядка управления в странах Содружества Независимых государств (на примере УК Молдовы и УК Украины). Целью исследования является анализ зарубежного опыта в части определения уголовно-правовых средств борьбы с рассматриваемым видом преступных посягательств. Предметом исследования выступают доктринальные источники в области уголовного права. В основной части определены правовые особенности общей характеристики группы преступлений против порядка управления по УК Молдовы и УК Украины. В заключении на основании анализа уголовного законодательства двух стран исследован вопрос правовых особенностей системы преступлений против порядка управления в УК Республики Молдова и УК Украины, а также проведен сравнительный анализ рассматриваемых преступлений с УК РФ.

Ключевые слова: компаративная проблематика, преступления против порядка управления, объект преступлений, управленческая деятельность, УК Республики Молдова, УК Украины.

Одним из перспективных исследований в структуре компаративной части проблематики уголовного права РФ занимает анализ положений уголовного законодательства стран Содружества Независимых Государств. Никакие политико-правовые процессы современности не могут отменить того факта, что на протяжении не одного десятилетия уголовное законодательство стран СНГ развивалось в рамках единой политико-правовой концепции, единых идейных установок и единого доктринального поля. Обращаясь к правовой истории, невозможно не заметить ее существенное инерционное значение, что сегодня во многом и обуславливает совпадающие позиции стран по вопросам предупреждения преступлений уголовно-правовыми средствами. Потенциал прошлых событий служит надежной базой для развития современных интеграционных процессов, развитие которых в области уголовного права поддерживается и стимулируется функционированием Межпарламентской ассамблеи стран СНГ, в частности, ее непрерывной работой в направлении создания модельных нормативных правовых актов.

Модельный Уголовный кодекс для стран СНГ был утвержден в 1996 г. [1] и с изменениями от 27 ноября 2015 г. действует по сегодняшний день, во многом составляя основу перспективного развития национального уголовного законодательства всех стран Содружества. Между тем, сравнение текста этого рекомендательного акта с уголовным законодательством стран [2], а равно сопоставление нормативных правовых документов самих стран-участниц, показывает, что наря-

ду с определенным “общим ядром”, преступления против порядка управления демонстрируют в целом ряде аспектов весьма несовпадающие характеристики.

Обратим внимание на структурное оформление соответствующей группы предписаний в структуре уголовного закона. Модельный кодекс рекомендует выделить преступления против управления в самостоятельную главу закона с соответствующим названием. Практически все страны Содружества восприняли эту рекомендацию, тем более, что она соответствует правовой традиции, заложенной еще в советский период истории. На общем фоне выделяются лишь два государства – Республика Молдова и Украина.

Законодатель Молдовы позиционирует преступления против порядка управления в качестве посягательств на интересы государства и соответствующая глава XVII в УК Молдовы называется “Преступления против публичной власти и безопасности государства”. В связи с чем традиционные преступления против порядка управления соседствуют здесь с диверсией (ст. 343), государственной изменой (т. е., изменой Родине – ст. 337), шпионажем (ст. 338), захватом государственной власти и насильственного удержания государственной власти (ст. 339), вооруженным мятежом (ст. 340) и иными деликтами против национальной безопасности. Такое размещение категорий, на наш взгляд, не свидетельствует о наличии некоего обобщенного объекта, охватывающего своим содержанием, и безопасность государства, и отношения в сфере управления. Скорее всего, такое объединение является сугубо внешним, искусственным. Однако оно, во-первых, демонстрирует признание повышенной опасности преступлений против порядка управления, их тесную связь с интересами безопасности государства (хотя это обстоятельство и не находит явного подтверждения в санкциях преступлений против порядка управления); во-вторых, исключает из сферы уголовно-правовой охраны исследуемых норм отношения и интересы, которые не затрагивают государство, осуществляются без участия его органов в качестве субъектов. В связи с чем соответствующая глава УК Республики Молдовы не содержит, к примеру, описания таких преступлений, как в УК Украины – воспрепятствование деятельности средств массовой информации и журналистов (это посягательство против конституционных прав граждан), действия, дезорганизующие деятельность пенитенциарных учреждений (это преступление против общественной безопасности и общественного порядка) и т. д.

Представляется, что законы Украины и Республики Молдовы демонстрируют, таким образом, два крайних подхода к пониманию сути и социальной направленности преступлений против порядка управления, с одной стороны, непомерно расширяя, а с другой – максимально ограничивая сферу охраняемых отношений. Выбор того или иного варианта конструирования уголовного закона, конечно, определяется множеством правовых, доктринальных и иных факторов. Но столь существенные, как в рассматриваемом случае, отличия отражают и более глубокий слой формирования уголовного законодательства – особенности фундаментальных политических отношений, взаимные отношения и взаимодействие личности и власти, государства и гражданского общества. Не предвешая оценок выявленных различий (поскольку различия в уголовном законе далеко не всегда являются свидетельством прямых отличий в политических отношениях), отметим все же, что “серединная позиция” Модельного УК для стран СНГ и вслед за ним большей части государств Содружества представляется нам в большей степени обоснованной и оправданной: нормы о преступлениях против порядка управления защищают, прежде всего, систему государственного управления, но не только

его, в равной мере защищая публичные отношения в сфере самоуправления граждан; в тоже время эти нормы не ориентированы на защиту всех отношений в области функционирования любых общественных объединений, в том числе и не связанных с реализацией функций публичного управления.

Если украинский закон демонстрирует тенденцию к расширению границ объекта преступлений против порядка управления в сторону от жесткой привязки соответствующих отношений к государственным и иным, выполняющим государственные функции органам, как их неперемennomу субъекту, то УК Украины поименовал соответствующий раздел XV “Преступления против авторитета органов государственной власти, органов местного самоуправления, объединений граждан и преступления против журналистов”. При этом группа преступных посягательств против личности и деятельности журналистов, которая и изменила изначальное название раздела, появилась в его составе относительно недавно, в связи с изменениями кодекса Законом № 421-VIII от 14.05.2015 г. [3]. Однако представляется, что включение этих посягательств в исследуемый раздел – дань давней традиции использовать его в качестве “накопителя” и размещать среди преступлений против порядка управления посягательства, природа которых либо до конца не осмыслена, либо которым нет очевидного места внутри иных групп преступлений.

Лишь с некоторой долей условности можно признать, что журналист в контексте рассматриваемого раздела – представитель определенного (профессионального) объединения граждан, а посягательство на него – преступление против нормальной деятельности представителей общественности. Предпосылки к такому решению имеются. В частности, в украинской учебной литературе еще до 2015 г. отмечалось, что родовым объектом преступлений против порядка управления является определенная группа общественных отношений, возникающих не только между органами государственной власти, органами местного самоуправления, но также объединениями граждан и физическими лицами [4]. Непосредственными объектами преступлений против порядка управления назывались общественные отношения, обеспечивающие, среди прочего, авторитет государства и установленного в нем государственного и общественного строя, нормальную деятельность органов власти, управления, общественных организаций, должностных лиц и представителей общественности [5, с. 153–154]. При изначально достаточно широком понимании объекта преступлений против порядка управления, как отношений, включающих в себя не только элементы системы собственно государственного управления, но и иные управленческие отношения, в частности, связанные с работой органов самоуправления и общественных организаций, посягательства на деятельность профессиональных организаций и их представителей вполне укладываются в рамки главы о преступлениях против порядка управления.

Единственное, что здесь стоит принять во внимание, – это характер деятельности таких организаций. Очевидно, он должен иметь публичный характер, а сама деятельность должна иметь общественное значение, осуществляться в интересах государства, общества, прав и свобод граждан. Но при таком подходе границы раздела становятся сложно обозримыми, поскольку кроме журналистов имеется еще целый ряд профессий, само существование которых предопределено общественной значимостью и полезностью (достаточно вспомнить в связи с этим широкое общественное обсуждение проблемы уголовно-правовой оценки преступлений против медицинских работников, которое развернулось в России в 2016 г. [6], [7]).

В тоже время нельзя не заметить, что Раздел 15 УК Украины не содержит в своем наименовании указания на управленческие отношения. Он посвящен охране авторитета органов власти, управления и общественных объединений [8, с. 31; 9, с. 931]. Это обстоятельство в известной степени также «снимает препятствия» для расширения пределов раздела. Авторитет складывается не только в рамках конкретных отношений с участием указанных органов и организаций; это более широкое понятие. Именно признание и защита авторитета объединений граждан позволила украинскому законодателю включить в рассматриваемый нами раздел ст. 340 УК Украины «Незаконное препятствование организации или проведению собраний, митингов, шествий и демонстраций», которая во всех иных кодексах стран Содружества находится за пределами группы преступлений против порядка управления.

Широкая нормативная трактовка объекта, как представляется, не в полной мере осознается специалистами. Сами украинские специалисты в цитированных выше источниках отмечают, что объект исследуемой группы преступлений – отношения, складывающиеся «в связи с осуществлением административно-распорядительных функций с целью защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц», «в сфере осуществления на основе закона или иных нормативных актов исполнительной и распорядительной деятельности органов государства». Здесь налицо дань традиции усматривать в соответствующей группе посягательств преступлений именно против порядка управления, одной из характеристик которого и выступает авторитет власти и управления.

Таким образом, современная нормативная практика украинского законодателя вновь активизирует большую и сложную дискуссию относительно пределов управленческих отношений в целях конструирования главы о преступлениях против порядка управления в уголовном законодательстве. Представляется все же, что отчетливая заявка на их расширение не может быть признана оптимальной и перспективной.

Законодательство нормы о преступлениях против порядка управления защищает, и, прежде всего, систему государственного управления, но не только его, в равной мере защищая публичные отношения в сфере самоуправления граждан; в тоже время эти нормы не ориентированы на защиту всех отношений в области функционирования любых общественных объединений, в том числе и не связанных с реализацией функций публичного управления.

УК РФ в части понимания преступлений против порядка управления выдержано в рамках этого общего подхода. Однако оно имеет некоторые резервы к совершенствованию. В частности, представляется необходимым внести принципиальное уточнение в описание круга субъектов управления, деятельность которых ставится под охрану нормативными предписаниями главы 32 УК РФ. Эта глава, как известно, расположена в Разделе X «Преступления против государственной власти», что закономерно приводит к необходимости отождествления «порядка управления» и «порядка государственного управления» для целей уголовно-правового анализа. В связи с чем в литературе чаще всего высказываются суждения о том, что глава 32 УК РФ охраняет порядок государственного управления либо государственного и муниципального управления. Вместе с тем, некоторые специалисты при характеристике объекта преступлений против порядка управления сужают спектр субъектов управленческой деятельности до органов исполнительной власти (иногда даже предлагают соответствующим образом переименовать главу 32 УК РФ) [10, с. 65], тогда как другие, напротив, включа-

ют в него и негосударственных субъектов управления (общественные объединения, учреждения и др.) [11, с. 10].

Решение вопроса о субъектах управленческой деятельности для целей характеристики объекта исследуемой группы преступлений представляется принципиальным, поскольку оно связано с двумя ключевыми характеристиками российской правовой системы: организацией государственной власти и исходным пониманием признака противоправности преступления.

В первом случае важно обратить внимание на содержание основ конституционного строя России, которое изложено в Главе 1 Конституции страны. Так, ст. 3 Конституции РФ, признавая единственным источником власти в стране народ РФ, закрепляет тезис о том, что народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления; ст. 10 устанавливает, что государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную; ст. 12 исключает органы местного самоуправления из системы органов государственной власти; ст.ст. 13 и 14 определяет, что общественные и религиозные объединения не могут довлеть над государственной идеологией, политикой и практикой управления.

Исходя из этих предписаний, необходимо различать: самоуправление народа (на всенародном референдуме и через систему местного самоуправления) и “внешнее” управление им через систему созданных им же органов государственной власти; управление в масштабах всего населения, населения определенной территории (субъекта федерации и муниципального образования) и управление внутри общественных объединений. Государственное управление, строго говоря, может быть мыслимо только как деятельность органов государственной власти, причем всех ее ветвей – законодательной, исполнительной и судебной – в масштабах страны в целом или субъекта федерации.

Однако при таком подходе целый пласт управленческих отношений в сфере реализации муниципального уровня власти останется без надлежащей правовой охраны, что недопустимо. А потому муниципальное управление должно быть представлено в содержании объекта преступлений, предусмотренных главой 32 УК РФ.

Основание для такого решения дает и сам кодекс. Обратим внимание на то обстоятельство, что Раздел X УК РФ содержит внутреннее противоречие, когда провозглашает за собой охрану именно государственной власти, в главе 30 ставит под охрану отношения не только в сфере реализации собственно государственной власти и службы, но и в области муниципальной службы (что, очевидно, шире). Для упорядочения ситуации представляется возможным распространить понятие “порядок управления” на отношения в области и государственно-го, и муниципального управления, но при этом изменить название Раздела X УК РФ, обозначив его как “Преступления против государственной и муниципальной власти”.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Модельный Уголовный кодекс для государств–участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт. Принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств–участников Содружества Независимых Государств 17.02.1996 г. [Электронный ресурс]: <http://iacis.ru/upload/iblock/753/019.pdf> (дата обращения – 25.10.2016).

2. Актуальный текст уголовного законодательства стран Содружества Независимых Государств (по состоянию на 15.10.2016 г. приведен в электронной базе данных, см.: <http://base.spinform.ru/spisdoc.fwx?countryid=al&qtype=0&doctype=3>; (дата обращения: 15.10.2016).
3. Закон України № 421-VIII от 14.05.2015 г. “Про внесення змін до деяких законодавчих актів України що до посилення гарантій законної професійної діяльності журналістів” // Відомості Верховної Ради (ВВР). – 2015. – № 29. – Ст. 264 [Электронный ресурс]: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/421-19/paran8#n8> (дата обращения – 26.10.2016).
4. Кримінальне право України: Особлива частина : підручник / М. І. Бажанов, Ю. В. Баулін, В. І. Борисов [та ін.] ; за ред. проф. М. І. Бажанова , В. В. Сташиса, В. Я. Тація. – 2-е вид., перероб. і доп. – К. : ЮрінкомІнтер, 2005. – 544 с. [Электронный ресурс]: <http://forlawyer.com.ua/knigi/ugolovnoe-pravo-ukrainy-osobennaya-chast/2607-rozdl-xv-zlochini-proti-avtoritetu-organv-derzhavnoyi-vladi.html> (дата обращения – 26.10.2016).
5. **Гуторова, Н. А.** Уголовное право Украины. Особенная часть : конспект лекций. – 2-е изд., перераб. и доп. – Харьков : Одиссей, 2004. – 320 с.
6. RT на русском. 14 октября 2016. СМИ: В России могут ужесточить ответственность за нападение на врачей [Электронный ресурс]: <https://russian.rt.com/article/326022-v-rossii-sobirayutsya-uzhestochit-otvetstvennost-za-napadenie> (дата обращения – 27.10.2016).
7. См. также: Законопроект № 999789-6 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части введения повышенной уголовной ответственности за посягательство на жизнь медицинского работника, применение насилия в отношении медицинского работника и оскорбление медицинского работника) [Электронный ресурс]: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=999789-6&02> (дата обращения – 27.10.2016).
8. Заметим, что видные представители украинской уголовно-правовой науки и в советские времена придерживались широкого взгляда на содержание объекта преступления против порядка управления. В частности, М.И. Бажанов в начале 70-х гг. прошлого столетия писал: “Родовым объектом всех этих преступлений является порядок управления, то есть определенная группа общественных отношений, которая обеспечивает нормальную деятельность органов управления (государственных, общественных, кооперативных) при реализации ими задач коммунистического строительства”. См.: Бажанов М.И., Сташис В.В. Преступления против порядка управления : учеб. пособие. – Харьков, 1971. – 74 с.
9. **Бажанов, М. И.** Избранные труды / сост.: В. И. Тютюгин [и др.] ; отв. ред. В. Я. Тацій. – Харьков : Право, 2012. – 1244 с.
10. **Аббасов, Ф. Н.** Пути совершенствования отдельных норм Главы 32 Уголовного кодекса РФ, предусматривающих ответственность за преступления против порядка управления / Ф. Н. Аббасов, Г. А. Агаев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 2(46). – С. 64–68.
11. **Рудый, Н. К.** Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ : автореф. дис... докт. юрид. наук : 12.00.08. РУДН – М., 2009. – 39 с.

Поступила в редакцию 15.11.2016 г.

Контакты: okt.wa@yandex.ru (Рябченко Оксана Николаевна)

Ryabchenko O. N. ON THE ISSUE OF COMPARATIVE STUDIES OF CRIMES AGAINST THE CIS CONTROL ORDER.

In the introduction the specified object – the Institute for comparative research of crimes against public order in the countries of the Commonwealth of Independent States (on the example of the Criminal Code of Moldova and the Criminal Code of Ukraine)- is provided. The aim of the study is to reveal international experience in the determination of the criminal-legal means to struggle the considered types of criminal attacks. The subject of the research is the doctrinal sources in criminal law. In the main part legal features of the general character-

istics of the groups of crimes against public order under the Criminal Code of Ukraine and the Criminal Code of Moldova are identified. In conclusion, the analysis of the criminal legislation of the two countries involves the consideration of the question of legal features of the system of crimes against public order in the Criminal Code of the Republic of Moldova and the Criminal Code of Ukraine, as well as the comparison of the crimes of the Criminal Code.

Keywords: comparative perspectives, crimes against public order, the object of crime, the Criminal Code of the Republic of Moldova, the Criminal Code of Ukraine.

УДК 347.78

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧЕТА ИНВАЗИВНЫХ ВИДОВ РАСТЕНИЙ

К. М. Иванец

аспирант,
Белорусский государственный университет

В статье анализируются теоретические подходы и нормы конституционного и экологического законодательства о государственном учете инвазивных видов растений Республики Беларусь, как элемента организационно-правового механизма охраны окружающей среды.

На основе рассмотренных положений законодательства обосновывается необходимость внесения изменений и дополнений в действующее эколого-правовое законодательство, направленное на совершенствование норм в сфере учета в области охраны окружающей среды, как гарантии конституционного права на благоприятную окружающую среду.

Ключевые слова: учет, кадастр, чужеродный вид, инвазии, учет инвазивных видов растений, растительный мир, охрана окружающей среды, экологическое право.

В последние десятилетия в связи с хозяйственной деятельностью человека на территорию Республики Беларусь проник целый ряд видов, которые являются чужеродным элементом в фауне и флоре республики. Процесс инвазии значительно ускорился в связи с глобальным потеплением климата и интенсификацией товарных и иных отношений с различными странами, радикального увеличения транспортных потоков. В настоящее время инвазии чужеродных видов признаны глобальной экологической проблемой.

Проблема проникновения чужеродных видов имеет целый ряд негативных последствий экологического, экономического и социального характера. По заключениям международных экспертов инвазии чужеродных видов в глобальном масштабе являются второй по значимости (после антропогенного загрязнения среды) причиной вымирания аборигенных видов и потери биоразнообразия [1].

Экономические и экологические угрозы от инвазионных процессов

Экономические угрозы	Экологические угрозы
Снижение продуктивности популяций и экосистем	Снижение биоразнообразия экосистем
Прямой ущерб предприятиям (энергетика, рыбное, сельское и лесное хозяйство)	Межвидовая гибридизация и трансгенные переносы
Перенос паразитарных и инфекционных заболеваний растений и животных	Подавление или вытеснение аборигенных видов
Угрозы здоровью населения	Трансформация флористических и фаунистических комплексов

В свою очередь, теоретические и практические аспекты правовой охраны окружающей природной среды изучали: М.М. Бринчук [2], А.П. Гетьман [3], В.В. Петров [4], Г.Н. Полянская [5], О.И. Крассов [6]. Непосредственно исследо-

ванию правового регулирования инвазивных процессов посвящены работы таких ученых, как В. Семенченко [7], В.Е. Панова [8], Л.М. Абрамова [9] и др. Однако непосредственно исследования правового регулирования порядка ведения государственного учета инвазивных видов и растений в Беларуси не проводилось.

На примере растительного мира, автором статьи затронуты вопросы правового регулирования ведения государственного учета инвазивных видов растений.

Цель статьи – комплексное теоретическое исследование эколого-правового характера института “государственного учета инвазивных видов растений”, а также разработка научно обоснованных рекомендаций и предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Материал и методы. Материалом исследования послужила теоретическая и практическая правовая база в области охраны окружающей среды. Основными методами являются сравнение правовых норм на национальном и зарубежном уровне, а также метод анализа национальных правовых норм, на базе которых реализуется государственный экологический учет.

Результаты и их обсуждение. В настоящее время растительный мир в целом ученые рассматривают как весомую составляющую окружающей среды, важный элемент экосистемы и биологического разнообразия. Исследуемый природный объект играет чрезвычайно большую роль в экономике любого государства, в благосостоянии ее граждан, что ощутимо влияет на правовой режим растительного мира.

В Республике Беларусь вопросам охраны растительных ресурсов уделяется значительное место в правовой экологической системе. Во многом этому способствует масштабность территорий растительного мира в нашей стране.

Согласно Национальному докладу “Состояние окружающей среды Республики Беларусь”, представленному Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь и Республиканским научно-исследовательским унитарным предприятием “Бел ниц «Экология» по итогам 2015 г: природная растительность в структуре угодий занимает 64,4% территории Беларуси. Большая часть принадлежит лесам (39,5%) и лугам (15,8%) [10].

Государственное управление в области охраны и рационального использования растительности в Республике Беларусь включает в себя государственный учет, и как правовая его форма – ведение кадастра данного природного объекта.

На основании статьи 65 Закона Республики Беларусь “О растительном мире”, государственный учет объектов растительного мира ведется в соответствии с законодательством Республики Беларусь с целью учета количественных, качественных и других характеристик объектов растительного мира, объема, характера и режима их использования, а также для осуществления систематического контроля за изменениями количественных, качественных и других характеристик объектов растительного мира и обеспечения государственных органов, юридических лиц и граждан экологической информацией в области обращения с объектами растительного мира [11].

Учет объектов растительного мира включает обследования каждого объекта растительного мира, определение его качественных и количественных характеристик, заполнение учетных документов, составление плана месторасположения объектов растительного мира. При проведении учета объектов растительного мира одновременно должны производиться обследование и анализ общего состояния озеленения территории, в том числе его соответствия нормативу в обла-

сти озеленения, с целью определения конкретных мероприятий по сохранности объектов растительного мира.

Учет объектов растительного мира позволил выявить серьезную экологическую проблему – появление чужеродных инвазивных видов растений.

В последние десятилетия, в связи с хозяйственной деятельностью человека на территориях государств-участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) проник целый ряд видов, которые являются чужеродным элементом.

Проблема чужеродных инвазивных видов впервые остро была поставлена в Конвенции по биоразнообразию. В статье 8h указывается, что страны-участники Конвенции обязуются препятствовать проникновению чужеродных видов в абorigенные экосистемы, а также бороться с ними и уничтожать [12].

Мировые экономические потери от чужеродных видов приняли столь угрожающий характер, что это привело к принятию ряда законодательных актов: Конвенция по управлению балластными водами (Лондон, 2004) [13]; Конвенция по защите морской среды района Балтийского моря (Хельсинки, 1992) [14] и др. Выполнение вышеизложенных международно-правовых актов не может быть эффективным без обладания надлежащей экологической информацией об объекте исследования.

Marcel Rejmanek в своей работе доказал на примере древесных растений опасность инвазии. Его научный труд – доказательство того, что рассмотрение проблемы инвазии даже на теоретическом уровне, способно помочь заинтересованным лицам в реализации приоритетов по контролю интродуцированных инвазивных видов и позволяют прогнозировать риск будущих вторжений [15].

В тоже время Petr Rušek считает, что инвазивные растения имеют гораздо больше шансов причинить значительное воздействие на растения и животных на островах, а не на материке. Однако, большинство ученых с данной точкой зрения не согласны [16].

Республика Беларусь не стала исключением в наличии данной проблемы, из-за своего географического положения и трансграничного характера речных бассейнов, и выступает как регион-акцентор чужеродных видов. Это означает, что процесс инвазии чужеродных видов могут усиливаться.

По данным Института экспериментальной ботаники имени В.Ф. Купревича Национальной академии наук Беларуси всего в Беларуси произрастает более 300 видов инвазивных (чужеродных) растений. В 2011 г. пополнился список наиболее опасных из них. Среди данных видов растений, получивших широкое распространение на территории нашей республики, можно выделить группу особо агрессивных. Данная группа видов немногочисленна, но негативный эффект от их распространения существенен.

В борьбе с проблемой Республика Беларусь проводит государственно-правовые мероприятия не только на республиканском, но и региональном уровнях. Так, в республике инвазивные чужеродные виды подлежат государственному регулированию распространения и численности. В связи с этим был принят ряд правовых актов: Постановления Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 10 января 2009 г. № 2 “О некоторых вопросах регулирования распространения и численности видов дикорастущих растений” [17] и от 28 ноября 2008 г. № 106 “О некоторых вопросах регулирования интродукции и (или) акклиматизации дикорастущих растений” утверждены перечни видов дикорастущих растений, распространение и численность которых подлежат регулированию (6 видов и один род – мак), а также инструк-

ция о порядке проведения мероприятий по регулированию распространения этих видов [18].

При Национальной академии наук Беларуси в 2007 г. был создан Центр по инвазивным видам животных и растений, в задачи которого входят регистрация, инвентаризация, ведение банка данных по чужеродным видам, разработка прогнозов и оценка последствий инвазий для состояния биоразнообразия, организация взаимодействия с аналогичными структурами в других странах и международных органах.

Однако, несмотря на столь трудоемкую работу в борьбе с поставленной задачей, надлежащего эффекта не произошло бы без привлечения такого организационно-правового механизма получения экологической информации о чужеродных видах, как государственный учет. Таким образом, в Республике Беларусь активно осуществляется работа по созданию кадастра чужеродных видов.

На наш взгляд, при решении данной проблемы необходимо создать реестр чужеродных видов растений, при кадастре растительного мира, т. к. «кадастр» шире, чем понятие «реестр», который применяется для итоговых, информационно-формируемых в кадастре данных.

Создание данного реестра позволит:

- прогнозировать перспективы появления, распространения отдельных чужеродных видов;
- оценивать перспективы развития экосистем после осуществления природоохранных действий (создание охраняемых природных территорий, реинтродукции видов, проведения регуляции численности отдельных видов и пр.);
- оценивать вероятности внедрения чужеродных видов и последствий для биоразнообразия.

В рамках сотрудничества, Советом Глав правительств СНГ было принято решение Совета Глав правительств Содружества Независимых Государств «Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды государств-участников Содружества Независимых Государств» (далее – соглашение). Повышенный правовой интерес на международной арене к государственному учету природных ресурсов в форме кадастров, весьма оправдан. Так как без надлежащего обеспечения сбора, обработки, накопления и систематизации экологической информации на национальном уровне невозможно говорить о надлежащей реализации права каждого на благоприятную окружающую среду в целом.

На сегодняшний день в законодательстве государств-участников СНГ отсутствует специальный модальный законодательный акт, регулирующий общественные отношения как в области экологической информации в целом, так и процедуре создания ведения кадастра природных ресурсов, в котором бы отдельное место занимал вопрос о создании кадастра чужеродных видов, которые угрожают наземным, пресноводным и морским биоценозам.

На основании проведенного анализа, на наш взгляд, целесообразно разработать и принять модальный законодательный акт, который будет способствовать: гармонизации законодательства государств-участников СНГ в области экологической информации, созданию эффективных правовых механизмов реализации прав граждан на получение полной, достоверной и своевременной информации о состоянии окружающей среды, а главное будет, обеспечит своевременное выявление и снижение инвазии на территориях государств-участников СНГ.

Создание данного законодательного акта должно соответствовать основным целям и задачам, как СНГ в целом, так и созданного в рамках деятельности СНГ – Межгосударственного экологического совета государств-участников СНГ.

Заключение

В современном мире с возросшими масштабами межгосударственных и межконтинентальных перемещений населения и различных товаров, резко участились случаи непреднамеренного переноса чужеродных животных и растений. И все чаще в их числе – нежелательные, а нередко и вредные виды. Их перенос на новые территории (и акватории) и обоснование здесь (инвазии) вызывают, порой, самые серьезные экологические последствия. Для решения проблемы прогнозирования и распространения инвазивных растений на территорию Республики Беларусь, необходимо проведение государственного учета. При решении данной проблемы необходимо создать реестр чужеродных видов растений, при кадастре растительного мира Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Семенченко, В.** Проблема чужеродных видов в фауне и флоре Беларуси / В. Семенченко, А. Пугачевский // Наука и инновации, 2006. – № 10. – С. 15–20.
2. **Бринчук, М. М.** Экологическое право (право окружающей среды): учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности “Юриспруденция” / М. М. Бринчук – М. : Юристъ: Ин-т государства и права РАН, Акад. прав. ун-т., 2000. – 688 с.
3. **Гетьман, А. П.** Методологічні засади становлення правових основ охорони довкілля / А. П. Гетьман // Право України. – 2011. – № 2. – С. 11–19.
4. **Петров В. В.** Экологическое право России : учеб. для вузов / В. В. Петров. – М. : БЕК, 1995. – 557 с.
5. **Полянская Г. Н.** Охрана права государственной собственности на леса / Г. Н. Полянская. – М. : Госюриздат: Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР, 1956. – 252 с.
6. **Крассов О. И.** Право лесопользования в СССР / О. И. Крассов. – М. : Наука АН СССР: Ин-т государства и права, 1990. – 238 с.
7. **Semenchenko, V. P.** Checklist of aquatic alien species established in large river basins of Belarus / V. P. Semenchenko, V. K. Rizevsky, Mastitsky, S. E. Vezhnovets // Aquatic Invasions. – 2009. – Vol. 4. – № 2. – P. 337–347.
8. **Panov, V. E.** Assessing the Risks of Aquatic Species Invasions via European Inland Waterways: From Concepts to Environmental Indicators / V. E. Panov, B. Alexandrov, K. Arbačiauskas, R. Binimelis // Integrated Environmental Assessment and Management. – 2009. – Vol. 5. – № 1. – P. 110–126.
9. **Абрамова, Л. М.** Экспансия чужеродных видов растений на южном Урале (Республика Башкортостан): анализ причин и экологических угроз / Л. М. Абрамова // Экология. – 2012. – № 5. – С. 324–330.
10. Состояние окружающей среды Республики Беларусь : Нац. доклад / Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, РУП “Бел НИЦ «Экология». – Минск : Бел НИЦ “Экология”, 2015. – 102 с.
11. О растительном мире: закон Республики Беларусь, от 14 июня 2003 г., № 205-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
12. Конвенция о биологическом разнообразии: подписана в Рио-де-Жанейро 5 июня 1992 г.: ратифицирована постановлением Верховного Совета Респ. Беларусь, 10 июня 1993 г., № 2358-ХП // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

13. Конвенция по управлению балластными водами [Электронный ресурс]: [заключена в г. Лондон, 2004 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ЗАО “КонсультантПлюс”. – Минск, 2016.
14. Конвенция по защите морской среды района Балтийского моря [Электронный ресурс]: [заключена в г. Хельсинки, 1992г.] / КонсультантПлюс. Беларусь / ЗАО “КонсультантПлюс”. – Минск, 2016.
15. **Rejmanek, M.** What attributes make some plant species more invasive? / M. Rejmanek // Ecology. – 1996. – Vol. 77, iss.6. – P. 1655–1661.
16. **Ek, P. P.** A global assessment of invasive plant impacts on resident species, communities and ecosystems: the interaction of impact measures, invading species’ traits and environment / P. P. Ek, V. Ch. Jaros, P. E. Hulme, J. Pergl [et al.] // Global Change Biology. – 2012. – Vol. 18. – P. 1725–1737.
17. О некоторых вопросах регулирования распространения и численности видов дикорастущих растений: постановления Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, 10 января 2009 г. № 2 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр”. – Минск, 2016.
18. О некоторых вопросах регулирования интродукции и (или) акклиматизации дикорастущих растений: постановление Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 28.11.2008 № 106 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр”. – Минск, 2016.

Поступила в редакцию 20.12.2016 г.

Контакты: Kristina-gomel_8@mail.ru (Иванец Кристина Михайловна)

Ivanets K. M. LEGAL FRAMEWORK OF STATE ACCOUNTING OF INVASIVE SPECIES OF PLANTS.

In recent decades because of human economic activities on the territory of the Republic of Belarus a number of species alien to the fauna and flora of the Republic have appeared. The process of invasion has accelerated due to global warming and the intensification of commercial and other relations with various countries, as well as due to a dramatic increase in traffic flows. Currently, the invasion by alien species is recognized as a global environmental problem.

The article highlights the theoretical approaches and the rules of constitutional and environmental legislation on state accounting of plant resources of the Republic of Belarus as an element of organizational and legal mechanisms of environmental protection.

Based on the provisions of the law, the necessity of making changes and additions to the existing environmental law legislation aimed at improving standards in accounting of invasive species of plants is substantiated as a guarantee of the constitutional right to healthy environment.

Keywords: accounting, inventory, alien species, invasion, records of invasive species of plants, fauna, environmental protection, environmental law.